

Борис Корнев

БУХТА ПРОВИДЕНИЯ

Повесть, рассказы, очерки и эссе

Издание третье, исправленное и дополненное

«Историческая иллюстрация»
Санкт-Петербург
2018

Корнев Б.Ф. Бухта Провидения: Повесть, рассказы, очерки и эссе. – Изд. 3-е, испр. и доп. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2018. – 240 с.

ISBN 978-5-89566-185-7

В сборник под общим названием «Бухта Провидения» вошли повесть Бориса Корнева «Одна на всех...», рассказы, очерки и эссе, написанные автором за последние пять лет, некоторые из них послужили основой для создания образов литературных героев его книг «Дальтоник», «Реальная четвёрка», «Игра в „Тетрис“», «Тандем», «Танец Психеи» и «Профессиональный дилетант».

На обложке: Клод Моне. Впечатление. Восход солнца. 1872

© Б.Ф. Корнев, текст, 2018

© А.В. Спиридонов, макет и оформление, 2018

© «Историческая иллюстрация», 2018

Новые океаны

Эссе

Июнь. Цвет зелени сквозь пелену влаги оттеняет холодную гладь неба. Воздух насыщен сладким ароматом цветущей сирени, яблони и рябины. Он опьяняет и пробуждает воспоминания о чём-то милом и нежном. По прошествии стольких десятилетий, встретив однокашников, легко оглядываться в прошлое! Ещё лет двадцать назад было не так. А теперь совсем не чувствуешь этой дьявольской смеси из давно остывших страстей – зависти, ревности, гордости, потока развеянных мечтаний. Бездействует и печально известный эффект «портрета Дориана Грея». Вместо того, чтобы изумляться старению одногодок, вглядываешься в их лица и с головой окунаешься в юность. Угадываешь озорной блеск в глазах приятелей молодости, превратившихся в степенных учёных мужей. Вспоминаешь ещё не приглушённые годами порывы души и знакомое, чуть заметное движение руки когда-то понравившейся девчонки... Слышишь беззаботный смех, вновь чувствуешь радость от дружбы в походах, на празднованиях дней рождения, в стройотрядах. Почему-то именно там, а не на уроках, лекциях или семинарах, где нас испытывали бесконечными «тестами на выживаемость».

Как всплывают воспоминания? У всех по-разному. У меня сначала появляются запахи, звуки, красочные картинки, а уж потом они влекут за собой события и факты. Помню боль в руках, когда, насмотревшись фильма «Человек-амфибия», мы, будто в воду, Ихтиандром ныряли с парты на пол. Слышу музыку французской речи нового учителя

литературы. Чую острый запах аммиака, выползающий из-под неработающих вытяжных шкафов в лаборатории. До сих пор ощущаю дым от папирос профессора на всех его лекциях по неорганической химии и кислотоватый привкус в воздухе после запуска в полёте главной лестницы факультета ритуальной ракеты на День химика...

А танцы под «Мишель» на верхнем этаже общежития! Там, в конце коридора, притаилась маленькая комнатка. В ней после военных сборов одно время скрывался от коменданта наш однокурсник. Изголодавшиеся по острым ощущениям, в этой забытой Богом каморке мы днями напролёт играли в покер. Время от времени выныривали в коридор и, проплывая мимо пришедших на танцы, стреляли сигареты. Потом вновь погружались в мир искусственных эмоций... В комнате не было ничего особенного – железная койка с давно не стиранным бельём, длинный стол, сколоченный из досок, и шесть табуреток. На столе невеста откуда взявшаяся потёртая бархатная цвета бордо скатерть с рюшами. Ещё на вбитом в стену гвозде висела корзина с книгами. Такая простая плетёная корзинка для ягод и в ней, помню, «Игра в биссер» Гессе, «Милый друг» Мопассана, а рядом с каким-то учебником по органической химии – «Маленький принц»...

Как же хочется вернуться в то время! Тогда свежесть чувств ещё не успевала поблекнуть под гнётом вездесущего рассудка!

Теперь, спустя столько лет, ясно сознаёшь, что все эти годы в первую очередь мы искали самих себя. Искали, будто в фантастическом романе, как в «Игре в биссер», порою, не зная правил и пытаясь совместить несовместимое. Пробовали новое, ошибались, набивали синяки и шишки, вновь бросались в омут неизведанного. При этом мы всегда помнили известную истину: «Человек не сможет открыть новые океаны, пока ему не хватит мужества потерять из виду берег» (*Андре Жид*)...

От укоренившейся привычки к трудностям и к постоянной борьбе за «счастливое будущее» на глазах появлялись шоры. Они заслоняли множество других возможностей для

самовыражения. И тогда мы вынуждены были заниматься тем, что противоречило изначальному предназначению. Душа постепенно тускнела, заполнялась рассудительностью, расчётливостью, пропадал блеск глаз, исчезало чувство упоения и радости.

Вместо того, чтобы сначала понять самого себя, раскрыть способности, избавиться от разрушительных убеждений или комплексов, часто силится разобраться в окружающей обстановке. Конечно, искать себя трудно. Мы боимся этого больше всего на свете. Кажется, если не побывать у врача, то и болезни не будет. Как похоже на не очень складные, но точные по передаче чувства слова из песни: «И солнце б утром не вставало, когда-бы не было меня...».

Вот именно! Солнце не только не встанет. Оно не будет освещать твой жизненный путь. Жизнь у каждого одна, и свет для каждого свой. Для фанатика это факел, прожектор. Вспыхнул однажды, ослепил, и – никаких сомнений! Вот и бежит такой безумец, будто глупый заяц перед зажжёнными фарами «мерседеса». Ведь прожектор только тогда не слепит, когда светит в спину. Другой, не инфицированный патологической идеей, плывёт от звезды к звезде, попадая в ловушку их поля притяжения. Так и блуждает в бесполезных поисках своего «я», копируя кумиров и идя за кем-то на чужой, невидимый ему свет. По сути это чёрная дыра. Свет от такой звезды из-за её огромности не может оторваться. А во тьме кромешной даже не знаешь, чего хотеть. Обычно хотят изменить свою жизнь, но не знают, как и, что ещё важнее, – в какую сторону. Оставаясь в темноте без поводыря, волей-неволей, начинаешь самостоятельно искать свой Очаг. Ищешь, как умеешь. У одного это происходит быстрее, у другого – медленнее. Кому-то остаётся всего лишь шаг. Но этот шаг порою оказывается длиннее жизни.

Знаю, для многих наступал такой момент, когда нужно совершить прорыв, выйти за рамки привычных представлений о возможном. Почти всегда это соседствует с опасностью! Неизбежно наступает своеобразный «флаттер» – жёсткая вибрация души и тела. Некоторые не выдерживают – сбрасывают скорость. Лишь отчаянные нажимают на

газ и попадают в сверхзвук. Эти познают радость движения по жизни! Они, будто в сёрфинге, наслаждаются долгим скольжением по склону волны. Нужно лишь научиться подольше оставаться на её вершине в ожидании подходящих изменений, хорошо владеть самим собой и чувствовать малейшие дуновения ветра.

В девяностые, на перепутье эпох, свежие новости больно давали о себе знать. Зачастую они противоречили старой картине мира. А новую мы никак не могли себе представить. Тогда многие по несколько раз вынужденно ломали свою жизнь и потом мучительно искали любую кочку, на которую можно было бы опереться в трясине всеобщей неопределённости. Вокруг были иные люди и непривычные, несовместимые понятия и эмоции. Газеты с множеством орденов Ленина над названиями ругали Советскую власть... Длинные ряды мёрзнувших у метро плохо одетых людей продавали книги, носки, напильники... А где-то блистали роскошью корпоративы, дурманил запах дорогих лосьёнов, хороших сигарет и упругих пачек новеньких долларовых купюр. Криминал, бандиты, чиновники с неизменным «нет» на любую просьбу... Деньги, деньги, деньги...

Многие к таким поворотам судьбы были не готовы. «Когнитивную ригидность» приходилось гасить. Одни заливали душу алкоголем. Другие, наталкиваясь на разбросанные повсюду завлекающие игрушки, ринулись в бизнес. И те, и другие потом пополняли своими надгробиями городские кладбища. Тогда никто из них даже не догадывался, что только пять процентов от всех людей на планете могут заниматься предпринимательством. Такие из двух рублей сделают три, а потом ещё тридцать три, и дадут работу другим. Тогда ещё не знали, что бизнес может породить дружбу, но дружба бизнес – никогда! Мы переносили в новую неизведанную среду обитания привычные человеческие чувства: обиду, ненависть, любовь, зачастую по привычке одной рукой брали то, что плохо лежит, другой – тут же отдавали первому встречному жулику, выбрасывали деньги, чтобы «не пропали», одним глазом на икону дивились, другим – на ток-шоу в телевизоре.

Несмотря ни на что, выжили и те, кто остался верен своему первоначальному выбору. Их совсем немного. Сейчас они преподают то, чему учились, они в науке, у них есть свои ученики. Некоторые девицы удачно вышли замуж и посвятили себя семье и детям, третьи уехали за границу и там пытались найти применение своим умениям... Кто-то, как в набитый людьми «трамвай желаний», всё-таки влез в бизнес, в управление, в политику.

Так или иначе, но всё это время каждый искал свой приют души, этакую Бухту Провидения. Не тихую гавань, где можно укрыться от житейских бурь! Другое! Место, где не успеваешь фотографировать всё, что тебя окружает. Дело, которое сначала раскрыло твои способности, а затем позволило их реализовать... Люди, с которыми ты работаешь, с кем дружишь, кого любишь...

Если тебе повезло, и это случилось, очень может быть, что ты распознал самого себя! Ты в гармонии с окружающим миром и, что ещё важнее, с самим собой! Больше не нужно ничего ломать и переделывать, «высокие горы сдвигать», «менять течения рек», «по полюсу гордо шагать»...

Это как у загадочного поэта и художника Уильяма Блэйка... Аккуратно постриженная травка на газонах, обыкновенный листочек, колышущийся на ветру... Особенно осины! Если ночь была холодной, поутру на нижних лапах елей появляются хрупкие паутинки. Много тонких паутинок... Прикоснёшься – и они рассыпаются блестящими на солнце брызгами. А на фоне заходящего за кромку леса яркого оранжевого круга утренние белые берёзы стоят совершенно чёрные, и в молодом ельнике плутают последние отблески красного цвета. Будто кто-то не загасил костёр... Море ощущений, как вдох свежего воздуха через распахнутое окно, проникает в твою душу, наполняет восторгом, умилением и не вполне понятной истомой. То же чувствуешь при звуках грустной мелодии Зацепина из фильма про Арктику «Красная палатка»...

Ты почти счастлив!

Почему почти? А вдруг в тебя проникнет хандра или подберётся тоска по буйной молодости... Тогда, знаешь что?

Отвлекись на минуту от природы, от родных, от любимого дела, сядь в машину и поезжай в большой город, возьми мою собачку и поброди с ней на поводке по тихим улочкам. Увидишь тех, кто в утреннем сумраке тёмной массой движется от метро к какому-нибудь НИИ. Они, будто инопланетяне, с вечными наушниками от телефона и на ходу разговаривают сами с собой. Подожди, пока рассветёт, выйди на проспект и ты столкнёшься с иными. Эти снуют туда-сюда, в них ещё кипят неуёмные желания, они рвутся куда-то и жаждут богатства...

Увидел? И тех и других? Правда же, ты испытал необычное чувство! Теперь гони обратно и учись ценить, использовать и любить каждое мгновение твоей жизни!

«Одна на всех...»

Повесть

В центре приморского городка из репродуктора громко звучит музыка. Много раз отражённая стенами новых пятиэтажек, она рождает эхо, и эта разноголосица, чуть запаздывая, доносится до окраин. Здесь, на берегу залива, стоит старый деревянный дом; среди начинающих зеленеть молодых берёзок накрыт стол. Посередине – бутылки со «Столичной» и лимонадом. Рядом глубокая миска с салатом «Оливье» и блюдо со студнем. Тут и там маленькие тарелочки с тонко нарезанным салом, дольками чеснока, ломтиками бочковой селёдки, сбрызнутыми маслом и густо посыпанными кружочками репчатого лука. За столом – семь человек.

Каждый год на 9 мая приодетые по-праздничному мужчины и женщины собираются вместе. Вот и сегодня они сидят, выпивают, закусывают, говорят незатейливые тосты. Празднуют тридцатилетие Победы, пожалуй, самую большую радость за всю их жизнь. Ну, может, ещё Гагарин... Ему тоже положен тост. А в доме проигрыватель крутит одну и ту же пластинку, и каждый из семи невольно повторяет про себя слова песни: «И значит, нам нужна одна победа, одна на всех – мы за ценой не постоим».

На лацканах пиджаков троих из сидящих блестят медали, есть даже один орден. Тот, у кого орден, старше других, пол-лица коричневого цвета, в морщинах, будто родимое пятно, один глаз повреждён и почти не видит. Бывший танкист. Он дважды горел в своём танке, проваливался под лёд, подбил три «Тигра» и дошёл до Праги.

Второй ветеран – вернулся с войны ещё в сорок втором на костылях без ноги. Западнее Вязьмы самолёт с десантом был подбит и загорелся. Парашютисты успели выпрыгнуть, но ему довелось спуститься прямо на окоп с немцами. Ничего не оставалось – бросил вниз гранату...

Третий тоже успел повоевать. В последние дни войны – юнгой – тралил Финский залив. У этого вся грудь увешана значками и, конечно, есть медаль за победу над Германией.

Выпив водки и поев, мужчины поднимаются и медленно выходят из-за стола перекурить. Женщины убирают грязную посуду и накрывают к чаю: ставят самовар, приносят прямо из духовки румяные пирожки с яйцом и капустой. Все знают, что в трёх пирожках, как обычно, запрятано по шоколадной конфете. Кому попадётся – тому счастье. Мужчины стоя принимают ещё по одной стопке... и вдруг трое начинают бить четвёртого. Словно жуткий ритуал: бьют привычно, всерьёз, кулаками, да всё по лицу норовят. Бьют, а у самих слёзы на глазах...

1.

В мае сорок первого Василию исполнилось двенадцать. Заканчивался учебный год. Прогуливая последние школьные уроки, он с одноклассником Петькой убегал на берег Плюссы. Оба – вечно в ссадинах, лохматые, в драных штанах и в старых непонятного цвета фуфайках. Закинув удочки, они допоздна сидели в лодке, отмахиваясь от комаров, и, как заворожённые, не сводили глаз с самодельных поплавков, торчащих над зеркальной гладью воды. Потом через орешник лезли на крутой песчаный берег, чтобы оттуда смотреть вниз на свою деревню, на извилистую речку и тёмно-синий лес. Смотрели и мечтали: когда вырастут, вместе полетят на Северный полюс, а через много-много лет обязательно вернуться к этим словно игрушечным домикам с серыми крышами из выцветшей дранки. Петька, как обычно, издали станет выискивать сначала свой дом, потом Васькин, а после они будут долго спорить: за каким перелеском железная дорога, а за каким здание станции...

К ночи солнце нехотя сваливалось за кромку леса, небо на горизонте покрывалось свежей ржавчиной, а рядом в молодом ельнике, будто всполохи гаснущего костра, начинали мелькать яркие красные огни уходящего дня. Мальчишки возвращались домой.

Васькины родители погибли три года назад. Весной в разлив перебирались на другой берег реки, лодка перевернулась, и обоих унесло быстрой водой. Нашли их только через месяц. Петька отца вообще никогда не видел, а на мать обижался – привезла его, семилетнего, в деревню к бабке и оставила насовсем. Сама же уехала в Ленинград к новой семье. Васька-то хоть не один – у него сёстры. Катерина и Александра, совсем взрослые, ещё в конце тридцатых вышли замуж, поселились в Луге и там поступили в бухгалтерское училище. А Зина только пятью годами старше брата, но она оставалась в деревне и была Ваське вместо матери. Так и жили в старом родительском доме, сами управлялись и с хозяйством, и с огородом, собирали ягоды, грибы, всякие травы, сушили и сдавали в потребкооперацию.

В школе Васю считали смышлёным, но упёртым и непослушным. К двенадцати годам он вымахал под метр семьдесят и из-за этого казался старше своих лет. Все говорили, что он – копия Зинки. Глаза такие же большие и карие, но, в отличие от её тёплого бархатного взгляда, его круглые, почти чёрные глазки, словно угольки, всегда блестели озорными искорками. Петька совсем другой: голубоглазый и белобрысый, рос ребёнком тихим и покладистым, только ростом пока не вышел.

Вскоре началась война. На второй день в деревню из райцентра приехали военные. Тех, кто по возрасту подлежал мобилизации, построили возле клуба, и молодой командир с малиновыми петлицами и медалью на груди произнёс короткую речь. При этом он размахивал кулаком, как бы угрожая врагу, а потом, наверное для убедительности, вынул из кобуры свой огромный чёрный пистолет. Потом что-то говорил бородатый старик, деревенский кузнец, он ещё в пятнадцатом году с германцами дрался. Провожавшие молча толпились рядом, серьёзные и угрюмые. Когда

мужчины разместились на скамейках в кузове полуторки, женщины разом заревели. Деревенские мальчишки во время митинга стояли в одном ряду с мобилизованными, а после в клубах дорожной пыли бежали босиком за машиной, пока та не скрылась за поворотом.

В этот же день, обдумав как следует сложившуюся обстановку, Васька и Петька решили, что когда родина в опасности, отсиживаться дома нельзя. Взяли по куску хлеба, по луковице, насыпали в тряпицу немного соли, сунули свёртки за пазуху и айда на фронт. Через два дня в поезде милиционеры их отловили и вернули в деревню, благо железнодорожная станция была рядом.

Зина тогда долго ругала брата. Но уже спустя неделю мальчишки убежали вновь. Их снова поймали. И опять Зина ругала, плакала и уговаривала брата не глупить, остаться и помогать ей и стране здесь, работая в колхозе. Василий, виновато потупив голову, исподлобья смотрел на сестру, понимал, что расстраивает её, но в душе радовался. Ещё бы! В этот раз им удалось уехать гораздо дальше.

А через неделю фронт и сам подошёл. В деревню нагрянули немцы. Новая власть насаждала свой порядок: бургомистры, старосты, полицаи, приказы, расстрелы... Если что-то происходило в деревне недозволенное – кто-то из леса приходил и запасался продуктами или какие-то неизвестные что-то взрывали или поджигали, убивали германских солдат, – незамедлительно следовало жестокое наказание. Причём зверствовали, в основном, местные полицаи.

А мальчишки – опять за своё. Раз уж на фронт не попасть, так обязательно нужно поджечь хоть что-нибудь! Например, старый клуб с фашистским флагом на крыше или доску около колодца с объявлениями: за что расстрел, а за что только побьют. Ни то, ни другое у них не получилось. В первый раз вместо бензина нашли соляру, и она не разгоралась, все спички извели. Второй раз проспал Петька. И слава Богу! Потому что за такие дела, не разбираясь, сжигали всю деревню вместе с жителями.

Весной сорок второго в Германию на принудительные работы угнали Зину. Чтобы Вася один не пропал, его взяла

к себе Петькина бабушка. За прошедшие после этого полтора года ничего нового в деревне не произошло. Говорили меж собой про победу под Москвой и под Сталинградом, но для жителей посёлка так ничего и не поменялось. Только Петьку два раза ловили полицаи и били кнутом за то, что он без разрешения старосты шлялся по лесу. Потом бабка его еле выходила. Васька-то смышлённый, не попался. Многие из мужиков, кто остался в деревне, пошли служить в полицию. Им выдавали паёк, зарплату тридцать марок в месяц – почти триста рублей на советские деньги. А за «основательные сведения» о партизанах обещали ещё по целой сотне. Но партизан рядом не было, и сведений о них тоже.

«Добровольные помощники» новой власти заставляли жителей работать на станции, чистить пути, вырубать кустарник вдоль дороги, часто отбирали всякую живность и увозили в соседнюю деревню, где стояли немцы. Петькиной бабушке приходилось каждую неделю туда относить целую корзину с картошкой, морковкой и луком. Вообще-то из деревни выходили только с разрешения старосты. Была у неё такая бумага или нет?.. Но однажды бабушка ушла и не вернулась. Мальчишки её ждали-ждали, а после стали искать, даже спрашивали у старосты. Тот ничего не ответил, хотя наверняка знал, да только махнул рукой. Рискуя попасться, они бегали в ту деревню, где стояли немцы, прячась за каждым кустом, крались вдоль дороги в надежде что-нибудь увидеть или узнать о бабушке – ничего не удавалось. Тогда решили, что немцы её убили. Наверное, спросили документ, а раз нет его, значит, тут же и расстреляли.

После неудавшегося похода измученные мальчишки пробирались в опустевший Петькин дом. Сидели там и придумывали новые планы поиска и партизан, и какой-нибудь еды.

Осенью сорок третьего разнеслась радостная весть: фашистов сильно побили под Курском и теперь гонят отовсюду. Петька недоверчиво качал головой и приговаривал: «Слышь, Васька, я вот что думаю – просто так хорошего не

бывает! Рядом обязательно какая-нибудь пакость присоётся». Как в воду глядел! Полицаи снова занялись составлением списков жителей деревень. В райцентр приехали эстонцы, и всем стало ясно – опять будут увозить в Германию на работу. Многие, взяв всё, что можно унести, ушли в лес. Думали, хоть и зима на носу, но лучше уж в лесу у костра, чем на чужбине.

Неразлучная парочка, Васька и Петька, на хутор ходили не раз и знали, что там зимой никак не выжить, все сараи давно разрушились, доски сгнили, а дым от костров обязательно учуют – не немцы, так местные полицаи. Но и оставаться глупо. Потому, не дожидаясь, когда полицаи их загонят в амбар, мальчишки удрали за речку, подальше от деревни. А эсэсовцы решили, что всех деревенских забрали с собой партизаны. Раз так, то, как и полагается по их правилам, много домов пожгли.

В начале ноября ещё не слетела пожелтевшая листва, а выпавший снег своими шапками уже нагнул до земли молодые рябинки. Долго стоял мороз в пятнадцать градусов, даже Плюсса покрылась льдом. В безветрие дым над крышами уцелевших деревенских домов словно примерзал к печным трубам и белыми струями вытягивался навстречу чёрному небу с яркими немигающими звёздами и огромной круглой луной. Она, словно прожектор, ровным светом освещала побелевший от снега лес, притихшую деревню и низко стелющуюся пелену над пепелищем.

Целую неделю Вася и Петя плутали по глубокому снегу. Голодные и продрогшие от холода, в рваных валенках, вышли они, наконец, к железной дороге, потом пробирались вдоль путей, пока не наткнулись на чужую деревню. Постучали в первый же дом и стали еду просить. На этом все их хождения и завершились. Полицейские схватили мальчишек и заперли в подвале местной школы.

На другой день их и всю оставшуюся местную молодёжь погнали на соседнюю станцию. Над массой людей, сгрудившихся в одном месте, тяжело шевелились клубы пара. В окружении охранников с собаками они стояли на морозе целых два часа, чего-то ждали. Вдруг послышалась команда

и, ничего не объявляя, всех запихнули в два старых товарных вагона, закрыли двери, навесили замки, и поезд тронулся. Громкий непрерывный лай овчарок постепенно затих, только на стыках сжавшихся от мороза рельсов гулко били колёса. Металлический звук больно отдавался в голове у ребят, отстукивая мгновения уходящего детства.

2.

Внутри вагона холод был такой же, как снаружи. Правда, за час-другой успели надышаться, и это хоть немного согревало. Мальчишки протиснулись в тёмный угол. Петька прикрыл собой Василия, а тот ржавой железкой, подобранной тут же на полу, принялся выковыривать торчавшую из доски пола шляпку плохо забитого гвоздя. Пять часов, меняя друг друга, ковыряли доску и в кровь расцарапали ладони. Здоровенный гвоздь обнажился сантиметра на три. Его бы подхватить чем-нибудь! Глядишь, доску-то и поднять можно будет, а с её помощью и другую. Останется лишь шмыгнуть под пол – и всё!

На остановках конвой проверял состав со всех сторон, простукивая стены деревянными кувалдами. Утром в вагон вошли двое немцев в длинных шинелях с автоматами, с ними тощий мужик в чёрном пальто с разноцветной нашивкой на рукаве. То ли русский, то ли нет, – непонятно. Оглядели всех. Видимо, кого-то искали. Не нашли. Ни воды, ни еды не дали, вышли, заперли двери, и поезд снова тронулся. За следующие три часа от сильной тряски гвоздь вернулся на своё прежнее место и теперь едва торчал из доски. Мальчишек мучила жажда и жутко хотелось есть.

За оконной решёткой мелькали деревья, электрические столбы, потом появились многоэтажные серые здания, заводские трубы, станции, белые таблички с иностранными буквами. В другую сторону на огромной скорости проносились эшелоны с пушками и танками, укрытыми брезентом. Небо постепенно темнело, надвигались сумерки уже третьего дня. Уехали далеко, наверное, за тысячу километров. Вдруг взрыв. Протяжными гудками загудел паровоз, вагон резко толкнуло, лязгнули буфера. В раздвинутые

двери вместе с морозным вечерним воздухом и едким дымом от горящего эшелона с силой ворвался громкий лай собак и такие же отрывистые немецкие команды. Все стали выпрыгивать. Ещё не поднявшись с земли, хватали ладонями снег вместе с разбрызганной взрывом чёрной землёй и глотали эту кашу, утоляя жажду. Охрана стояла у каждого вагона и гнала людской поток в сторону от железной дороги. Впереди состава виднелись чёрные воронки, торчавшие в разные стороны шпалы и исковерканные рельсы. Кто-то сказал, что это Польша.

Колонна растянулась почти на километр. Кого тут только не было! Остарбайтеры, как Петька с Васькой, военнопленные, эстонские охранники, немецкие раненые с поезда. Этих в стороне от основной колонны несли охранники и санитары в белых халатах. Решив, что немцы заняты сами собой, человек десять кинулись бежать... Их тут же уложили из пулемёта. Как будто кто-то невидимый и вездесущий сидел высоко на дереве, на крыше дома или где-то на облаке, смотрел за порядком и мгновенно исправлял неполадки в точном немецком механизме распределения людских потоков.

Подъехали крытые брезентом грузовики, немцы погрузили своих раненых и уехали. А толпу из гражданских и военнопленных гнали пешком ещё двое суток. Опять без пищи и без воды. Глотали только снег. Если кто-либо падал, его тут же приканчивали штыком. Пули не тратили, должно быть, сэкономили. Потом в ожидании поезда всех держали рядом со станцией в большом старом сарае с дырявой крышей. Всюду грязь и зловоние, на холодной земле рядом лежали полуживые раненые, которые не могли встать, и уже умершие. Им поднимали руки, чтобы получить за них пайку хлеба. В пищу давали горячую грязную бурду с небольшим количеством картофеля, который бросали в огромный котёл прямо из мешков, не только с кожурой, но и с землёй. Хлебали это из консервных банок, из шапок или просто зачерпывали пригоршнями.

Петька, набравшийся от бабушки ума-разума, часто к месту повторял что-нибудь мудрое. «Лучше не есть эту

баланду, – говорил он своему другу, – а то понос пробе- рёт – тогда точно не жильцы. Бабка всегда выбрасывала прокисшие щи. Их даже собака не ела. Вот так! Будем хлеб экономить. Да ты слышишь меня, Васька?»

А Василий смотрел в дальний угол сарая. Там толпи- лись женщины. Некоторые, плача, с нежностью показывали друг другу какие-то кулёчки и тут же прятали их на груди под пальто или под ватник. «Что это у них?» – подумал Васька, но тогда узнать так и не довелось. Подошёл оче- редной состав и увёз новую партию узников вместе с Вась- кой и Петькой.

Открытые платформы с высокими бортами плотно на- били людьми. Человеческая масса даже не могла пошеве- литься. Среди живых стояли торчком и только что умер- шие... Мальчишки держались вместе. Экономя силы, они не разговаривали. У всех было полно вшей. Пока поезд шёл, качало из стороны в сторону, вши не чувствовались, но как только останавливались где-нибудь в тупике, чтобы про- пустить встречный, зуд становился нестерпимым.

Это продолжалось три дня. На четвёртый рано утром мороз стал крепчать, и у Васьки перед глазами всё поплы- ло... Нет ни Петьки, ни пленных, ни немцев, ни эстонцев с автоматами по краям вагона... Перед глазами, как живой, молодой лейтенант, который приезжал в деревню за моби- лизованными. Он поворачивается лицом к Ваське и, вытя- нув руку с пистолетом, долго кричит, будто пытается что- то ему доказать. Потом вдруг наклоняется к нему и еле слышно медленно произносит: «Пойдём за мной в атаку...» Лейтенант ещё раз взмахнул рукой, опять что-то крикнул, и его медаль звякнула о пряжку португалии...

Васька вздрогнул. «За мной в атаку!» – медленно по- вторил он про себя. – Почему именно сейчас эти слова так отчётливо прозвучали? – Тогда, в июне сорок первого, он на них не обратил внимания. «Почему я не бегу вслед за этим лейтенантом?» – мысли смутные и путаные, словно паутина, обволакивали его разум и заслоняли от реальнос- ти. «Вот если я с оружием мчусь прямо под пулёмётный огонь, то взять и упасть, отлежаться... Ведь это трусость? –

Конечно, трусость!» – сам себе отвечал Васька. «Наверное, в бою никто так и не делает. Стыдно. Но здесь... Здесь-то всё не так. Здесь всё по-другому заварено», – как мог, убеждал себя Василий. «Ты вовсе никакой не боец, ты без оружия, без тёплой одежды, голодный, никто тебе не поможет и... Только бы поскорее накормили, хоть бы быстрее война закончилась... Неважно, как... Неважно, неважно...» Васька снова вздрогнул. «Кто это сказал?» Вокруг, закрыв глаза и покачиваясь в ритм стука колёс, стояли люди. Их брови, ресницы, густая небритая щетина покрыты белым инеем, и почти не видно пара от дыхания. «Я сам? Наверное, только подумал? А, может, и говорю это сейчас... Вслух?!»

Василий вдруг вспомнил, что за последние десять дней ни разу не подумал о Зине, о родственниках и вообще ему на всё наплевать. Только бы поскорее закончилась эта бесконечная дорога.

Чудо явилось в виде тощего мужика в кепке, в чёрном пальто и с цветной нашивкой на рукаве. На очередной остановке оставшимся в живых гражданским и военнопленным, которые за последнюю неделю превратились в неподвижные белые манекены с одеждой, покрытой снегом и коркой льда, немецкое командование предложило паёк и чистое бельё...

3.

Позади платформы на здании вокзала виднелось название города – Lublin. Солдаты выдирали гражданских из плотной массы почти смёрзшихся тел и куда-то уводили. Уже половину забрали, и обратно никто не возвратился. Подошла очередь Василия. Его ноги замёрзли, затекли и не слушались. Вдруг появившаяся острая боль в паху не давала покоя и заставляла то и дело сгибаться. Но остаться – значит опять куда-то ехать! Нет! Будь что будет. Он что-то шепнул приятелю и сам вывалился из вагона на платформу. Встал на четвереньки. Через мгновение рядом очутился и Петька. Обессиленный, не имея возможности согнуть ноги в коленях, он ползал вокруг Васьки, пока охранник, тыча в спину автоматом, силой не поставил их на ноги.

Трое немцев подхватили мальчишек за руки и поволокли в сторону. «Вот сейчас шлёпнут за ненадобностью», – мелькнуло в голове у Васьки. Вдруг солдаты остановились и отошли, оставив ребят стоять перед мужиком в пальто и кепке. «Нет, в вагоне вроде другой был», – усомнился Петька.

– Сколько лет? – первым делом спросил мужик, с недоверием глядя на Петьку сверху вниз и тыча пальцем в его грудь.

– Нам шестнадцать, – опережая ответ приятеля, соврал Василий, вытягиваясь во весь рост и демонстрируя свою выправку: пятки вместе, носки врозь, руки по швам.

Петька кивнул головой. Его глаза остановились на добротном чёрном драпе стоящего прямо перед ним мужчины, он не мог отвести взгляда от блестящих пуговиц. В голове почему-то промелькнуло: «Наверняка начищены зубным порошком». Потом поднял глаза и, всем своим видом демонстрируя смирение и верность, будто идиот, наклонил голову и заулыбался во весь рот.

– Выбирайте, юноши: или в лагерь или в Русскую освободительную армию, – длинный показал рукой нашивку на рукаве пальто и охрипшим голосом привычной скороговоркой добавил. – Хотите послужить правому делу – сейчас решайте. Или завтра пойдёте пешком в лагерь смерти. Майданек тут рядом совсем, – он небрежно мотнул головой в сторону высоких труб с чёрным дымом, видневшихся на краю города, и направился к другим узникам.

Васька не знал, что такое «лагерь смерти», но ясно, что там убивают. Не знал он, и что такое эта «освободительная армия», но догадывался, что уж точно не русская – наверняка немцы придумали какую-нибудь пакость. «В лагерь мы всегда успеем, – рассуждал про себя Василий, – а вот оказаться на фронте – это как раз то, что нужно. Там-то уж как-нибудь сумеем смыться».

– Надо соглашаться. А, Петька? Повоюем? – Васька хитро посмотрел на приятеля.

– Да, я согласен, нам подышать, вроде бы, ни к чему... – подыграл Пётр. Он всё время нагибался, чтобы не казаться таким маленьким, а заодно растирал руками ноги, чтобы

разогнать застоявшуюся в них кровь. – Небось, и пожрать дадут, и одежонку...

Мужчина в пальто снова повернулся к мальчишкам, подтолкнул Василия в сторону двери какого-то барака и отрывисто крикнул:

– Туда!

Друзья, сутулясь и припадая то на левую, то на правую ногу, вошли в барак. Здесь всюду чадили чугунные печки и было тепло. Впервые за десять дней тепло. За длинным столом, сколоченным из неструганых досок, сидели двое в непонятной форме – немецкая, а погоны без «косичек». Они спрашивали и записывали всё, что говорили о себе мальчишки: имя, фамилия, год рождения, где проживал, где родители, нет ли родственников-коммунистов и ещё много-много всякого. Потом им дали подписать бумагу – заявление о добровольном вступлении в РОА.

«А что? Хоть день, да наш! – говорили между собой военнопленные, согласившиеся надеть немецкий мундир. – Как-никак три сигареты в день и баланда погуще». Чтобы семьи «без вести пропавших» продолжали получать паёк, попавшие в плен регистрировались под чужой фамилией и вымышленным местом жительства.

После взрыва на железной дороге все узники перепутались, и мальчишки тоже сообразили назваться другими именами, а чтобы взяли в армию и отправили на фронт, прибавили возраст.

Всех, кого собрали в бараке, человек пятьдесят, строем отправили за перегородку. Там они разделись, встали вдоль стены, и их долго обмывали струёй из пожарного брандспойта. От холодной воды сильно пахло хлоркой, в глазах щипало, но зато смылись все остатки прилипшей к телу грязи и вшей. После выдали чистую одежду и сапоги. Боль внизу живота чуть утихла. Васька натянул на себя кальсоны и мундир с немецким распластанным орлом на правой стороне груди и с цветной нашлёпкой на левом рукаве. В голове промелькнуло: «Как-то погано, как-то не так хотелось... А её и не оторвать». Василий потрогал рукой нашивку и глянул на Петьку. Тот крутился на месте, усердно пы-

таясь увидеть со всех сторон своё новое не по размеру длинное одеяние: «Нет ли ещё где нашлёпок и орлов, которые потом нужно будет по-быстрому срезать?»

На следующий день их на машинах доставили на площадь перед городской ратушей. Там в две шеренги стояли такие же, как они, в шинелях с такой же, как у них нашивкой на рукаве. Принимали присягу на верность фюреру. Все хором повторяли: «Я, как верный сын моей Родины, вступая добровольно в ряды бойцов Вооружённых сил народов России, перед лицом соотечественников присягаю – для блага моего народа, под главным командованием генерала Власова бороться против большевизма до последней капли крови...» Потом каждый подходил к столу, брал перьевую ручку и, обмакнув её в чернильницу, подписывал текст присяги. «Хоть и чужбина, а чернильница такая же, как у нас в школе», – мелькнуло в голове у Василия, и на тонком листе с таблицей фамилий и подписей он нацарапал витиеватую закорючку, такую же, как и на «добровольном согласии». Ещё вместо точки хотел проткнуть пером бумагу, но раздумал.

Времени на тренировках по стрельбе и строевой подготовке приятели зря не теряли. Они подробно, как им казалось, обсудили все возможные дальнейшие события. Куда повезут? Когда? Как они побегут? Что будут говорить своим? В сущности, весь их план сводился к тому, чтобы при первой же возможности удрать. Что такое присяга у немцев и подпись на документе? Об этом мальчишки не задумывались. Они же не нашу присягу нарушат, а немецкую. Да и фамилии другие... И всё-таки что-то мучило Василия, не отпускало какое-то брезгливое чувство. Иногда где-то внутри звучали слова: «А ведь мы всё равно согласились бы пойти в эту армию, только бы не мёрзнуть там, в вагоне...» Эту паскудную мысль Василий гнал от себя прочь. Гнал, а она вновь и вновь напоминала ему о себе: «Тоже мне... В атаку! За мной!.. Трус ты, Вася! Как ни назовись. Трус, трус, трус...» В такие минуты Петька смотрел на приятеля как-то по-особенному, будто слышал его мысли, сомневался в чём-то и спрашивал своего друга непривычно

серьёзными синими глазами – спрашивал о самом главном, о самом сокровенном: «Получится у нас?..»

В декабре отдельную роту власовцев отправили в Белоруссию, где Красная Армия вела наступление на Витебско-Полоцком направлении. Заняли оборону. Долго рыли мёрзлую землю, потом мокрые от пота, незаметные на снегу в белых маскхалатах сидели на дне окопа и ждали приказа наступать. Впереди редкий лесок, за ним свои. «И тут, и там русские...» – подумал Василий, а потом вдруг нагнулся к Петьке и прошептал: «Чёрт, нашивки-то не срезать! Не снимать же этот балахон...»

– А у меня вот что, – Петька достал из-под маскхалата ворот шинели и с гордостью повернул его тыльной стороной. Там блестел покрытый красной эмалью флажок со звездой посередине и с большими жёлтыми буквами «КИМ». – Перед войной нашёл, когда с бабкой в город ездили.

В небо взлетела зелёная ракета, власовцы с неохотой повылезали из траншеи и цепью медленно двинулись вперёд. Рядом в сторону русских строчил пулемёт. Мальчишки чуть замешкались, а когда многие уже шли в атаку, дали очередь в сторону пулемётчиков и рванули вслед за другими. И нужно-то было всего – свернуть чуть левее, пробежать метров сто, не больше. Там, за пролеском, поперёк полянки уже виднелась на снегу свежая чёрная земля. Бежали зигзагами, хоронясь от пуль с обеих сторон. Вот и лесок! Сзади опять гулко застучал пулемёт. Петька клюнул носом в снег. Василий тоже упал – под пулемётным огнём бежать стало невозможно. Он позвал Петьку, но тот продолжал лежать лицом вниз и не шевелился, – тогда Василий подобрался к приятелю, с трудом перевернул его на спину и прильнул головой к сердцу. Тишина! Принялся искать следы от пуль и только когда взглянул в Петькины остекленевшие глаза, всё понял. Обстановка не давала времени на раздумья. «Тащить с собой или оставить? Тащить или как?» – секунду-другую Васька медлил, потом закрыл Петьке глаза – вспомнил, как это делали взрослые, – и отполз в сторону, совсем позабыв про значок на его воротнике.

Ещё через минуту Василий, перемахнув через бруствер из чернозёма, оказался «у своих». Вокруг все такие же, как он, в белых халатах, стреляют из автоматов, оттаскивают раненых, кричат, ругаются. На душе у Васьки стало тепло, и нега разливалась по всему телу, даже спать захотелось. Вначале на него даже не обратили внимания, но когда атака власовцев была отбита, подобрались двое, посмотрели внимательнее, и тот, что постарше с размаху треснул Василия прикладом по голове.

У него давно уже сдвинулся белый капюшон, а там чернела ушанка с орлом вместо красной звёздочки. У «своих» разговор был короткий. Особисты даже не слушали про то, как два мальчугана Васька и Петька сбежали от власовцев. «Да ты, подлюга малолетняя, шибко прыткий, как я посмотрю!» – заключил лейтенант, похожий на командира, который приезжал в деревню в начале войны. Такой же молодой, с одной медалькой на груди, только вместо петлиц малиновых ярко-синие погоны. Он аккуратно записывал в амбарную книгу и одновременно проговаривал вслух то, что писал, будто читал по слогам: «...раньше других власовцев пробрался в траншею, занимаемую бойцами войсковой части № 4527/23, и был пленён подоспевшими красноармейцами».

Василия отправили в тыл, в походный проверочно-фильтрационный лагерь. Там были и красноармейцы в одних гимнастёрочках, и казаки в своих тёплых нахлобученных кубанках, и типы в полицейских чёрных шинелях, и даже несколько в эсэсовских мундирах с отодранными «молниями» на петлицах... Спали прямо на снегу.

«За что боролись, на то и напоролись!» – в сердцах прошептал Василий. После всего того, что ему довелось увидеть в особом отделе и здесь в лагере, он вдруг ясно понял, что если бы не возраст, шлёпнули бы, не раздумывая. Хоть поверили, что ещё нет пятнадцати лет... Мальчишка даже успел подумать: «Ну, вот, Петька, не везёт нам. Выходит, опять всё зря – опять в тыл!»

Но это был совсем другой тыл. В тюремной канцелярии сунули Ваське под нос бумажку: «Распишись!» Он глянул:

«По решению ОСО военной коллегии... на основании статей УК РСФСР... на срок 25 лет с вечной ссылкой...» Лист папиросной бумаги дрожал в Васькиных руках, пока он читал еле заметные печатные буквы приговора. Чернила в ленте пишущей машинки давно высохли, а сама лента истёрлась до дыр, поэтому во многих местах вместо букв тонкая почти прозрачная бумага была насквозь пробита металлическими литерами. Слезы ручьём текли из глаз и мешали разглядеть весь текст. Второй раз за последнюю неделю Василий расписывался в документе. Второй раз за всю свою жизнь. В этот раз настоящей фамилией. Мол, ознакомлен!

4.

До войны самой красивой девчонкой в деревне считали Васькину сестру Зину. Отбоя не было от ухажёров. Когда пришли немцы, она всё дома сидела, пряталась. Стали угощать в Германию – замотала голову грязным платком. За неделю пути в вагоне скопилась невообразимая вонь, всюду испачканная солома, два ведра с испражнениями упали и катались в луже мочи из стороны в сторону, разбрызгивая её на тех, кто рядом. Свежий воздух поступал только через маленькое зарешеченное окошко сверху стены, и его явно не хватало. Первый раз довелось выйти из вагона только в самой Германии, в городе Лейпциге. Девчонки стояли вдоль стенки, прижавшись друг к другу, голодные, чумазные, в лохмотьях. Одним словом – рабы. Вышли из вагона, глаза таращат, смотрят по сторонам. А вокруг чистота, дома разноцветные, церкви непривычные, оркестр играет, трубы блестят. Пока колонну вели от вагона к бараку, солдаты в чёрной форме отбирали девушек для работы прислужой в домах у богатых немцев. Зина оказалась среди них – красота всё равно пробивалась наружу. Не утаишь!

На следующее утро, продезинфицированная, вымытая, причёсанная и одетая во всё чистое, Зинаида предстала перед новыми хозяевами. Теперь она «остарбайтер», заключенная, числящаяся за концентрационным лагерем № 153/46 в пригороде Лейпцига, но прикомандированная к немецкой семье. Глава семейства – инженер-строитель,

степенный лысоватый дядечка, у него молодая жена, мальчишка двух лет и сын инженера от первого брака – студент. Все культурные, вежливые, не кричат, дома чистота и порядок. У Зины своя комната, кровать с тумбочкой, большое зеркало и два одеяла. Она быстро научилась понимать приказания, неожиданно для себя, легко запоминала длинные фразы по-немецки и к месту произносила их совсем без акцента. Среди множества платьев и фартуков, предназначавшихся прислуге, интуитивно выбирала то, что ей шло, самые симпатичные фасоны с приятными глазу сочетаниями цветов. Это заметили. Ей стали доверять. Она подавала на стол, делала в городе покупки для дома и даже ухаживала за ребёнком. Словом, «повысили»!

Старший сын инженера, высокий, подтянутый, интеллигентного вида, пожалуй, даже влюбился в русскую служанку, частенько захаживал к ней в комнатку, помогал с немецким языком, да и сам русскому учился. Он каждый раз приносил один цветок. То ветку мимозы, то сирень, то ирис, то ещё какой-то, даже не запомнить, так мудрёно назывались. Когда он поцеловал Зину, она расплакалась, и от этих слёз её большие карие глаза стали ещё красивее.

В свободное время Зинаида садилась за маленький столик и перьевой ручкой чернилами строчила письма брату Васе и сёстрам. Каждую неделю писала и всегда что-нибудь прибавляла по-немецки. Рассказывала, как ей живётся на чужбине, какая у неё работа и какой хороший хозяйский сын. Всякий раз вкладывала в конверт свою фотографию. То она в новом платье, то в пальто с сумочкой и в шляпке, которая держалась на голове так, что почти не скрывала причёску. Целая пачка таких конвертов накопилась. Зина их перевязывала ленточкой. Вроде как дневник. Одно плохо – про себя рассказывает, а о родных ничего не знает. Как они там? Как Васечка один в деревне справляется? Глупенький, наверняка опять убежал фашистов бить. Ловить-то теперь некому.

А время шло. Осенью сорок третьего на войну призвали старшего хозяйского сына. Забрали с четвёртого курса университета. Перед отъездом на Восточный фронт отец и сын

долго и громко разговаривали. Глава семейства, будто убеждая, что-то втолковывал сыну. А что? – Зина не разобрала. Понимала только отдельные фразы. «Гитлер и нацисты начали войну... Гибель Германии...» Потом что-то про семью, про долг, про родину... Зинаида, всего год прожив в Германии, понимала, что здесь одних этих слов хватило бы для того, чтобы собеседники оказались в лагере.

Через три месяца пришло сообщение о том, что сын инженера пропал без вести. Когда отец читал эту официальную бумагу, его жена сидела в кресле и, не переставая, плакала, держа у глаз белый платок. Зина стояла рядом и тоже редела. А маленький хозяйский сынок с испугу прижался к ней, обхватив ручонками колени...

Перед новым, сорок пятым годом на Рождество хозяева подарили Зинаиде драповое пальто, коротенькую беличью шубку, шляпку, отделанную тем же мехом, и коричневые кожаные сапоги на каблуках. Ни дать ни взять, немка! Свободно говорит, читает и даже пишет. Вот ведь талант какой раскрылся! За три года для этой немецкой семьи она стала почти «своей».

Однажды весной инженер позвал Зину к себе в кабинет и начал необычный разговор, необычный для хозяина и прислуги. Он предлагал Зине уехать вместе с ними на запад в Лотарингию, на его родину. Он даже сказал почему. «Потому что война скоро кончится, фашизм наконец-то разобьют, а жить потом всё же лучше подальше от русской армии с её комиссарами... Я знаю, что говорю. Я работал у вас в России в тридцать пятом...» Глава семейства то и дело вставлял в немецкую речь русские словечки, словно этим хотел вызвать её доверие. Зина уже свыклась с тем, что не всё понимает из того, что говорили в доме. Да и понимать особенно нечего – всё и так было понятно, без слов. Но в этот раз её нужно было убедить. Вкрапления из искажённых русских слов аргументов не прибавляли. Звучащие из уст немца они, наоборот, только усугубляли ситуацию и отталкивали Зинаиду, напоминая ей и о деревне, и о брате, и о сёстрах... Они заставили вспомнить и о другом. О том чувстве, которое прививали с детства: «Бросить свою стра-

ну или даже подумать об этом – преступление, такое же страшное, как шпионаж или вредительство...»

Зинаида осталась в большом пустом доме одна.

В первый же день, как только в городе появились русские, её сочли за немку, стали допытываться, где семья, где мужчины, искали военную форму в шкафу. А когда она заговорила по-русски, сработал инстинкт. «Ах ты стерва, ещё и по-нашему лопочешь! Шпионка», – сначала Зину избивали, а потом потащили на кровать. Её слёзы, крики, русская речь, все матерные слова, которые она знала, их не остановили. Ведь ими двигала не столько похоть, сколько месть. Как ни старалась казаться своей, русской – приговор солдат как ножом резал: «Наших таких не бывает!»

В советской военной комендатуре начались проверки и бесконечные допросы. Через это чистилище проходили все: выжившие узники концлагерей, остарбайтеры, интернированные, бывшие власовцы, беженцы из Прибалтики, с Западной Украины. Переводчиков не хватало, и Зина пригодилась. Её зачислили в штат военной администрации. Она сидела на допросах, переводила, записывала вопросы и ответы. Каких только судеб ни нагляделась за три послевоенных года. Были здесь и такие же, как она. Почти всех отправляли в фильтрационный лагерь. Отпускали сразу только в одном случае – если кто-то подтвердит, что ты здесь, работая на немцев, боролся против фашизма вместе с немецким подпольем и коммунистами... В общем, пока разберутся, всё равно года два пройдёт. Там же, в Лейпциге, в сорок седьмом, будто в награду за работу в комендатуре, Зинаиду приняли в комсомол.

Тогда у многих были сомнения: «Возвращаться на родину или нет?» Неясно, что там с ними будет. Ведь если работал на врага, значит сам «враг народа»! Даже если немцы во время оккупации жили в твоём доме, всё равно – пособник! Но эти раздумья больше мучали тех, кто оказался у американцев или у англичан. У тех, что были в русской зоне, такие мысли возникали редко. У Зины промелькнёт, бывало, где-то в глубине души тревожное чувство, но тут же исчезнет. Когда в начале войны впервые попала в самый

центр Германии, сама фраза «в городе полно немцев» казалась страшной. Потом привыкла. А теперь вокруг родные лица – считай, уже дома! Для неё всё было ясно с самого начала – только домой! В свою родную деревню.

Проработав три года в комендатуре, Зинаида получила справку из МГБ, что она хоть и интернированная, но «хорошая». Приехала в Ленинград. Немецкая одежда – а у неё другой и не было – делала её необычной и многих настораживала. Идёт по городу такая красивая, что все оборачиваются, как будто правы были те, в Лейпциге, что говорили: «Наших таких не бывает».

Сёстры Катя и Шура ещё в сорок четвёртом, сразу после снятия блокады Ленинграда, вернулись из эвакуации, а в сорок седьмом их направили на работу в РАЙФО города Приморска, бывшего финского Койвисто. Туда же вскоре добрались и их мужья, сначала Дмитрий – Катин супруг, а потом и Глеб – Шурин. Глеб, бывший танкист, трудился газосварщиком на единственном в городе «закрытом» заводе. Каждый день к семи утра уходил на работу, а в семь вечера, усталый, возвращался. Два часа на дорогу. То ведро принесёт с работы, то коловорот, изготовленный на заводе. Позднее появилась нержавейка. Из неё рабочие делали себе табуретки, вёдра для соления, ручки для дверей, ножи. Все могилы на местном кладбище блестели этим металлом. По воскресеньям за столом Глеб всегда выпивал и с грустью вспоминал предвоенные годы, когда он был в почёте – знатный тракторист, награждённый грамотой всесоюзного старосты Калинина...

А Катин супруг ещё в конце сорок второго по инвалидности был демобилизован, и вернулся к жене, отыскав её в эвакуации. Он не работал, всё больше дома сидел и пил водку. Однажды в санатории, уже лет через пятнадцать после войны, врач ему сказал, что чем водку хлестать, лучше сухое вино пить. Полезно, мол. Нашёл кому такое сказать! Он этот «сухарь» глотал литрами. И не хотелось ему ни былого юношеского веселья, ни воспоминаний об отчаянных драках после танцев в деревенском клубе. Когда в шестьдесят четвёртом семью переселили в первый пяти-

этажный кирпичный дом города – с отоплением и газом, он неделями из квартиры не вылезал.

Зине дали комнату в деревянном одноэтажном доме на окраине Приморска. Вокруг сарай из некрашенных выцветших досок да несколько сохранившихся после финнов покосившихся бараков. Она стала преподавать немецкий язык в местной школе. Молодая, красивая – такую не заметить невозможно. Целый месяц за ней ухлёстывал видный парень с длинными бакенбардами и с чубом, торчащим из-под морской фуражки, старпом рыболовецкого сейнера Николай. Его все в округе знали. Такие, как он, ни одной юбки не пропустят. Зина его старалась избегать, ей больше нравился завуч школы – учитель математики, мужчина обстоятельный и уже в возрасте. А старпом, тот сильно гулять и пить любил, да и моложе Зины был лет на пять.

Всё-таки однажды после пирушки по случаю открытия навигации Николай внаглую ввалился к Зинаиде в комнату, завалил её на кровать и изнасиловал. Зина забеременела, и ей ничего не оставалось, как оформить брак с Николаем. Боялась огласки: она и так-то была «не как все», а тут ещё такое.

Старпома редко можно было застать дома. А когда возвращался – втягивался в пьянку. Тогда супруги ссорились и по поводу, и без повода. Увидит он немецкую фотографию жены, где она в шляпке и улыбается – сразу в крик, рвёт фото на мелкие кусочки, будто из ревности к той её жизни. И частенько в такие дни поднимал на жену руку.

Когда пришло время рожать, выяснилось, что плод мёртвый и Зина уже никогда не сможет иметь детей.

5.

О том, что закончилась война, зэки в Сиблаге узнали не сразу, а лишь через месяц. От них скрывали. Должно быть, не хотели делиться радостью. Ведь сказать такое перед строем заключённых совсем не то же самое, что после боя перед Рейхстагом. Что же потом, с каждым из них обниматься и целоваться? Да и зэки все разные: немецкие военнопленные, бандеровцы, провинившиеся за войну или

оккупацию власовцы, полицаи... Были и уже успевшие отсидеть свою десятку военные и инженеры, учёные и священники, бухгалтеры и студенты... Этих называли «политикой» и гоняли по этапу из лагеря в лагерь, чтобы не привыкали друг к другу. Гремучая смесь из «шпионов», «диверсантов» и «троцкисто-зиновьевцев» могла и взорваться! Много шныряло вокруг и всяких ворюг и настоящих бандитов – попробуй разобраться! В самом себе-то так накручено, что не поймёшь...

Каждый по-своему принимал новость о победе в войне. Кто-то никак не реагировал. Победили – значит, точно ещё сидеть и сидеть! Только теперь, чтобы поскорее выветрились ненужные иллюзии, в тысячный раз, выходя из строя, придётся гораздо громче и членораздельнее произносить: «Заключённый такой-то, статья такая-то, срок – столько-то лет». Может, и кольхнулось у кого-то внутри, под телогрейкой, у сердца, но так, слегка, будто победа эта не здесь, а где-нибудь в Корее или в Китае, и с ними никак не связана: ни по времени, ни по территории, ни по душе. Другие радовались победе искренне, некоторые стали просто ждать амнистию. Полицаи и власовцы, те, что из карателей, злились: в своё время поставили на немцев и просчитались. Эти не упускали возможность хоть чем-то отомстить всей «немчуре» – немцам, бандеровцам и прибалтам.

Попадая на новую зону – в Коми, за Урал или на Колыму, Василий всматривался в лица, мучительно пытаясь отыскать такого, как он, ненастоящего власовца, обиженного на власть за возведённую на него напраслину. О своём детстве, о прошлом Василий старался не вспоминать. Эти мучительные размышления не приводили ни к чему хорошему – одна безысходность. Но когда сумерки приглушали все цвета, ему некуда было бежать от своих кошмаров. Страх заставлял его жить воспоминаниями, придавая им неправдоподобно героический характер. Как-то перекрутилась в сознании вся его жизнь, и иной раз ему даже обидно было, что он какой-то неполноценный, сидит не пойми за что, не может, как другие, чуть ли не гордясь, дерзко называть себя «власовцем».

А потом всегда наступало утро, серое, безрадостное и зыбкое. И тогда будущее представало как жуткий калейдоскоп из щемящей тоски, несбывшихся надежд и ожидания неизвестного.

«Удрать бы! Набрать грибов, наловить рыбы, развести костёр, сделать шалаш, – по-детски мечтал Василий. – А что? Я смогу... Но зачем?» И опять только одна мысль – удрать! Удрать в лес, в самую глушь, где не отыщут. На Север, что ли... Он лежал на голых нарах, словно наждаком натёртых до блеска робами, пропитанными грязью, потом и кровью тысяч заключённых. Над лагерем собирались и медленно плыли дождевые облака, вот-вот грозясь прорваться. Словно судьба, они давили на каждого из поселившихся здесь, вызывая или полную апатию, или готовность действовать. Первая уничтожала надежду, а готовность действовать уничтожала апатию. От тебя зависит, что побеждает.

«Однако нужно ждать лета», – решил Василий.

Летом сорок седьмого все немного ожили. Солнышко быстро возвращало силы. Как-то в июле начальник отобрал десять человек и послал с охраной на новый объект в лес, километров за двадцать. Там стоял то ли сарай, то ли старый полуразрушенный домик, который сразу огородили колючей проволокой. В нём и разместились заключённые: политические, уголовники, власовцы и военнопленный немец. Охрана – рядом в палатке. На высокой сосне закреплены два прожектора, соединённые с движком на солнцаре. В глухом лесу зачем-то нужно было выкопать двести ям, размером два на два метра, глубиной тоже два. Жара стояла невыносимая. От неё и от вездесущих рыжих комаров не укрыться. Но всё же не лагерь! Как говорил Петька: «А всё равно рядом какая-нибудь пакость присосётся». Злющие кровососы, наверное, для того и жили, чтобы тут же отбирать у всего живого подаренную солнцем энергию. Волдыри от укусов покрывали лицо, шею, уши. Их расчёсывали до крови грязными руками, потом всё тело шло нарывами. Напившись крови, обессиленные комары падали на землю или попадали в миски с баландой. Одни зэки

брезгливо отодвигали их ложкой. Другие, не обращая внимания, хлебали горячую воду с разварившейся луковицей и редкими капустными листьями вместе с рыжей комариной кашей.

Охрана разрешала в вечернюю смену оставлять недокопаные ямы и рядом начинать новые, чтобы в полдень в самый солнцепёк залезать в недовырытую яму и выковыривать грунт в тени её стен. Грунт был невыносимо тяжёлым. Иной раз ээки усаживались на дне и кайлом ковыряли дно, надеясь увидеть: «Что же там дальше, когда земля-то нормальная начнётся?» Известняк и известняк! Его лопатой не взять. В четыре часа дня били в рельс, и охрана вела всех на водопой – к реке. В неё входили прямо в одежде и, как лошади, пили воду. Под жарким солнцем она становилась тёплой и совсем не утоляла жажду. Пока не видят вертухаи, кое-кто ухитрялся окунуться с головой, добирался поближе ко дну и там, прямо под водой, глотал её, холодненькую. А увидят, что тебя вроде как нет, сразу начнут палить из карабина в воду – попытка к бегству.

Выкопали эти двести ям, залили раствором, а сверху каждой для будущих столбов смастерили опалубки такого же размера, между ними на высоте двух метров проложили доски – дорогу для тачек. Раствор делали блатные, политические стояли около ям и кидали камни в выливаемую из тачек жижу, остальные возили тачки по проложенным поверх опалубки доскам-сороковкам. Они не сколочены, просто положены одна на другую, под тяжестью зэка с тачкой длинные доски прогибаются, то и дело расходятся, и ээки падают прямо на разбросанные повсюду камни. Со стороны, через лес бетонных двухметровых столбов не видно, упал он или ещё где-то тащит свою деревянную тяжёлую тачку по серпантину досчатых дорог. Все падают по многу раз, но «сороковки» скрепить всё равно нечем – гвозди на строгом учёте. У Василия и лицо, и тело тоже в синяках; ладони туго затянуты тряпками – мышцы на руках растянуты так, что ложку не держат. Уже второй месяц перед глазами жуткий, будто в крови, красный известняк и колышащаяся в тачке серая жижа бетонного раствора.

На душе у Василия становилось легче лишь в конце смены, когда все, развалившись на сене, начинали храпеть. Сквозь храп едва прослушивалась слабая дрожь шелестящих листьев осинового рошчицы. Василий вставал, подходил к огромной дыре в стене и любовался, как под лучами мощных прожекторов листья меняли свою окраску. В одно мгновение из тёмных и невидимых они превращались в белые, с блестящим серебряным отливом. Будто бы там, за колючей проволокой, весь остальной мир светится и призывно мерцает в ночи.

«Вот здесь и нужно бежать, – решил Василий, – охрана пять человек, спрятаться легко, самое время...»

Сегодня весь день впереди него маячил тощий немец с тачкой, позади – бугай из власовцев. Вдруг фриц исчез. «Вот тебе на!» – с досадой почти вскрикнул Василий. Он готовился, всё рассчитал, а этот взял и опередил! Худощавый длинный тип, неестественно скрючившись, валялся на земле среди камней, тачка лежала на его ногах, а губы на окровавленном лице что-то шептали. Василий услышал: «Помоги». Он и сам только что хотел также вот свалиться с тачечной дороги, спрятаться за горами камней, а потом улизнуть в лес между этими ямами и столбами. Немец испортил весь замысел. Двое – это перебор – заметят. Васька остановил свою тачку, спрыгнул на землю и оттащил длинного к бочке с водой для раствора, что стояла около сарая. Подошёл охранник, Василий махнул ему рукой, мол, обычное дело, оторвал у немца кусок его чистой рубашки и перевязал голову. Ушиб показался серьёзным, наверное, даже сотрясение мозга, но крови было немного. Немец остался отлёживаться на земле возле бочки, а остальных этим же вечером повели к реке разгружать вручную – лопатами – баржу с цементом. Вернулись под утро, совсем белые, надыхались цементом на всю оставшуюся жизнь. Василий не переставая кашлял, боялся, что у него внутри что-нибудь слипнется, склеится или схватится, как столбы в опалубке. Спать хотелось, но от перенапряжения было не заснуть.

Немец уже пришёл в себя, приковывался к своему спасителю и принялся его благодарить. По-русски он говорил

хорошо. Потихоньку вытащил из-за доски в стене зелёную травку, потом ещё что-то, завернутое в тряпку, и протянул Василию.

– Это хрен и мёд. Заверни в лист и жуи, не заболеешь. Витамины...

– Откуда? – удивился Васька.

– Хрен на берегу нашёл, – торжественно произнёс немец, – руками выкопал и посадил за сараем, осенью можно корень есть. Если доживём... Только поливать нужно.

– А это? – спросил Василий, отрывая зубами кусок от вязкой тёмно-коричневой массы. Вкус был терпкий с лёгкой кислинкой, а невероятный липовый аромат немного отдавал запахом дыма. Чудесный продукт чуть-чуть успокоил непрекращающийся Васькин кашель.

– Мёд. Тут рядом, в дупле. Я покажу, – фриц вдруг изменился в лице и с очень серьёзным видом, как будто нет ничего важнее в жизни, добавил: – Там ещё есть, но нельзя всё отбирать, нужно пчёлам на зиму оставить.

До подъёма оставалось два часа. Немец без остановки говорил о себе. Про то, что он студент-ботаник, недоучился – призвали в сорок третьем и сразу отправили на Восточный фронт. Сначала в интендантский взвод заготавливать продукты, потом их часть оказалась в окружении, многих убило, а он с белым платком в руке сдался в плен.

– Лучше здесь в лагере среди военнопленных, чем там расстреливать мирных жителей, – говорил студент. Он видел, как эсэсовцы заставляли простых солдат это делать. – Наци – большая беда для Германии. – Было видно, как немец радовался, что наконец-то выговорился, наконец-то нашёлся человек, который ему помог, выслушал и, может быть, даже понял.

А Василий молча слушал и всё это время жевал смесь из хрена и мёда. Ждал услышать привычное для немецких пленных – «Гитлер капут», но не дождался. Про свои злоключения он говорить не мог и не хотел. «Никто не верил, и уж этот фриц точно не поверит», – решил Василий. А немец вдруг взял Василия за руку, посмотрел ему прямо в глаза и как-то спокойно и уверенно заговорил.

– Тебя на войну кто позвал? Ты сам хотел на фронт. Ведь так? – Василий кивнул головой. – Ты захотел и попал. Пусть даже через эту форму, – немец ткнул пальцем в грудь, в то место, где оставался след от срезанной эмблемы орла. – У меня всё наоборот... Ни ты не хотел войны, ни я, а вот сейчас сидим вместе в этом сарае... Ты ко мне отнёсся, как к человеку... Я и не думал, что ты такой, всегда смотрел с ненавистью. А оказалось...

– Русский не может долго злиться.

– Да. Мой отец так говорил. Он знает русских и всегда был против этой войны. – Немец замолчал и, сжав губы, покачал головой, будто представил что-то страшное. – Что там стало с ним? Если бы не отец, может, я и в плен не стал бы сдаваться. Такая пропаганда... Ужас! Ты тоже не должен был верить этим! – И студент снова показал туда, где на выцветшей власовской форме выделялось тёмное пятно. – Когда я уходил, отец повторил мне слова древнеримского философа Лукреция: «Изгнать этот страх из души и потёмки развеять должны не солнца лучи и не света сиянье дневного, но природа сама своим видом и внутренним строем...»

Эти последние слова Василий не понял, но что-то в душе шевельнулось тогда. Странно, то ли немец слышал от кого про нелюдимого власовца, то ли был таким проникательным, но Василий искренне удивился его словам, сразу проникся к этому парню доверием и как губка впитывал все, что тот говорил. Именно в ту ночь в сердце его пробудилось какое-то новое, незнакомое чувство. Нет, не уверенность, а скорее необъяснимое спокойствие. Будто он забрёл в тихую гавань – чудный приют измученной души, и здесь, в лесу, всё ласкало взор, и эта ласка, казалось, не утомит его никогда. Совсем как тогда с Петьюкой на высоком берегу Плюссы... «Надо же! – подумал Василий, – немножко тихой воды и луч заката – самые простые вещи, самые обыкновенные, а ведь и самые дорогие, всех уравнили...»

– И не стоит пробовать бежать, – немец прервал размышления Василия, – одному из тайги не выбраться, тем

более в такой дырявой обуви. Завтра оставь мне на ночь – почию. – Потом, помедлив немного, добавил: – Ты всё говоришь: «Свобода, свобода...» Главное самому чувствовать себя свободным, а остальное – ерунда! Как у вас говорят, перемелется.

«Чувствовать себя свободным, будучи за колючей проволокой...» – вслух повторил Василий. Как это? Не сразу, но уже скоро, даже этим же утром ему показалось, что он понял.

После утренней поверки эзков повели на работу к ямам. Затвердевшие от пота и цемента белые одежды больно скребли по телу и мешали дремать на ходу. Посреди неровного строя заключённых немец выделялся своим тёмно-зелёным мундиром. Он шёл и, не смотря под ноги, любовался природой, то и дело задирает голову и глядел на ясное небо, как будто и не падал вчера на камни, как будто и не в лагере он, и не пленный вовсе. Видно, в это утро ему было радостно: вокруг вольно шумели деревья, роса поблёскивала на траве, пахло утренней свежестью, и всюду пьяный воздух – дыши не хочу! А вот и его грядка за сараем. Растения немного подсохли на утреннем солнце. Студент, словно замороженный, вынул из кармана кружку и уверенной походкой направился к бочке с водой...

Раздался выстрел. Немец остановился и, повернув голову в сторону охранника, с удивлением посмотрел на него, а через мгновение упал на спину. Будто кто-то сзади сильно ударил палкой по его длинным ногам. Заключённые очнулись, остановились, трое попытались подойти к лежащему у обочины парню, замахали руками, закричали матюгами на охранников. Всё-таки десять человек не сотня. Целый месяц вместе – сроднились. И не важно, что фриц. Поначалу-то многие норовили ударить его или незаметно толкнуть посильнее.

Василий первым кинулся к немцу, и тут же, услышав леденящий звук передёрнутого затвора, остановился как вкопанный. Немец лежал так же, как и вчера, с раскинутыми руками, неестественно согнув длинные ноги. Окровавленная повязка на лбу сдвинулась, примяв светлые волосы,

а широко раскрытые глаза смотрели вверх. В них отражалось утреннее голубое небо, и искреннее удивление ещё не успело погасить светящуюся радость. Рядом с растениями с широкими чуть повядшими зелёными листьями валялась его алюминиевая кружка.

6.

Через год, в сорок восьмом, всех немецких военнопленных отправили на родину. А перед девятнадцатилетним Василием маячили двадцать лет лагерей и ещё один год. Но теперь ему было легче, он чувствовал, что одолеет, справится, выживет. Появился какой-то стержень, что ли, который поддерживал его в трудные часы, дни, месяцы и долгие годы.

«Может быть, вот так и устроено всё, – рассуждал парень с опытом старика. – Не хлебнув горечи жизни, и не сломавшись однажды, невозможно поверить в свои силы». Теперь Василий ко многому относился иначе. Много для него стало ясным, а главное – он понимал и чувствовал самого себя, своё живительное единение с природой. Бывало, с умилением смотрел даже на пар, поднимающийся над прогретыми восходящим солнцем комьями целины, вспапанной вдоль колючей проволоки – там, где была воля, точнее – родная земля... Сейчас он понял, что, плача, прятали женщины по пути в Польшу. Понял – это была их родная земля.

В пятьдесят третьем умер Сталин, и в Сиблаг понаехали комиссии. Они ежедневно вызывали к себе от сорока до пятидесяти зэков. Беседа длилась не больше пяти минут и всегда заканчивалась одним и тем же: «Вы совершили преступление, но советское правительство амнистирует вас и освобождает из заключения». Слово «реабилитация» амнистированные даже не знали.

После освобождения из лагеря Василий остался в Магаданской области. Вечную ссылку ведь никто не отменял! Вкальвал, где придётся, учился в «шаромыге», куда брали с начальным образованием, а позднее окончил вечернюю среднюю школу. В пятьдесят седьмом отменили и ссылку.

«Всё! Свободен! Могу ехать – куда захочу, могу делать, что захочу! Теперь можно и родных отыскать».

Именно сейчас, когда все проблемы позади, когда, казалось, можно успокоиться, что-то заскребло внутри, и новые тревожные вопросы никак не отпускали: «Кто я теперь? Как жить среди родных? Чем заниматься?»

В памяти то и дело всплывал образ сестрёнки Зины, очень взрослой и серьёзной, как учительница. Петька со своими мудрёными мыслями... Никак не забыть его голубые глаза! Своей жуткой неподвижностью они больно били по нервам. «А как бы он вёл себя, если бы тогда добежал? Петька ни за что бы не согласился с тем, что в чём-то виноват. Уж я-то его знаю! Согласился, не согласился – какая разница! Важно, что о тебе думают другие! Кто другие?»

И память снова вернула Василия в Сиблаг, в сорок седьмой год, к разговору с немцем, который в последнюю для себя ночь подарил ему зелёный лист хрена, дикий мёд и откровение... «Всё, что с тобой происходит, только укрепляет, – уверенно говорил студент. – Это не я, так наш философ сказал. Ты уж поверь, – немец глянул на Василия и, как бы извиняясь, тихо произнёс: – Не обижайся на родину! Ей трудно сейчас. И твоей, и моей тоже. Не может она каждому в сердце заглянуть». Сказал так и усмехнулся, наверное, подумав: «Поймёт ли этот мальчишка?» А самому тогда было всего на три года больше. «Я главное скажу: не важно, что ты хорошего сделал, важно, что ты хотел и к чему искренне стремился. И пусть никто никогда не узнает про это. Тебя даже будут считать врагом. Может, ты за всю жизнь так никому ничего и не докажешь...»

В ту ночь откровения с пленным немцем Васька первый раз за четыре года вспомнил, как перед самой войной они с Петькой стояли на высоком берегу, счастливые и свободные, любовались закатом, речкой, родной деревней и мечтали. Потом пыль за полуторкой, уходящей на фронт. Он даже почувствовал её на зубах... Вагон с ржавым гвоздём, окровавленные ладони... и этот чёртов орёл на груди.

Сегодня, по прошествии десяти лет, этих рассуждений для Василия было уже недостаточно. Мечталось быть по-

лезным людям, хотелось доброго слова, тепла родного человека. «А кто самый близкий? Конечно, Зинаида! Нужно всё ей рассказать, а потом обязательно побывать на месте родной деревни, подняться на крутой берег Плюсы...»

Через год Василий нашёл родных. Зинаида прислала приглашение, и он приехал. Город не простой, с важным заводом – закрытая зона, но местные власти выделили ему комнату в полуразрушенной халупе с печкой в рабочем посёлке рядом с городом и оформили прописку. Что смог – починил, дров наготовил. Из-за анкеты на завод его, конечно, не взяли. Устроился кочегаром в интернат для детей-инвалидов. Работа – сутки через трое. Первое время жил у Зины с Николаем. А когда перебрался к себе, часто уходил в лес, переправлялся на лодке на острова, долго плутал там – всё искал дупла с дикими пчёлами. Нашёл, смастерил несколько ульев и поставил их в лесу на поляне. Через два года Василий уже сдавал мёд через потребкооперацию, получал приличные деньги и на это жил. Потом закупил много всяких материалов: кожу, резину, войлок, суровую нить и наладил ремонт обуви. Знакомым чинил. Все в посёлке знали, что Вася-сапожник мёдом лечит все болезни, всегда поможет, подскажет – этакий местный мудрец и знахарь, в общем, в городе нужный и знающий человек. В то время было ему всего-то тридцать лет.

Но жил Василий замкнуто, никуда не ходил, разве что в продмаг или одежду купить. Бывало, придёт в магазин, молча ткнёт рукой в буханку хлеба, заплатит, возьмёт и уйдёт. Будто иностранец. Женой так и не обзавёлся. Зато на пасеке он преобразался. Ходит между ульями, что-то вытащит из них, обратно вставит и всё говорит и говорит, не умолкая, – с пчёлами разговаривает: одних хвалит, других ругает, но ласково так... А ещё Василий умел слушать людей. Заглянет к нему кто-нибудь за мёдом или так – поделиться проблемой какой, потом уходит просветлённый, уверенный, будто ни с того ни с сего счастья привалило.

На второй год после приезда Василия родственники впервые вместе отпраздновали 9 Мая. Под конец застолья мужчины встали из-за стола и подошли к самому берегу

залива. Николай засуетился, как-то неестественно заулыбался, вынул из бокового кармана «маленькую», а из другого – три мокрые стеклянные стопки, с прилипшими крошками табака. «За наших выпьем?» Зятья повернулись друг к другу, Василий оставался чуть в стороне. Глеб и Дмитрий посмотрели на Ваську и, будто стесняясь, опустили глаза, через мгновение снова взглянули на родственника. И теперь в их лицах читались противоречивые чувства. То ли это злость сверкала? То ли слёзы блестели в глазах и прозрачной пеленой гасили все их переживания?

Николай, так и не выпив стопку, вдруг неожиданно резко ударил Василия поддых, потом отскочил, словно опасался ответного удара, замахал руками и закричал «За наших!» Инстинкт сработал мгновенно. Зятья побросали невыпитые стопки с водкой и, кто как мог, кулаками, ногами, костылями, принялись тоже бить Василия.

Казалось, Василий ждал этого, он даже не удивился. Понимал, почему бьют, хотя здесь была не просто «ненависть ко всем власовцам», а что-то большее, что-то личное, послевоенное, что ли... Понимал, почему у Глеба и у Дмитрия были слёзы на глазах. И почему эти слёзы разные. Он знал, что Николай в следующий раз опять начнёт первым, норовя ударить больше всех. И за то, что на фронте-то он так и не побывал, и за то, что его Зинка в своём братце души не чаяла, и за то, что Ваську-сапожника в городе знали и уважали.

Хоть и родственники эти зятья, а ничто в прошлом не связывало Василия с ними. Кроме самой войны...

Через неделю после того дня Василий и Зина собрались навестить родную деревню. Вроде рядом, а весь день ехали на поезде, после на автобусе, потом на попутке. Добрались только к вечеру. Домов целых не осталось, но в густом рябиновом кустарнике отыскиали они свою почти сохранившуюся баню, в ней и устроились на ночёвку. Утром, перед тем как идти пешком через лес к станции, постояли около обгоревшего сруба своего дома, навестили могилу родителей, потом поднялись на высокий обрыв и оттуда долго смотрели на то, что осталось от их родной деревни...

Русло реки было переполнено быстрой весенней водой. Она устремлялась вниз и, казалось, никто не сможет её остановить. Гладь воды отражала неподвижное солнце и медленно плывущие белые облака. Наверное, вынырнула какая-то рыба, глотнула воздуха и снова ушла на глубину. Только после от того места, раскачивая солнце, в разные стороны побежали чуть заметные волны. С легкостью миная камыш и камни, они затихали у берега, охватывая торчащие из воды стволы берёз и кусты ольхи с прошлогодними серёжками на голых ветках.

– Понимаешь, у них жизнь как-то не так сложилась, не всё ладно у них сейчас, – первой заговорила Зина. – Ужасно, что они такие. Да, они не испытали того, что мы с тобой... Но война по всем проехала, и их тоже жалко...

Василий не сразу понял, что сестра говорит о родственниках, а когда сообразил, с усилием улыбнулся, будто хотел успокоить её, а потом обнял за плечи и тихо сказал:

– Можно подумать, что у меня или у тебя она сложилась так, как надо!

– Не так! Не так! Но мы с тобой сильные... Тебя уважают...

– Особенно твой герой. Так и норовил меня первым ударить, будто мстит за что-то, – перебил её Василий. – Как ты только живёшь с ним?

– А я и не живу. Одна видимость. – Зина замолчала на мгновение и вдруг сказала: – Знаешь, я ведь и не любила его никогда. Он силой меня взял... Так же, как наши солдаты весной сорок пятого.

– Зачем было замуж-то выходить?

– А ребёнок? Но он же умер... Да и вообще...

– Вот и у меня «вообще». – Василий замолчал, он не знал, как это сказать. – Знаешь, Петька всегда говорил: «Хорошее никогда не бывает просто так. Обязательно рядом какая-нибудь пакость присосётся».

– Ну так что?

– Ты же видишь, я совсем один, – а потом тихо добавил: – мне тридцать лет, а я ещё не знал женщины и не смогу уже...

Зинаида сразу стала серьёзной, дотронулась до руки Василия, как будто утешала больного:

– Ты что, Василий! Брось! У нас мужики только с алкоголизмом не могут справиться... А всё остальное – ерунда, перемелется.

Она повернула своё красивое лицо к брату. Большие карие глаза вдруг засветились по-особенному, словно смотрели на фейерверк.

– Любила только одного... – сказала она и успокоилась, словно сняла с плеч огромную тяжесть, будто раскрыла главный свой секрет. – Я тогда жила в Лейпциге в доме его отца.

– Он кто? Немец?

– Да. А что? Странно звучит? Может, и странно. Может, для других даже страшно. А для меня это были самые счастливые дни. Да, там, в Германии...

– Что ж не осталась тогда?

– Отказаться от родительского дома, от тебя, дурачка, от сестёр?..

– Ну и что? Если любишь...

– Его не стало. Да и потом...

– Что же? Он умер?

– Ушёл на войну и пропал.

– Так может, жив ещё. Сейчас где-нибудь жирует себе в ФРГ, – сказал Василий.

– В Лотарингии...

Зина опять замолчала.

– Мы часто с Петькой сюда забирались, – пытаюсь сменить тему, тихо произнёс Василий, – это его место. Здесь бы похоронить... Глупо погиб, не дойдя до своих каких-нибудь ста шагов. Хотя, может, и к лучшему...

– А кто умно погибал?

– Как кто? Кто на виду у всех, раскинув руки, закрывал собой амбразуру или, сражённый пулей, красиво падал на берёзку. Вот кто!

– Васёк, ты ведь не обижаешься на родственников, правда? – вдруг спросила Зина.

– Ты скажи, что это за ревность такая? Или, может быть, жадность? – вместо ответа произнёс Василий. – Всё-таки мы победили... а они не хотят ни с кем делиться...

– Они хотят, чтобы праздник этот был только их!

– Победу нельзя делить, – убеждённо, как вымученную истину, произнёс Василий. – Она одна на всех... Ты понимаешь, на всех! Не только для тех, кто ранен, погиб красиво, и не только для «наших», но и для таких, как Петька, как ты, как другие... как я... Война всё у нас отняла.

– Каждый заплатил свою цену, – понимающе закончила Зина. – Почти целое поколение покатило куда-то, и мы до сих пор хлебаем всё это. Ты, мальчишка наивный, Васенька, за машиной бежал на фронт... Я помню... Родину любил... Ну, правильно любил. Думал, что тебе поверят там, на передовой? Мы-то, родные, верим. – Зина положила руку на плечо брату. – Главное – мы вместе. Найдёшь ещё жену, будут у тебя дети... Вот им-то жить и жить...

– Я тоже знал одного фрица, – вдруг вспомнил Василий. – Молодой такой, сам сдался. Были вместе в лагере. Он мне сильно помог. Одну ночь поговорили, а ума набрался на десять лет. Студент. Любил он всякие травинки, – Василий мечтательно посмотрел куда-то вдаль и грустно добавил: – я дикий мёд у него научился собирать...

– Это он! Точно он! Его ведь зовут Гюнтер? – вскрикнула Зина.

– Гюнтер?..

Василий не знал имени того немца.

И судья, и палач

Рассказ

1.

Зима 41–42-го выдалась холодной. Однако лемовжское болото местами так и не замёрзло. В начале января, выслеживая волостного старосту и его братца, Фёдор Астахов случайно забрёл на мхи, покрытые тонкой корочкой льда, провалился в трясины, еле выбрался оттуда и потом долго шёл мокрый. Вообще-то он искал не самого главного местного полицая – Всеволода Клёнова, а его младшего брата Петьку, что в соседней деревне с чердака своего дома расстрелял из пулемёта двоих, не местных. То ли партизан, то ли парашютистов. Они были в шлемах и в комбинезонах. Видят: немцев нет, и давай по деревне ходить, еду просить. Прямо дети малые!

После этой неудачи Фёдор сильно простудился, его колотило. С высокой температурой он явился к матери. Не выдержал, пришёл хоть немного подлечиться и согреться. Напился горячего молока с маслом, переоделся и лежал под тяжёлым ватным одеялом в шерстяных носках, чёрных брюках «на выход», почти новой серой рубашке и пиджаке. Ничего другого в доме для него не было. Рот завязал тряпкой, чтобы не был слышен непрекращающийся кашель. После горячего молока пот лился ручьём.

Внезапно в деревню нагрянули немцы. Все на мотоциклах и на машинах. Довольно много их было, приехали разбираться, откуда на прошлой неделе взялись партизаны. Фёдор еле успел прыгнуть в подпол. В чём был, так и зарылся в яме из-под картошки. Её края были укреплены досками. Он рукой осторожно присыпал крышку песком.

Рана в руке сразу дала о себе знать, осколок задвигался, иногда вызывая внезапную, но острую боль в локте.

Несколько немцев с овчаркой шумно вошли в дом и сразу уселись за стол. Один спустился в подвал и осветил фонарём. Пошарил вилами по песку, даже пробрался под полом большой комнаты туда, где была яма для картошки. Ему пришлось согнуться в три погибели. Но там вилами особенно не поорудуешь. Поэтому минут через пять он вылез, прихватив с собой банку с солёными огурцами, и присоединился к своим, уже галдевшим и пившим за столом.

У Фёдора эта яма была заранее приготовлена для матери на случай, если будут сжигать дом. Там она смогла бы спастись от огня и переждать. В фундаменте со стороны реки он начал готовить дыру, уже вытащил несколько камней и прикрыл лаз листом ржавого железа. Когда снег – не видно, а летом в этом месте росла крапива. Там можно было незаметно вылезти. Но пока лаз был не готов. Ещё нужно было из фундамента дома убрать два-три камня.

Утром немцы ушли из дома. Фёдор, полуживой, вылез из подвала с белым, страшным и распухшим раз в два лицом. Даже собака его не учуяла. А к вечеру солдаты уехали совсем. Кого-то забрали, всё сожгли в соседней деревне, в том числе на хуторах. Это чтобы неповадно было чужих пускать. Местные полицейши, Клёнов младший и Осипов, демонстрируя свою прыть, словили шатающегося по деревням сироту-цыганёнка и, раненного в живот, тащили из деревни. Он громко плакал и кричал от боли. Это был мальчуган лет двенадцати. За деревней его прикончили и сбросили в овраг.

«Убью гадов! – дал себе слово Астахов. – Обязательно и в первую очередь. Волостной староста подождёт. Этих вся деревня видела».

С того злополучного домашнего лечения Фёдор в родительский дом больше ни ногой. Один раз наведался, доделал лаз в фундаменте. Ещё приносил матери полмешка муки и для соленья кусок баранины, взятый им в сарае у одного полицейского, что жил под Молосковицами. Передал – и назад в лес, в землянку.

Астахов привык к новому распорядку. Утром спал в лесу часов до десяти. Потом, пока было тепло от печки, готовил в одном котелке кашу, а в другом – наструганную мороженую баранину. Это и обед, и завтрак. Так не каждый день. Готовил дня на три сразу. Но самое сложное было – как следует спрятать эту еду от повадившейся в его землянку лисы. Она уже дважды съедала все запасы в хозяйстве у Фёдора.

Раз в неделю стирал бельё в воде, согретой в ведре на печке, подрезал волосы и брился острым как бритва ножом. Ведро, его любимый с детства нож, мыло, соль, чугульки взял из дома ещё в первый раз. Днём, когда печка гасла, заваливал своё жилище еловыми лапами, забрасывал их снегом. Потом переворачивал длинное бревно и по незаśnieженной стороне аккуратно переходил через кусты на тропинку, переворачивал бревно обратно заледенелым снегом наверх и пробирался к деревне. Нужно было самому разведать, что и как, а потом незаметно подобраться к дому дяди Егора. Там узнать новости о маслозаводе, о полицаях, о немцах, да и про ребят, ещё не ушедших в полицию.

Взобравшись на красную скалу, Астахов всматривался в знакомый с детства пейзаж: деревня, излучина, мост и купола церкви. Деревня почти не жила. От почты прошли двое полицейских в новых чёрных шинелях. Идут по домам, что-то записывают в большой белый блокнот. Навстречу им к школе идёт Верка Игнатъева из соседнего дома, несёт большой бидон с молоком. Там вроде как штаб полицейских из пяти соседних деревень. Вот мать Фёдора пошла в сторону Красного Маяка тоже с бидоном. Ей приказано каждый день приносить свежее молоко на маслозавод для охраны. Это километров семь будет. Еле ковыляет, ноги-то больные...

Фёдор вспомнил, как он пришёл к матери после побега из плена. Как она плакала и радовалась, увидев своего сына живым. Сразу задёрнула все занавески, закрыла дверь на крючок. Большую шубу из овчины, с которой Фёдор протопал лесами почти от Каунаса больше пятисот километров, она засунула в ещё горячую русскую печь. Шуба тут

же стала вся белая от зажаренных вшей. Рваный пиджак, рубашку и галифе сожгла в буржуйке, принесла горячей воды. Фёдор вымылся, как смог, прямо в комнате. Потом мать промыла ему рану на руке самогоном и перевязала чистым белым полотенцем. С чердака принесла старый тёплый свитер, штаны на вате и огромные, ещё отцовские валенки с галошами. Фёдор наелся щей без мяса. Ему стало совсем хорошо... Мать не отговаривала сына и сразу согласилась с тем, что он задумал делать здесь, на родине...

2.

Живя в деревне, привыкаешь с самого детства всё делать сам, обстоятельно, аккуратно, надолго, для себя. Фёдор знал все кочки на полянке около хутора, где они с отцом косили траву. Помнил каждое бревно, когда перевозили дом с хутора в деревню, на берег Лемовжи... Сама природа принимает только тех, кто с ней. Других она не терпит и отторгает.

Государственная машина – совсем другое. Чаще всего она как раз и нужна для того, чтобы изменить природу. Много людей, много заводов, большие цели. Приходится волей-неволей всё делать как-то огульно, что ли. Если на самолёты – то все! Коллективизация – так каждый третий кулак. Враги народа – опять каждый третий. Если отступаем – то все паникёры и трусы, если плен – то все изменники. Эта машина, наверное, и не может иначе... Но он-то, Астахов, один. Без начальников, без приказов и подчиненных, без суда и власти. Пойди разберись! Как тут быть?

С немцами ясно. Сейчас ему против них нужно действовать тихо и без позёрства. Идёт война, и никто из жителей не будет любопытствовать: «Кто тот герой, что взорвал мост или комендатуру?» Обычное дело. Но, ей богу, всем будет небезразлично, что вон того, такого же, как они, всегда жившего рядом с ними, но предавшего их, постигла заслуженная кара. Для них это торжество хоть какой-то справедливости. Глядишь, и остальные, слабые, малодушные и обманутые, но не такие сволочи, как этот, задумаются.

Вроде всё понятно. Но Фёдора мучили сомнения. В голове крутились всё новые и новые вопросы. Вопросы, в пер-

вую очередь, к самому себе. Готов ли он месяцами один скрываться в лесу, в землянке? Нельзя заболеть. Нельзя быть раненым. Никто не поможет. В родительском доме оставаться нельзя, как бы его ни уговаривала мать. Обязательно узнают, учуют, сообщат. Как вообще здесь передвигаться? По всем деревням шляются полицейские патрули и проверяют пропуска. Как искать помощников и единомышленников? Это, пожалуй, самое трудное. Ведь они, в отличие от него, не смогут исчезнуть даже на время, чтобы вместе с ним проверить какую-нибудь диверсию. Если исчезнут, уничтожат семью. Уйти вместе с семьёй? Куда?

Сложнее было другое. Что вообще он может предложить местным, чтобы они решились вдруг пойти с ним? Красная Армия ушла, их бросила. Листовки, сбрасываемые с самолетов, со словами о том, что она скоро вернётся, имели совершенно обратный эффект. Новая власть уже есть. Она действует. И действует жёстко. Немцы совсем рядом, в Большом Сабске. Полчаса езды. В любой момент могут нагрянуть. Те не разгуливают по деревням, как полицаи. Они просто всех вытаскивают на поляну к церкви, а потом ищут по домам, не укрывается ли кто. Чуть что, только малейшее подозрение – сразу всю семью к стенке, а то и деревню сожгут.

Всякий, кто здесь жил, был вправе подумать: «А может быть, страна так же, как и Европа, уже проиграла эту войну? Было же у нас татаро-монгольское иго несколько веков...» Когда раненого Астахова вместе с другими пленными везли в вагоне в тыл к немцам, многие так и рассуждали: «Москву, Ленинград возьмут – нас отпустят!» Это было простое подчинение или непротivление силе – такой тип совести, когда ты начинаешь с лёгкостью усваивать повеления внешней силы. При этом совсем не важно, чьей силы: нашей или чужой. Ты всё равно выполняешь её волю.

Что он может противопоставить этому? Только действия! Активные действия против этой внешней силы. И опять, в который раз, всё тот же вопрос: «Один или в отряде?» Как только Фёдор возвращался к этому вопросу,

куча других проблем сразу начинала сама вылезать, как грибы после тёплого летнего дождя. «Искать партизан или окруженные войска? Просто бродить по лесам, ждать, когда они сами сюда придут? Нет! Я столько протопал и никакого даже подобия партизан не встретил. Да и не со всякими пойду. Уже научен. Так много я видел разных слоняющихся по лесам...» Условия требовали умения действовать в одиночку, не рассчитывая на помощь в течение длительного времени.

Что нужно было местным жителям, чьи дети и мужья уже в полиции и служат немцам? Что нужно сейчас самим полицейским? Они все такие разные. Нужно искать то, что их разделяет. Одним нужно просто выжить. Для других – это кусок хлеба. Третьим, таким как Клёнов, хочется выслужиться перед новой властью, стать богатым и иметь столь желанную для них власть над людьми... Четвёртые так ненавидят советскую власть, что с радостью увидели в немцах своих спасителей. Таких здесь вроде бы не было. Теперь нужно, чтобы все они отдавали себе отчёт: если станешь сволочью – убьют. Пусть видят, что кара неминуемо настигнет каждого.

Получалось, будто Астахов сам, по своей воле становился и судьей, и палачом. Кто позволил ему, кто его уполномочил? Его, только что побывавшего в плену, а потом чуть не расстрелянного своими же?

Фёдор вдруг почувствовал ясность в голове, как будто он освободился от идеологического угара, от армейских директив и рефлексов, от всего наносного и привнесённого. Он держал отчёт перед своей совестью. Сегодня нужно убивать врага. Хорошо или плохо это делает страна? Любит она тебя или отторгает? Конечно, важно. Но он этого старался не замечать. Главное – гнать врага со своей земли. Как он сможет, так и гнать. Убивать, вредить, мешать. И тем самым помогать своим... родным, жене, маленькому сыну, матери... Потом у людей обязательно заработает память. Она извлечёт из прошлого все подробности измены и неправды. Воображение облечёт эти подробности в живые формы... Затем сама собой проснётся совесть. Не лож-

ная совесть раба, утратившего свою личность, а истинная, та, что заставляет думать, принимать решения, действовать.

3.

Со скалы было видно, как мать Фёдора повстречалась с Дмитриевной. Та тоже одна, но к ней часто заходят полицейские за самогоном. Иногда прямо у неё в доме разопьют и дальше шагают. Пока пьют, много болтают про все свои дела. Кого повысили, кого повесили, кого куда направили, кто самый главный. Ну и тому подобное. Мать всегда, встречаясь с Дмитриевной, останавливалась, здоровалась и ждала, когда та начнет изливать душу и хвастать своими знаниями.

Около церкви стояла пролётка с лошастью. Туда подтягивались жители Хотнежи и Корячи. Что-то будут объявлять. «Интересно, кто это приехал? Уж не Клёнов ли?» – размышлял Фёдор. Этот без охраны не ездил никуда. Когда в прошлый раз приезжали немцы и расстреляли у церкви мельника, тоже всех собрали. Но тогда был только Клёнов-младший и Осипов.

Через два часа все разошлись. Опять тихо и никого вокруг. Ночью можно выйти на дорогу и прямо по деревне подойти к дому какого-нибудь полицая и сблизить почувствовать, что за человек. Обычно никто из них не спал часов до двух. Казалось, что все они чего-то ждали. Потом он долго промерял маршрут от одной деревни к другой, обходные дороги, пути отхода. Чтобы выследить главных полицейских, нужно было много знать. Куда ходят, зачем, когда, какое у них оружие, есть ли охрана? Маслозавод – это другое дело. Как пробраться к заводу, Фёдор уже выяснил, как поджечь – тоже. Оставалось разведать, какая там охрана, где находится и сколько бочек с маслом хранится на складе. Кроме того, рядом, в пяти минутах, в Сабске, стояла немецкая часть. Хорошо бы и про неё всё разузнать...

Часа в два ночи, а то и позже, Фёдор возвращался на хутор в свою землянку. Разжигал огонь в печи, согревал еду и укладывался спать. Завтра, то есть уже сегодня, будет трудный день. Стало известно, что утром полицейский

Осипов пойдёт вдоль реки Луги к своим родным. Один пойдёт или с дружкой Петькой Клёновым – неизвестно. Известно только, что один он никогда не ходит. Всегда рядом охрана, человека два-три.

Над вершинами сосен навис огромный свинцовый полог неба. Ни звёздочки... Ещё немного – и лес и небо сливаются. На лицо падают снежинки и быстро тают. Фёдор остановился. Тишина. Ни звука, ни шороха. Где-то рядом скрипнуло дерево. И опять всё тихо. Астахову стало не по себе от этой пронзительной тишины. Он осторожно продвигался вперёд, к дороге. Под ногами предательски хрустел снег, но лес быстро гасил эти звуки.

Метрах в двадцати от того места, где он остановился, по заснеженной обочине дороги шли двое с винтовками, в тёплых полушубках и меховых шапках. Это были Клёнов и Осипов, которые месяц назад расстреляли двух партизан, а потом на виду у всей деревни тащили добывать раненого цыганёнка. Сбоку и сзади с винтовками наперевес шли ещё трое.

Если бы знали эти нелюди, как долго он их искал! Сколько раз готовился, караулил часами, а они шли другой дорогой. Тогда приходилось бежать по глубокому снегу километров десять, чтобы перехватить их совсем в другом месте. Нужно было, чтобы они появились вместе и подальше от деревни, чтобы не пало подозрение на кого-нибудь из местных...

Идя по глубокому снегу след в след, оба полицейских выстроились гуськом. В тишине громко прозвучал выстрел. Клёнов сразу свалился на землю и затих, а второго та же пуля, видимо, только задела. Трое охранников явно растерялись и засуетились. Двое, что шли сзади, кинулись бежать без единого крика. Третий быстро залёг и начал, не целясь, стрелять в лес, туда, где прятался Астахов. Минуту спустя что-то сообразил, вскочил и побежал за первыми двумя в сторону ближайшей деревни. Фёдор никого из них не узнал. Он подождал, когда убегут подальше те трое и только после этого подошёл поближе к дороге. Осипов то ли сидел, то ли лежал как-то неестественно и пытался передёрнуть затвор винтовки.

– Ой, свои, – промычал он, узнав Астахова.

– Да, свои, – жёстко сказал Фёдор и добил его прикладом. Ничего не говорил, ничего не объяснял. Просто добил и всё! И никаких других чувств, кроме брезгливого ощущения прикосновения к гнилой сволочи, у него не было.

Забрав винтовки, он долго тащил по снегу убитых полицейских к реке. Не хотел, чтобы их обнаружили. Не получилось. Полушубок одного из них вздулся из полыньи. А когда немцы вместе с полицейскими искали, то по нему и нашли. После, конечно, хоронили с почестями, с салютом. Немцы важные приехали. В Хотнеже на кладбище за церковью и похоронили двух негодяев. Видно, ценили их усердие. Никого из местных в округе на десять километров не тронули. Только ходили цепью по лесу вокруг ближних деревень. И то недалеко. Так, километров на пять вглубь.

Мать рассказывала, что бабки, которые встречались ей на просёлочной дороге, Дмитриевна и Верка Игнатьева, пытаясь поделиться своими впечатлениями от этого события, многозначительно показывали головой куда-то наверх. На их лицах одновременно был и страх, и плохо скрываемая радость.

Последний эшелон

Очерк

Войска правого крыла 1-го Прибалтийского фронта, куда после расформирования партизанских отрядов направили старшего лейтенанта Корнева, продвигались на северо-запад. Отступающие из-под Ленинграда немецкие части были прижаты к побережью Финского залива. Многие, используя катера и баржи, пытались перебраться на финский берег.

Опять Двинск. И снова ранение. В ту же руку. Госпиталь. Резерв. Так что освободить этот город Фёдору уже не удалось. Потом был Кенигсберг. Медаль и наконец-то первый орден. Орден «Отечественной войны» второй степени.

Ещё месяц, другой, и война закончилась.

А в августе началась новая. Бросок в Маньчжурию.

За неделю до этого командир 37-го полка своим приказом снял с должности комбата-3 «за трусость», а потом целых три часа ходил вдоль линии обороны с начальником штаба этого батальона Корневым. Он расспрашивал о плене, о партизанах, о том, как приходилось выживать на оккупированной территории, о семье, о первых годах службы...

В который раз за последние два года Фёдор Корнев вспомнил про все свои эшелоны. И когда в первый день войны, не веря в пустые обещания начальника вокзала, усадил жену и годовалого ребёнка в пустой вагон уже отходящего на восток неприметного состава из пяти вагонов, и когда раненый, попав в плен, решился выпрыгнуть из эшелона, увозящего его на запад, и потом, пройдя полтысячи километров по захваченной немцами территории, остав-

шись в живых после допросов в заградотряде, сидя на полу поезда, идущего к своим, в Ленинград...

Война кончалась, и полковнику не хотелось под конец ошибиться и перечеркнуть всё, что прошёл и заслужил за последние четыре года.

В результате этих «бесед» отдельный батальон с приданной артиллерией и танками под командованием старшего лейтенанта Корнева был направлен в тыл Квантунской армии через горный хребет Большого Хингана.

Степь, пески. Только что прошли ливневые дожди. Месиво. Машинам не проехать. Орудия артиллеристы тащили на себе. Танки норовили перевернуться на крутых склонах. Ночью холодно и нужно согреться, но нечем разжечь огонь. Вокруг много брошенных японских автомобилей. Бойцы нашли в них огромные тюки с японскими деньгами. Вероятно, спешно вывозили из банков оставленной Маньчжурии. Этими «бумажками» хорошо было топить костры. Некоторые водители собирали валюту и прятали у себя в кабине. Потом как-то умудрялись её выгодно обменивать.

Дважды разведка батальона находила японских наблюдателей, до головы закопавшихся в песок. На допросах они стояли навытяжку с гордо поднятой головой. На крик только упрямо дергали головой и ещё больше вытягивались перед врагом. Невозможно было добиться от них ни одного слова. Таких Корнев уважал и приказывал не расстреливать, хотя тащить их за собой было и рискованно, и сложно.

С вершины увидели большое плато, всё заполненное японскими военными частями. Настало время выхода на рубеж атаки. Батальон развернул орудия, дал первые залпы. С гор вниз по войскам ударили ещё с двух сторон другие передовые части. В это же время с фронта начали действовать основные силы. Замысел простой и эффективный. В результате удалось предотвратить готовившиеся взрывы и затопления Мукденского арсенала, Аньшаньского металлургического комбината, электростанции, Фушуньских угольных шахт.

Неподалеку от Мукдена была освобождена из концлагеря большая группа военнопленных американских и англий-

ских солдат, офицеров, генералов. К концу августа вся территория Маньчжурии с населением почти в пятьдесят миллионов человек была полностью освобождена. Японская армия была разгромлена, очень много японцев попало в плен.

* * *

– Старший лейтенант, какой орден тебе дать: Красного Знамени или Суворова?

– Суворова, товарищ маршал, – ни секунды не раздумывая, отчеканил Фёдор. – Красного Знамени мне уже однажды пробовали дать.

– Знаю, – сказал маршал, немного помолчав и отвернувшись. – Я всё про тебя знаю. А операция-то какая! Как у Суворова в Альпах. Только он был генералиссимус, а ты старший лейтенант. Вся разница! – добавил Малиновский и рассмеялся. – Молодец. Настоящий кадровый офицер. Что дальше думаешь делать?

Для Фёдора эти два слова, сказанные маршалом, «кадровый офицер», были, пожалуй, самой главной оценкой. Чувства подкатили к горлу. Он вспомнил всё – 35-й год, армия, первые десантные войска, Финская война, Бессарабия, Западная Украина, Прибалтика, первые дни войны с немцами, ранение, плен, побег, все мытарства на родной земле, партизаны... и с трудом выдавил:

– В 41-м был в плену семь дней, товарищ маршал. В Ленинграде сказали, мол, я теперь беспартийный... Действующей армии сейчас нужны герои с биографией. А нашего брата ещё не раз и не один год будут проверять. И всё это время – без доверия. На войне-то быстро всё проверяется, а в мирное время замучаешься ждать и доказывать. Так что подам рапорт, навоевался.

– Ну, смотри, – сказал Малиновский, повернувшись к присутствующим в кабинете двум офицерам штаба. – Жалко, когда такие уходят. Боевой, самостоятельный. Может, ты и прав, Корнев... Наверное, прав. Придётся и это пережить, – добавил он, думая о чём-то своём. – Ты слушай меня, маршала. Спасибо тебе. За всё спасибо. За выдержку, за уверенность в себе, за правильные решения... – По-

молчал немного, потом вдруг заулыбался, как-то очень искренне и тихо произнёс: – А то ведь никто, кроме меня, и не поблагодарит...

Маршал вдруг стал серьёзным.

– Последнее задание для тебя, старший лейтенант. Командир дивизии, конечно, тебя ещё вызовет для приказа. А пока важно, чтобы ты уяснил: задание очень сложное, и не смотри, что не боевое. Доставишь в Москву эшелон, а потом свободен. Чего не спрашиваешь, какой эшелон-то?

– Сами скажете, товарищ маршал.

– Победителей нужно вернуть домой. Целую дивизию. Кончились войны, теперь все герои, понимаешь, грудь в орденах, с оружием, с водкой, стреляют все кому не лень. Понятно, чего от них можно ждать?

– Так точно. Могу представить.

– Справишься? Мы специально ищем таких, эшелонов-то много будет.

– У меня, товарищ маршал, любовь к эшелонам. В этой войне он будет четвёртым.

– Любовь – это хорошо. Тогда я уверен. – Стоявшие рядом офицеры заулыбались.

Этот эшелон – чистый ад! Что-то изменить в его «образе жизни» было невозможно. В замкнутом пространстве вагона звания ещё что-то значили. Но на остановках! Все вываливались из вагонов, расползались по вокзалу, просачивались в город... Три стоянки поезда на всём пути следования. Но какие! Что творилось на станциях – не пересказать! И что мог тогда сделать специальный взвод автоматчиков? Эти, пожалуй, единственно трезвые ребята на ходу выпрыгивали из поезда и хорошо, если успевали перекрыть все возможные и невозможные выходы в город. А нужно было ещё тихо снять больных и пораненных в драках... Прямо как с зэками. Только эти свои и вооружены.

Любые резкие изменения в жизненном укладе вначале всегда сопровождаются неопределённостью и неуправляемостью. Именно в это время толпа самопроизвольно выталкивает на поверхность своих лидеров. Нужно было очень быстро и в каждом вагоне найти такого. Того, за кем

позднее в хаосе всеобщего столпотворения пойдут все. И командиры – тоже. Нужно было так сработаться с этими «вожаками», чтобы они поняли, осознали и продолжали долго и организованно пить всем вагоном. Это лучше, чем на остановке в посёлке или городе вылавливать солдат, пьяных от внезапно свалившейся на них свободы, власти и неуёмной радости от того и другого.

На станциях стояли сотни людей с цветами. Они радовались победителям... Как встречная взрывная волна гасит пожар, так и эти искренние большие чувства встречавших останавливали и чуть-чуть отрезвляли бойцов.

Через две недели в Москве рано утром Корнев сдал этот литерный из сорока вагонов. Комендант вокзала с сопровождающими обошёл состав, заглянул в каждый вагон, посмотрел бумаги, деловито подписал документы и произнёс:

– Убыль два процента. Норма.

Эшелон со спящими вповалку бойцами, усталыми после безудержного буйства на протяжении двух недель, тихо стоял на станции на запасных путях. Интересно, когда о нём вспомнят?

А его поезд, Фёдора, уезжал домой, в Ленинград, к родным. Мерно стучали колёса. Для Корнева закончились все войны на свете. Его клонило ко сну.

* * *

*(Из представления к награде.
Краткое изложение личного
боевого подвига или заслуг)*

В период боевых наступательных операций дивизии против Японо-Маньчжурских войск с 9 по 20 августа 1945 года в районе, что южнее города Хайлар (Маньчжурия), в районе Большого Хинганского Хребта, тов. Корнев Ф.Н. проявил доблесть и мужество в борьбе против Японо-Маньчжурских войск. За время боевых действий батальона в составе передового отряда тов. Корнев Ф.Н. умело организовал разведку дорог и переправ, форсировал Большой Хинганский Хребет, сохранил материальную часть и личный состав.

11 августа 1945 года в районе населённого пункта Улан Караган, Хабаровского уезда, Маньчжурия, тов. Корнев Ф.Н. руководил батальоном при окружении и разоружении войск противника в количестве 2200 человек, в том числе 2-х генералов, чем способствовал быстрейшему окончанию войны.

Вывод: За проявленные мужество и отвагу в борьбе с Японо-Маньчжурскими войсками достоин правительственной награды – ордена «Красное Знамя».

*Командир передового подвижного отряда 221 Стрелковой Мариупольской Краснознамённой ордена Суворова дивизии
Подполковник Терентьев*

5 сентября 1945 г.

СЕКРЕТНО

Экз. № 2

ПРИКАЗ

Войскам Забайкальского фронта

5 октября 1945 г. № 043/н действующая армия

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР, за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с японскими империалистами и проявленные при этом доблесть и мужество – НАГРАЖДАЮ:

ОРДЕНОМ СУВОРОВА III степени

Старшего лейтенанта

КОРНЕВА Фёдора Николаевича – Командира мотострелкового батальона передового подвижного отряда 221 стрелковой дивизии

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ ЗАБФРОНТА
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
МАЛИНОВСКИЙ

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА ЗАБФРОНТА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ТЕВЧЕНКОВ

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ЗАБФРОНТА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ТРОПЕНКО

Победа

Новелла

Сибирь. Томск. Сорок пятый год, 9 мая. Раннее утро. На окраине города старая изба. Парень лет четырнадцати, взлохмоченный, в трусах и в ватнике на голое тело, что есть силы стучит в окно. Первым проснулся дед, отворил форточку, смотрит на парнишку, а тот пытается что-то сказать, но не может слова вымолвить, только кивает и руками размахивает. Дед уж подумал – беда. Мать у мальчишки соседского сильно болела...

– Смирно!!! – скомандовал старик, прошедший пять войн.

– Победа! Победа! Победа!!! – наконец-то вырвалось у ошалевшего мальчишки.

А на улице уже все суетились. Было видно, как за забором войсковой части солдаты снимают чехлы и разворачивают орудия, а молодой полковник с двумя красными полосками на груди, восседая на вороном коне, всё время размахивает фуражкой и что-то кричит. Не кому-то конкретно: не своим солдатам, не собравшимся на площади людям – просто, задрав вверх совсем седую голову, глядит на небо и кричит. Вроде даже поёт... А когда конь развернулся, то всем стало видно, что одна нога полковника в сапоге, а другая – в размотавшейся портянке...

Грянул залп. На площади все залегли. Остались стоять только инвалиды и мальчишки...

Немчики

Новелла

В Иркутской области есть село Тальцы, там несколько десятков памятников деревянного зодчества XVII–XX веков. Это как Кижы на Онежском озере. Иногда туда добираются иностранные туристы. Баба Клава, старушка лет девяноста, живёт одна, муж давно помер, сыновья кто где, разъехались по всей стране, иногда навещают. А у неё огород, корова. В закоулке близ Казанской церкви, бывает, продаёт бабуля молоко. Постоит минут пять-десять – вмиг всё раскупят.

Сегодня, видит баба Клава, к церкви подошёл автобус, люди вышли, глазеют, чего-то лопочут по-своему...

– Ой! Немчики! Боже ж мой! Мы ж с вами воева-а-али...

Это она себе сказала – не им. И в голосе её были и боль памяти, и жалость к побеждённым, и какое-то необъяснимое чувство, замешанное на прощении, на радости от того, что с войны той живым вернулся муж, что потом воспитала двух сыновей, что пока, слава Богу, ещё здорова и трудится целыми днями... А эти... Приехали, напомнили... Прямо как родные, что ли...

«Этот сумрачный белёсый свет...»

Рассказ

Сергей Богданов, конечно, был влюблён в Алёнку. А той... нравился Юрка Лисочкин. Лисочкин же никого пока не любил, но был не прочь поухаживать за кем угодно. Так, для тренировки, как со штангой. По кому сох Вовка Спивак, никто не знал. Но то, что он был влюблён, это точно. Все, кому не лень, обсуждали, почему это Богданов так часто краснеет. Причём чаще всего, когда его вызывают к доске или просто поднимают с места, то есть когда внимание обращено именно на него. Ну, вряд ли это происходит от того, что он, как обычно, ничего не учил и теперь выкручивается на тройку... Наверное, в этот миг посмотрит Она и всё увидит... Другие ничего не поймут, а Она догадается.

В субботу уроки закончились раньше. Не было математики, последней по расписанию. Все радовались, что математичка заболела, а Алёнка, наверное, больше всех. Она просто ненавидела как алгебру, так и саму учительницу. У неё, у отличницы, впервые за все школьные годы в третьей четверти начинала вырисовываться четвёрка. По алгебре. За последний месяц её дважды вызывали к доске решать задачи и дважды ставили четвёрку. Явный перебор.

Алёнка с видимым удовольствием собрала свой маленький сиреневый портфель и уже было направилась к выходу из школы. Она наклонилась, чтобы затянуть развязавшийся узел на зимних ботинках, и мельком, будто шпион, взглянула в сторону большой деревянной скамьи около входа в школу. Там всегда в конце уроков стоял Серёжка.

В этот раз он тоже был на месте, смотрел на неё и чего-то ждал. Это было написано большими буквами прямо у него на лбу.

– Серёжа! Пойдем, прогуляемся. Проводишь меня? – громко сказала Алёнка, подзывая Богданова рукой.

– Пошли, – подчёркнуто безразлично произнёс Богданов. – Сейчас догоню.

Он дождался, когда Алёнка прошла вперед, и быстренько направился за ней. То ли не хотел, чтобы видели, как он за ней ухлестывает, то ли ей демонстрировал, что не так уж ему это и нужно: таскаться за тридевять земель... Но одно только вот это «Серёжа» в её устах, а не привычное с первого класса «Богдаша», уже вызывало в нём трепет, красные от лёгкого мороза щёки стали совершенно пунцовыми.

Так или иначе, но через минуту они уже шли вместе и нельзя сказать, что в сторону её дома. Он молчал. Она тоже. Он нёс её портфель, а свой часто оставлял в классе, чтобы не носить его туда-сюда. Домашнее задание всё равно делал в школе, прямо перед уроками.

«Ну, нельзя же всё время молчать! Нужно что-то говорить...» – всю дорогу в отчаянии думал Серёга. «А чего говорить-то? Про погоду – глупо. Про любовь? Ну уж нет! Вот почему не учат в школе самому главному?»

Они уже больше часа шли к проспекту дальней, окружной дорогой. Начинались сумерки. Жёлтым светом зажглись уличные фонари. Вдоль всего тротуара тянулась аллея высоких берёз. Их голые тонкие ветки свешивались под тяжестью сверкающих замёрзших капель. Свет преломлялся в этих каплях и образовывал разноцветные круги, похожие на маленькие радуги. Такое явление редко встретишь. Нужно, чтобы утром долго шёл дождь, а вечером температура снизилась хотя бы до минус пяти.

Не говоря ни слова, Сергей и Алёнка остановились.

Алёнка обняла его за шею. Её тёплые, нежные ладони заскользили сначала по Серёгиной шевелюре, по затылку, потом прошли мимо ушей и остановились где-то посередине: на его красных щеках и на шее. С закрытыми глазами она сначала прикоснулась губами к холодной Серёгиной

щеке. Её тёплое дыхание, почему-то пахнувшее топлёным молоком, приятно щекотало только появляющийся пушок на его скулах и подбородке. Лёгкий озноб, учащённый пульс. Казалось, что все поры на коже лица широко раскрылись и с наслаждением вдыхают Алёнкины запахи. Её опустившиеся на щеки длинные ресницы сразу забрали весь жар его губ. Он принялся их целовать быстро-быстро, ничего не соображая. Лишь потом он остановился на мгновение, опомнился и крепко поцеловал её в губы...

Никакого особого чувства у него это не вызвало. Он даже не отдавал себе отчёта в том, что это не она, а он её поцеловал. Значительно приятнее было прикосновение её ладоней и ресниц. А поцелуй? Ну, во-первых, он больше думал о том, как бы выполнить всё правильно. Как учили... А уж потом чувства, ощущения и тому подобное. Он почему-то вспомнил «Мадам Бовари» Флобера. Одна пяточка мелькнёт или полоска голого тела между рукавом и перчаткой... Всё, этого достаточно. А поцелуй! Слишком сильно. Забивает чувства. Зашкаливает...

Алёнка мягко отодвинула Серёжку, поправила сначала свой шарф, потом его шапку, съехавшую набок, улыбнулась, и ему стало так легко, как будто всё это время он таскал какую-то тяжесть, а теперь взял и скинул лишний груз. Он ещё вспомнил о Лисочкине с его штангами: «Вот дурак-то!»

Они вдруг заговорили разом и об одном и том же, быстро, не ощущая никакой тяжести в общении, как когда-то, в первом или третьем классе. Обсудили всех одноклассников и всех преподавателей. Богданову показалось, что Алёнка слишком интересуется Юркой и ещё тем, как это Вовка Спивак так здорово знает алгебру и как его любит математичка. Весь остальной путь до своего дома она говорила про свою будущую четвёрку в четверти. Какой, мол, это ужас, и как её будут ругать родители.

Из-за поворота показался Алёнкин дом. Пошёл снег. Его мягкие, пушистые хлопья попадали ей на ресницы, надолго задерживались там, наверное, мешая ей смотреть, потом всё-таки таяли от тепла её глаз и тонкими ручейками сте-

кали по щекам. Казалось, что Алёнка плачет... Этот же снег накрыл замерзшие капли на ветках берёз, и свет фонарей больше не преломлялся в них всеми цветами радуги...

На лестничной площадке, около окна и тёплой батареи, они поцеловались ещё раз, потом ещё и ещё... Серёжка был счастлив.

Он вернулся в свой двор, и там, как будто по заказу, для него звучала новая песня: «Этот сумрачный белёсый свет, то ли есть, то ли нет, и стоим с тобою рядом мы на пороге тьмы...»

Исправление ошибок

Рассказ

На фоне звёздного неба отчётливо выделялся тёмный силуэт здания школы. В лунную мартовскую ночь было хорошо видно, как два парня карабкаются по высокой берёзе на третий этаж, к учительской. Подобравшись к заветному окну, они тихонько открыли форточку ножиком. Самый маленький, Петька Филиппов, его все звали «Филя», пролез через неё и изнутри распахнул окно. Ещё двое прятались внизу, в кустах сирени, и оттуда наблюдали за школьным двором. После того как первая пара скрылась в помещении, они тоже стали взбираться наверх с ветки на ветку, торопясь лично поучаствовать в великом мероприятии по «исправлению ошибок».

Парень с шевелюрой из каштановых волос, Юрка Лисочкин, вторым пробравшийся в учительскую, был крупнее первого, одет в коротенькую курточку и синий шарф. Очутившись в тёмной комнате, он сразу же плюхнулся на подвернувшийся ему стул и уставился на стену. Два месяца назад он стоял здесь перед учителями и давал обещание не прогуливать уроки. Тогда он точно так же неотрывно смотрел на стену, где висел большой портрет мужика с круглым лицом. Сегодня свет от луны то попадал в комнату, то затенялся раскачивающимися на лёгком ветру ветками берёзы, скользил прямо по лысине Хрущева, чуть задерживался и уходил куда-то прочь. Мальчишке казалось, будто он сам гладит самого главного в стране по большой голове и умоляющим голосом приговаривает: «Ты никому не говори. Ладно? Не надо никому говорить...»

В это время Филиппов уже нашёл в дальнем углу, почти у самых дверей, большой деревянный шкаф и стал на ощупь, будто струны на деке скрипки, перебирать тонкими пальцами все его досочки. Наконец он нашёл замок, поддел его фомкой, и дверка отворилась. Классные журналы стояли на полках ровными рядами. На переплётках белели номера классов, нанесённые жирной краской.

– Подожди нас, – крикнул белобрысый мальчишка в светлом пальто и такой же кепке, это был Серёжка Богданов, третий из пробравшихся в раскрытое окно подростков. Пролезая через подоконник, он опрокинул стопку лежавших там тетрадей и теперь пытался собрать их и сложить в кучу.

Четвёртый, с чёрными как смоль волосами, в одной только школьной форме и с шарфом вокруг шеи, Вовка Спивак, столкнулся с Богдановым, подбирающим с пола тетради, и свалился с подоконника. Он попал ногой между стеной и столом и теперь с трудом пытался вылезти оттуда.

– Тише ты! – зыкнул на последнего тот, что сидел на стуле и «гладил рукой» лысину выдающегося деятеля, потом повернулся в сторону Филиппова, который возился с журналами, и уверенно добавил: – Нужно несколько брать, а то сразу догадаются.

Мальчишки разбрелись по учительской, внутренне торжествуя победу над всеми учителями страны. Сам факт нахождения в штабе противника их просто завораживал. Было интересно. Всё привлекало их внимание. Что на столах? Что в тумбочках? Чьи тетрадки? Хотя из-за темноты почти ничего не было видно.

Вдоль окон учительской размещались письменные столы и множество стульев. Под столами и стульями валялись небрежно разбросанные женские туфли. С другой стороны плотными рядами стояли разные по форме и высоте книжные шкафы с наполовину застеклёнными дверцами. В непроветренном помещении чувствовался запах обуви и мокрого мела.

Не дожидаясь подельников, тонкий и щупленький Петька Филиппов в новом школьном пиджаке с отрезанным, как

у Битлов, воротником, одним движением выхватил сразу семь крайних справа журналов в коричневом дерматине, засунул их за пазуху и бросился обратно к окну. Теперь всеми клетками своего тощего организма он ощущал, что является обладателем важнейших документов современности. Именно этот талмуд седьмого «Б» обрекал всех четверых участников тайного мероприятия на окончание третьей четверти с тройками, а ему самому грозил парой по математике. Теперь всё будет не так! Теперь появился шанс!

Внезапно в коридоре послышались быстро приближающиеся шаркающие шаги. Это мог быть только учитель труда. Все ребята школы любили его. Васильич в любое время разрешал работать в мастерских и что-нибудь мастерить. Так просто, для души. Он инвалид войны, потерявший на фронте левую руку, ночевал чаще всего в школе, возле тира, семьи у него не было. Мальчишки во время своих ночных блужданий по подвалу без фонаря и спичек много раз его видели там. Но сегодня во время их «предприятия» он как назло оказался на третьем этаже. К такому обороту они не были готовы. И никакого плана «Б», то есть плана внезапного отхода, у них не имелось. Началась паника. Все видели, как Вовка Спивак, теперь уже не боясь нашуметь, с сильным треском от ломающейся ножки стола вылез-таки из западни между столом и стеной и уже через секунду оказался на подоконнике. Все тетради, которые только что сложил там Серёжка, снова свалились на пол. Богданов ясно слышал, как Спивак прокричал: «Атас! Бежим!» Не тратя времени на поиск надёжной опоры, Вовка быстро, как обезьяна, спускался вниз, прыгая с ветки на ветку и пользуясь только руками. Очутившись на земле, он быстро вскочил и бросился наутёк.

Через мгновение, придерживая руками журналы, спрятанные под полую пиджака, на подоконник взобрался маленький Филька. Как легко было лезть по дереву вверх и шагнуть в проём окна! Совсем другое дело – спускаться вниз. Времени на расчёт траектории не оставалось, на проход шаг за шагом по узкому карнизу дома – тем более. Мальчишка, не раздумывая, прыгнул прямо на берёзу, решив

руками ухватиться за ближайший толстый сук. Пиджак порвался о мелкие ветки, журналы вывалились на землю, а сам он повис на этом суку, не имея никакой возможности дотянуться ни до следующей ветки, ни до ствола дерева. То ли от досады, то ли от страха и боли, он захныкал, не решаясь крикнуть о помощи.

В помещении ещё было темно. Богданов находился в дальнем углу огромной комнаты, за шкафами, и никого не видел, а Юрка Лисочкин с нетерпением ждал, пока с окна слезет Филя. Так и не дождавшись своей очереди, он спрятался за тяжёлой портьерой. В ту же секунду зажёгся свет.

Серёга, понимая, что через несколько мгновений его обнаружат, бросился к самому дальнему шкафу с глобусами и картами, открыл одну из его дверок, вытащил наружу чёрный глобус с белыми звездочками, влез между двумя нижними полками и накрылся плохо свернутой картой Арктического бассейна. Скрючившись, он невероятными усилиями умудрился носком ботинка прикрыть дверцу шкафа. Только одну. Его сердце стучало так сильно, что мальчишка испугался и даже подумал вылезти из своего убежища. Всё равно услышат и найдут.

Из-за окна доносилось хныканье и сопение Петьки Филиппова.

Войдя в учительскую, Васильич на секунду приостановился, повернулся и нажал на кнопку выключателя, который находился слева от дверей. Большая комната сразу вся залилась ярким светом. Впереди, над шеренгой столов, блестя стёкла окон. Только одно из них чернело, и через него в помещение врвался холодный весенний воздух. Оттуда же доносился приглушенный плач. Учитель быстрыми, уверенными шагами подошёл к окну, взглянул вниз и совсем рядом увидел мальчишку, висящего на ослабевших руках. Он наклонился, опираясь на подоконник.

– Эй! Держись, я сейчас. – Не найдя под рукой ничего подходящего, учитель перегнулся через проём и, удерживаясь только носками ног за чугунные батареи радиатора, протянул парню руку, – Держи! Дотянешься? Давай! Давай. Ещё немного...

Должно быть, он даже не думал о том, что здесь делает его ученик. Главное было втащить этого щупленького обратно, иначе он упадёт и разобьётся. А внизу, как раз около дерева, лежали штабеля бетонных поребриков, приготовленных строителями ещё зимой для будущего тротуара. Через ярко освещённое раскрытое окно на них падал продолговатый прямоугольник света. От игры теней камни казались ещё более устрашающими.

В это время спрятавшийся за шторой осторожно вылез из-за неё и украдкой, тихо ступая по паркету, начал обходить Васильича, чтобы незаметно покинуть эту злополучную учительскую, выйти в коридор и там уж... Услышав шаги за спиной, учитель нагнувшийся и ещё протягивающий вниз, в сторону Петьки Филиппова, свою единственную руку, вдруг резко повернул голову к свету...

– Лисочкин! – сурово произнёс он, узнав своего ученика. – Почему здесь?

Всё разрушилось, как карточный домик. Поначалу так везло: оставалось только тихо, не привлекая внимание, уйти с места преступления... Теперь его узнали. Всё! Огромный заряд злости, переполнив всё его сознание, вдруг выстрелил, и теперь вымещался на нём самом, на маленьком Фильке, продолжавшем пиццать за окном, на этом учителе-инвалиде с тремя блестящими цветными колодками на лацкане поношенного пиджака...

Юрка, не понимая, что делает, снова шмыгнул за портьеру. Учитель чуть повернулся и сделал маленький шаг в сторону. Портьера вдруг резко натянулась и сорвала с отштукатуренной кирпичной стены массивный деревянный карниз вместе с шурупами, ввёрнутыми в деревянные пробки. То ли трудовик наступил на тяжёлый бордового цвета занавес, то ли...

Одним концом карниз сильно ударил Лисочкина прямо по голове, после чего другой с ещё большей силой упал на шею Васильича. Центр тяжести на мгновение сместился, ноги трудовика оторвались от паркетного пола, приподнялись... А ещё через мгновение учитель исчез за окном...

Снизу Петьке было видно, как Васильич сначала весь обмяк, потом медленно перевалился через проём и со-

скользнул вниз вдоль стены. Даже не пытаясь ухватиться рукой за бордюр или за ветки берёзы, он упал прямо на камни и больше не шевелился.

Наверное, со страху от увиденного и инстинктивно пытаясь во что бы то ни стало смыться, исчезнуть отсюда, Филя изо всех сил раскачался на ветке, отпустил руки, перескочил на другую, пониже, не смог ухватиться за неё руками, соскользнул на третью, и, в конце концов, сорвался... Высота уже была не такой большой, но всё равно он больно ударился. Прихрамывая и прикрывая ладонью на животе белую рубашку с начинающими проступать бурыми пятнами крови, он подобрался к Васильичу. На мальчишку смотрели широко раскрытые неподвижные глаза, в которых отражался яркий свет из окна третьего этажа. Под головой учителя в разные стороны растекалась тёмная жидкость. Петька дотронулся до этой лужи пальцем и понюхал. Потом поднёс к губам свою мокрую от крови ладонь, тут же вскочил и хотел было уже убежать. Но через секунду передумал. Ему вспомнилось, как кто-то говорил, будто в глазах покойника остаётся образ последнего, кого тот видел при жизни. Поэтому, сидя на корточках возле неподвижного тела, не отдавая себе отчёта, парнишка принялся неистово тереть своей ладонью глаза Васильича. Через некоторое время, то ли успокоившись, что ему удалось стереть доказательства, то ли сообразив, что делает глупость, мальчишка встал, оглянулся вокруг и быстро побрёл в сторону, сильно наклонившись вперёд и припадая на правую ногу.

Потом в окне появился Лисочкин. Он медленно сел на подоконник спиной к учительской, дотронулся рукой до головы, поднял ладонь к лицу и посмотрел на неё. Покачиваясь, он прошёл вдоль стены по бордюру. На нём ещё не растаял тонкий слой льда, и поэтому мальчишка несколько раз соскальзывал одной ногой, но не упал, добрался до дерева и обстоятельно, перебираясь с ветки на ветку, с остановками, спустился на землю. Там, вокруг берёзы, валялись классные журналы, а чуть поодаль, на продолговатых камнях, неудобно вывернув в сторону правую ногу, лежал учи-

тель труда. Его глаза и щёки были измазаны кровью. Лисочкин не стал к нему подходить. Не стал он и собирать журналы, только подобрал пару из тех, что валялись поблизости, ещё раз огляделся и ушёл в темноту.

Наверное, только через час учительскую покинул последний. Внизу он увидел ту же ужасную картину. Ничего не соображая от испуга, он сразу подумал, что надо бы позвать скорую помощь. Но как это сделать? Постоял в нерешительности над телом учителя труда ещё минуты три и, ничего не придумав, направился домой...

Последние капли дождя

Рассказ

1.

Всё черно вокруг и наполнено мерцающими звёздами. Ты один в этом фантастическом мире, растворяешься в нём, можешь дотронуться до звёзд – стоит только протянуть руку... И нет никакого самолёта, есть только ты и музыка. Она звучит в сердце, заставляя вспоминать, мечтать, думать о Вечном... И лишь когда вдруг проваливаешься в воздушную яму, надрывной звук внезапно загудевшего мотора напоминает о реальности. Там, куда падает маленькая «Цесна», будто на фотобумаге начинают проявляться тёмные силуэты горных вершин. Россыпи огней на перевалах и на взгорьях, ещё мгновение назад казавшиеся неподвижными, устремляются навстречу, и ты ясно понимаешь, чувствуешь каждой своей клеткой, что это не звёзды.

Скоро уйдёт ночь, и над утренней туманной дымкой вырастут острые очертания массива Монблан. Здесь каждый разворот и снижение таят в себе опасность. Посадочная полоса короткая, узкая, идёт под наклоном и начинается совсем рядом с отвесной скалой. И чтобы не угодить с размаху в эту гору, нужно всё разглядеть и точно рассчитать. А внизу ничего не видно. Мощные потоки воздуха срывают со склонов снежную пыль, которая плотно покрывает аэродром, блестит, отражая лучи солнца, и колыхается. Шевелится, будто кто-то неведомый забрался под это огромное белое одеяло, только что мирно спал под ним прямо на полосе, а теперь вдруг проснулся и пытается выбраться.

Каждый такой полёт дарит радость. Заснеженные вершины на фоне зелёных лугов, тёмно-синего леса, предгорья и бесконечное голубое небо! Но не только красота снова и снова влечёт тебя в облака. Главное – это контраст между упоением природой и острым ощущением опасности и риска.

Остались позади Альпы с посадкой в Куршевеле, перелёт через Пиренеи, наконец, Малага. Уже сегодня можно расслабиться в каком-нибудь городке поблизости.

В Марбелье зима облачна и скучна, но воздух остаётся тёплым и влажным. Среди рыхлых соцветий белого вереска, не сожжённого летней жарой, тут и там высятся стебли стрелиции. Цветы её, будто сказочные птицы с длинным клювом, вытянули головы с торчащими в разные стороны яркими перьями и тревожно всматриваются вдаль, охраняя тишину курортного городка.

Вдруг начинается дождь, и с гор срывается поток воздуха. Он несётся вниз, пробираясь между высокими белыми зданиями отелей. Набережная вмиг пустеет, исчезают запахи цветов, а люди, только что бесечно прогуливавшиеся вдоль моря, прячутся в защищённые от ветра кафе. Пережидая непогоду, они с интересом наблюдают за струями фонтана. Те неожиданно исчезают, а вместо них в воздухе плывёт огромное облако водяных брызг.

За последний год Антон успел полюбить этот городок и был рад вдруг очнуться здесь вновь после напряжённой недели каждодневных перелётов из Швейцарии в Испанию и обратно. Он шёл по узкой крутой улочке Старого города, и его взгляд то устремлялся на древнее здание Часовни Сантьяго, то безразлично скользил по разноцветным шляпкам, кофточкам и шарфикам, вывешенным возле многочисленных магазинчиков. Зрелые апельсины, только что сорванные ветром, беспорядочно скатывались по узорной плитке вниз, к проспекту, под колёса проезжающих машин. Антон поднимался вверх, навстречу тонким ниточкам ручейков, поблескивающих серебром от света витрин, и опасался лишь одного – поскользнуться, нечаянно наступив на оранжевый плод.

И вдруг что-то заставило Антона остановиться у одного из больших окон. Перед ним была кофейня. Антон почувствовал, что по жилам растекается наслаждение от запаха горьковатого кофе, ванили, миндаля и марципанового теста, от изобилия украшенных кремом сладостей, от пышущих жаром чуррос. Предвкушая праздник черевоугодия, он вошёл в этот кондитерский рай и справа у окна заметил компанию, собравшуюся за большим столом.

Двое мужчин почтенного возраста что-то деловито доказывали друг другу, три молодые женщины с наброшенными на плечи одинаковыми клетчатыми накидками сидели и разговаривали, благодушно улыбаясь. Одна из них что-то проворно поправила в одежде игривого шалуна лет пяти, затем легко взмахнула рукой... Антон узнал бы этот жест из тысячи...

Перед ним была Катя.

2.

Впервые они встретились лет десять назад, в новогоднюю ночь, на даче у общих знакомых. Антон сразу увлёкся Катей и, хотя та пришла со своим ухажёром, каким-то бизнесменом, старался не отходить от неё ни на шаг. Стройная, с правильными тонкими чертами лица и большими светло-кариими глазами, она казалась мечтательной, озорной и беззаботной одновременно. Но не внешняя красота, а что-то необъяснимое притягивало Антона. То ли движение руки, лёгкое, чуть заметное, словно отмахивается от чьей-то излишней назойливости, то ли изредка звучащие низкие нотки в голосе, такие, как у курильщиков или простуженных, неожиданные, с приятной бархатной хрипотцой. Ему нравился её взгляд, искрящийся из-под опущенных ресниц, который одновременно был и игривым, и ласковым, и нескромным.

Гости перезнакомились, несколько раз выпили за Старый год и даже успели потанцевать, но не успели открыть шампанское под бой курантов. Сначала сломалась пробка. Вторая бутылка, тотчас появившаяся в руках хозяина и, видимо, слишком охлаждённая, вообще не хотела откры-

ваться. Тогда, позабыв загадать желания и чокнувшись фужерами с обычным красным вином, компания вдруг разом высыпала из комнаты с камином на крыльцо, украшенное гирляндами из мигающих лампочек. Хозяйева позвали гостей на берег недавно замёрзшего залива полюбоваться на самодельный праздничный фейерверк и ледяной замок, сотворённый местным умельцем.

Весь последний день года лил дождь, подморозило только к вечеру, а в ночь повалил рыхлый снег. Ледяной замок успел подтаять, но от этого стал только красивее, и теперь походил на постройки Гауди. Салют в честь наступившего года никого не удивил. Искры, шум, цветное пламя, взлетели вверх несколько красных и зелёных звёздочек, осветили лёд, потом медленно затухли и, упав в снег, громко зашипели. На этом как будто представление и закончилось. Наплывшие облака закрыли полную луну, и стало темно. Кто-то зажёл и раздал гостям бенгальские огни, потом все зачем-то разбежались искать несгоревшие гильзы от пиропатронов.

Следующий залп из нескольких петард оказался неожиданным и громким. Хозяйские собаки, до этого радостно гонявшиеся за мячиком по заснеженному льду, завяляли хвостами и прильнули к Кате, из всех гостей для защиты выбрав именно её. Они так крутились, толкаясь мордами в её колени, что Катя, потеряв равновесие, оступилась, поскользнулась и упала на мягкий снег. Она вскрикнула, меховая шапка свалилась с её головы, волосы рассыпались вокруг лица. Бенгальский огонь, сея холодные искры, выпал из рук, а собаки, испугавшись ещё больше, поджав хвосты, кинулись домой.

Через мгновение в сумраке кто-то склонился над Катей. Будто играя, она чуть приподнялась и протянула вверх руки. Перед ней был Антон. Пытаясь помочь, он нагнулся ниже, обхватил Катю за талию, поставил её на ноги, но тут же поскользнулся и упал, уронив её на себя. От неожиданности несколько мгновений они лежали неподвижно. Длинные волосы с мягким запахом лаванды приятно касались лица Антона, сверху на него выжидающе смотрели

широко раскрытые глаза с искоркой лукавства. Он слышал глубокое дыхание, всем телом чувствовал влекущую близость Кати и вдруг стал её целовать. Опасаясь, что этот случайный и сладостный миг может закончиться, он быстро целовал её шею, щёки, глаза... И, наконец, его горячие поцелуи встретили отзывчивые губы Кати.

Яркая вспышка от очередного залпа осветила всё вокруг и мгновенно разлучила их. Некоторое время спустя, накричавшись и наохлавшись кто от деланного, кто от искреннего восхищения, компания вернулась в дом продолжать прерванное застолье. До самого отъезда Антон и Катя так друг с другом ни о чём и не поговорили. Следя за ней, за каждым её жестом, каждой улыбкой, Антон искал и не находил какой-нибудь знак, понятный только ему.

3.

Его с детства увлекали спорт, авиаклуб и стремление к риску, ей нравились музыка, пение, гармония семьи и душевное спокойствие. Оба два года назад окончили разные вузы, но у каждого диплом экономиста. Впереди карьера учёного, будущее ясно и предопределено. И вдруг обрыв! Страны не стало. Как в калейдоскопе, всё завертелось вокруг: наука исчезала, бизнес зарождался и тут же рушился, деньги появлялись и пропадали, партнёры предавали, приятели разбегались. Теперь были нужны только доллары, интересовал только успех.

Откуда ни возьмись, появился известный музыкальный продюсер и потянул Катю совсем в другую жизнь: музыка, песни на английском языке, поклонники, приличные деньги от дорогих корпоративных вечеринок, поездки за границу с концертами. Зрители с ума сходили от неё, такой подвижной, гибкой, привлекательной. Всех завораживал её тёплый, густой, низкого тембра голос, чем-то похожий на тот, какой был у Танины Тикарам. Катю слушали, ею любовались, и это доставляло ей удовольствие. Конечно, она понимала, что такая карьера – дело случая, многое зависело от её отношений с продюсером, да и вообще, это же шоу-бизнес – не так посмотришь, и всё кончится!

Антон тоже вдруг почувствовал, что теряет в жизни нечто по-настоящему важное. Спихватился и кинулся в омут поэзии, стал учить французский, а потом, как в вакуум, его засосало небо. Вскоре в автомобильной катастрофе погибли родители, и он остался совсем один. Нужны были деньги, и Антон, как заправский экономист, мастерил добротные бизнес-планы. Некоторые из них успешно реализовывались, и тогда предприниматели одаривали своего спасителя подержанными автомобилями и поездками за рубеж. Из этой манны небесной он скопил кругленькую сумму и отправился по приглашению в Австрию. Там Антона взяли в небольшую авиакомпанию. Взяли, потому что у него имелся сертификат Вильнюсской международной авиашколы, около двухсот часов налёта на одномоторном самолёте, и – самое главное – он был знаком с сыном президента компании.

4.

Катя и Антон жили каждый своей жизнью, часто и подолгу находясь вдали друг от друга. Несмотря на неожиданное странное завершение их первой встречи, была и вторая, а потом и третья... Они старались оберегать себя от тысячи мелочей пресного быта, от всего обременяющего, отвлекающего и рискованного, ради того, чтобы вновь и вновь испытывать сильное чувство, подобное влюблённости с первого взгляда.

Всякий раз, оказавшись в родном городе после нескольких месяцев отсутствия, Антон шёл по утренним полупустым улицам центра, проходил мимо ещё закрытого Кузнечного рынка, любовался недавно восстановленной часовней, где уже горела лампадка, а потом приходил в знакомый двор. В старом доме среди узких окон третьего этажа было два Катиных. Скрываясь за горкой на детской площадке, он долго смотрел на них, тщетно пытаясь увидеть её силуэт. Можно, конечно, подняться и позвонить в дверь! Но Антон не хотел. Катю всегда опекали мужчины из шоу-бизнеса, музыканты, поэты, продюсеры. Он знал это, не раз видел её ухажёров, хотя чувства ревности при этом никогда

не возникало. У него ведь тоже были похожие связи. Поэтому, стоя у Катиного дома, он всегда ждал. Ждал, вдруг погаснет свет в окне, и она выйдет.

Если она одна выходила из подъезда, он прятался и долго шёл за ней следом. Временами то деревья, то какой-нибудь неповоротливый троллейбус скрывали от него её фигуру. Боясь, не исчезла ли она, не свернула ли в переулок, он торопился миновать мучительное препятствие и, снова увидев Катю, останавливался облегченно вздохнуть. Так продолжалось долго, пока ему вдруг не представлялась возможность ловко и незаметно обойти её, а потом, столкнувшись лицом к лицу, изображая занятого человека, как ни в чём не бывало наигранно-растерянно произнести: «Катя!? Ты ли это? Здравствуй...»

Она бросала все дела, и они уезжали на электричке за город, на берег тихо журчащей речки, скрытой кустами черёмухи. Иной раз просто бродили по лесу. Однажды за яркой россыпью полевых цветов им распахнулось огромное жёлто-серое поле. Пробравшись на его середину, Катя и Антон долго-долго лежали там, на тёплой земле. И не существовало в этом мире ничего для Кати, кроме его ласковых рук, а для него – мягких Катиных волос рядом с его лицом.

Потом они молча смотрели в небо, и сквозь облака проглядывала яркая осенняя синева. Её пересекала длинная тонкая белая нить – след от реактивного самолёта. Вдруг эта нить оборвалась, и высоко в небе послышался хлопок... Катя вздрогнула, тревожно взглянула на Антона и крепко сжала его руку... Вокруг них был только сплошной лес из уже пожелтевших пшеничных стеблей, лениво раскачивающихся на лёгком ветру зрелые колосья, да редкие, такие же яркие как небо, васильки... А в небе, сбросив свой привычный белый шлейф, продолжала двигаться блестящая на солнце точка.

5.

Они не виделись почти год. Катя вместе с ансамблем прилетела на рождественскую неделю в Ванкувер. Три дня

на концерты, ещё три на отдых, потом Калгари, Торонто и Монреаль. Антон к тому времени уже полгода летал вдоль Атлантического побережья от Калифорнии до Ванкувера, обслуживал чартеры. И вот ему представилась неделя отдыха в заснеженной Британской Колумбии.

Случайно взглянув на афишу, Антон увидел название российской музыкальной группы и знакомую фамилию. Ни с чем не сравнимые чувства вдруг ожили, наполнили душу, захватили и уже не отпускали. Повинуясь зову сердца, он через весь город пешком направился к зданию Театра Королевы Елизаветы.

Гастроли уже заканчивались, и этот день был последним. Антон проник за сцену, долго бродил между кулисами, складскими помещениями, «карманами» с небрежно разбросанными декорациями, пока не попал в узкий коридор с гримёрками и там, наконец, разыскал Катю. Она сидела на стуле напротив большого зеркала в деревянной узорной раме и лёгкими, только ей присущими движениями руки, будто отмахивалась от кого-то, снимала грим влажными салфетками. На столе, на полу, на диванчике у стены, всюду лежали цветы...

«Катя!? Ты ли это? Здравствуй!» – тихо как пароль произнёс Антон. Она вздрогнула.

А потом была ночь. И эта ночь для них была как первая...

Еле-еле пробивался рассвет. Катя взглянула на Антона. Непослушная прядь на макушке придавала его облику что-то детское, а лицо казалось таким родным, что хотелось погладить закрытые глаза, провести ладонью по небритым щекам, коснуться мускулистых плеч...

Да, она влюбилась в Антона с того самого момента, как впервые увидела его серые глаза, напоминающие осенний дождь. А эти длинные ресницы! Они так щекотно моргали во время их нечаянного поцелуя. Но как же он был робок тогда! Антон, упав на снег рядом с Катей, лежал и чего-то ждал. Всего мгновение, но Кате казалось, что прошла целая вечность. Странно, она потом забыла об этом. Теперь вспомнила. Вспомнила его маленький, почти незаметный

шрам на щеке. Он говорил, что это от удара о разбитое стекло кабины во время неудачной посадки. Катя сразу заметила этот шрам и даже хотела прикоснуться к нему губами... Но фейерверк! С него всё началось... – им и закончилось.

Катя вынырнула из потока воспоминаний, поднялась и, завернувшись в одеяло, подошла к окну. Огромными белыми хлопьями падал густой снег. Ещё горел жёлтый свет уличных фонарей, напоминая про оставшуюся в прошлом бурную ночь. Этот рассвет был каким-то особенным и дарил надежду. Поднявшись на цыпочки, Катя приоткрыла окно и, протянув ладонь, стала ловить снежинки. Ей казалось, что пока они не растаяли, она успеет загадать желание. Но снежинки таяли на её тёплой ладони, и получались капли... «Как же быстро всё уходит!» – вдруг подумала Катя, и слёзы неожиданно покатались из её глаз. Антон проснулся, подошёл, целуя её затылок, попытался заглянуть Кате в лицо, но та отворачивалась – не хотела, чтобы он видел эти слёзы. Тогда Антон взял Катю за плечи, повернул к себе лицом и стал целовать. Его губы нежно снимали с её щёк и ресниц капли слёз. Лёгкое одеяло медленно поползло вниз и соскользнуло, обнажив хрупкое плечо, белую грудь и загорелую бархатную кожу влекущего к себе бедра... Его руки крепко обхватили Катю за талию и он прошептал: «Я всегда буду с тобой...» От тепла этих слов дрожала каждая клеточка её тела, а чтобы этот миг длился вечно, хотелось замереть и не дышать... Даже рай для неё представлялся именно таким, заснеженным, с ещё не погасшей на сумрачном утреннем небе огромной луной – вот так стоять рядом у окна и смотреть на этот снег.

Двое суток они не покидали жилища, которое Антон всегда снимал, прилетая в этот город. Два дня почти ничего не ели, ни о чём не думали, но она мечтала...

И вот наступило последнее утро. Катя первый раз в жизни летела, находясь в кабине самолёта. Ох, как же ей хотелось окунуться в бескрайнюю синь, которая так часто смотрела на её Антона! Потрогать руками его облака, увидеть ближе солнце! Игрушечная «Цесна» плавно уходила в небо. Внизу тоненькими чёрными ниточками на покры-

той снегом земле петляли дороги, мелькали разноцветные, словно кукольные домики.

А небо, небо!.. Его небо, ставшее теперь для неё таким близким и даже родным... Вот воздушная яма – и на секунды бессознательно ускоряется пульс и биение сердца. Страшно? Ничуть! Она знала, что есть что-то большее, чем двигатели и аэродинамические законы. И это большее – её любовь к Антону, к его небу, к его самолёту, к самой жизни. Она понимала, что радость, которую искала в Антоне, не только в нём таится, а дышит вокруг него повсюду, и что их любовь не просто череда случайных встреч...

В то утро Антон впервые почувствовал, что без Кати, без каждого дня рядом с ней не сможет жить. Не сможет как прежде летать, мечтать, чувствовать... Его единственная собственность – бескрайнее небо, о котором он бредил с самого детства, постепенно исчезала, оставляя его наедине с Катей. Он понимал, что их любовь – особенная и хотя она, как пульсирующий родник, то возникает, то исчезает, – она и свежа, как родник.

Сегодня он увидел, как в их счастье вмешиваются какие-то другие силы, уводя их в разные стороны. Для Кати, как думал Антон, карьера артистки – лишь временное устремление, фон, на котором происходят их мимолётные встречи. Его страсть – это дело, которым он занят. Оно приносит деньги, позволяет сохранять привычный образ жизни, путешествовать, любить Катю... Для Антона утрата возможности летать равносильна потере самого себя. Да и семейная жизнь в полной гармонии чувств и душевном спокойствии – совсем не то, к чему он всегда стремился. Но была и ещё одна причина. На ярком фоне его героической профессии её сразу и не заметишь – не умел он делать выбор в сложных жизненных ситуациях. Не в своей каждодневной работе, где есть прямая опасность! А там, где такого риска нет.

Для них обоих каждая встреча становилась праздником. А сегодня она совпала с рождественским фейерверком, который устраивали местные власти. В предвкушении красочного действа люди толпились вдоль берега. Бухту мед-

ленно заполняли катера и яхты. Они подходили сплошным потоком слева по узкому проливчику, будто автомобили по запруженному проспекту. В ночи был виден только красный свет их задних габаритных огней. В небе вокруг баржи, откуда запускали салют, в ожидании представления барражировали лёгкие самолётики.

Вспыхнули первые залпы фейерверка, над гладью моря зазвучала музыка, и её звуки, будто заколдованные, стали проникать в душу Антона, заставляя увидеть одновременно и прошлое, и будущее. Вот шелестит залитое солнцем соломенное поле пшеницы, прорезанное тонкими нитями синих васильков, вот шум листьев черёмухи. Потом эта чудесная музыка проникает ещё глубже, и уже под скрытую полифонию фуги линия одного голоса разделяется на две... Высоко в небе вспыхивают разноцветные шары. Их мерцающие огоньки разлетаются, словно пушинки одуванчиков, вновь соединяются и уже в виде двух огромных, закрученных вселенных под тревожные, пронзительные звуки скрипок устремляются в разные стороны...

На следующий день Катя улетела.

6.

Продолжались гастроли по Канаде. Катя пела, танцевала, меняла города, снова пела и только ночью, когда прекращалось наркотическое действие сцены, одни и те же вопросы начинали её мучить, не позволяя уснуть. Почему они вообще встретились, такие разные? Почему полюбили друг друга? Он в небе – она на земле. Он один, наедине со своими звёздами, она – всегда в гуще зрителей и поклонников. Будто противоположно заряженные частицы притянулись друг к другу, столкнулись случайно, и после уже никакая сила не сможет, казалось, их разлучить. Но куда деть ту грусть, которая исподволь уже накопилась в душе от повторения как будто счастливых и беспечных, а на самом деле, таких безнадёжных встреч? Сможет ли Антон оставить небо? Она всегда мучилась этими сомнениями, когда они расставались, хотела понять, что будет потом, как жить завтра, послезавтра?..

Под конец гастролей ей приснился сон. Будто Антон едет куда-то на машине, а она под проливным дождём, вся промокшая, долго бежит рядом, размахивает руками, стучит в окно... Но вот автомобиль замедлил ход и, уткнувшись в дерево, остановился... Она тоже остановилась... Стекло не опускается, дверь не открывается. В машину не попасть. Никто не выходит... И не разглядеть, кто там, в машине. Она продолжает неподвижно стоять, а в какой-то момент вдруг понимает, что Антона там нет. Погиб, разбился, умер!.. Проснувшись от собственного плача, Катя почувствовала нестерпимую боль от осознания того, что всё кончено, и уже никогда не удастся его увидеть, сказать то, что хотела сказать... Выплеснувшись через край души, боль застлала глаза нестерпимо солёными слезами и долго не проходила... благодарная боль – ведь Антон был в её жизни!

После встречи в Ванкувере прошёл год, потом ещё два и ещё... У неё есть сын, она вышла замуж, бросила пение, переехала в другой город... Всё чаще сложные чувства к Антону замещались ясными мыслями, всё более логичными и убедительными казались давние доводы родителей в пользу совсем другой жизни.

«Многие любят дождь, – говорила про себя Катя. – Он стучит по крыше, и этот приятный, успокаивающий звук исподволь заставляет мечтать, думать о будущем, вспоминать прошлое... Приятно? Наверное, приятно. Но я этого никогда не понимала. В детстве в дождь нельзя гулять, становишься старше – опять неприятности – макияжу урон...» Конечно, Катя отдавала себе отчёт, что дождь питает землю и очищает жизнь. Прошёл он – и, пожалуйста, цветы дальше, пой, танцуй. Но всё время быть под дождём? И если есть за что любить этот дождь, то только за то, что он всё-таки кончается... или превращается в снег.

Так и с Антоном, его тёмно-серые глаза похожи на осенний дождь... Уйти от человека, с которым была счастлива, трудно. Но каждый раз, расставаясь с ним, она чувствовала и всё отчётливее понимала, что может столкнуться с настоящей утратой. А вдруг весь этот хрупкий и счастли-

вый мир однажды треснет и рассыплется? Не будет семьи, своего дома, детей... И тогда никакая сцена не сможет дать ощущение душевного равновесия.

* * *

Увидев Катю в кафе, Антон быстро отвернулся и покинул зал. Давили непривычные, обжигающие сознание мысли. Словно Человек-амфибия, однажды встретив любовь и погрузившись в глубокое, доселе неизвестное, но всё-таки земное чувство, Антон уже не мог так же, как прежде, свободно парить в воздухе, полностью отдаваясь лишь этому волшебному состоянию души. Ему надо было делать выбор, а он не мог, не умел. Или уже сделал свой выбор?

Он шёл по улицам Марбельи навстречу лучам уходящего солнца, вглядываясь в лица прохожих, запоминая их улыбки, жесты, движения. Вокруг текла обычная жизнь, беззаботно гуляли прохожие, обнимались влюблённые пары, дети пускали мыльные пузыри, а потом подпрыгивали, пытаясь поймать эти переливающиеся всеми цветами радуги шары...

7.

Минул ещё год. Катя гуляла с сыном в парке. Становилось всё темнее, и когда они уже уходили, хлынул ливень. Рядом лягнул трамвайный вагон. Спасаясь от непогоды, они вскочили в раскрывшиеся двери и уселись на свободное место. Пожилой, с седой шевелюрой мужчина в пальто и с деревянной тростью, сидел перед ними и читал развёрнутую газету. Катины глаза машинально уткнулись в огромные страницы. Внизу справа где-то под рукой попутчика виднелась чёрно-белая фотография. «Антон! Там его лицо...» – в груди быстро и тяжело застучало, всё вокруг закружилось и стало исчезать за какой-то пеленой, и Катя уже не могла различить, что движется: трамвай или чёрные силуэты людей вокруг, где она и где её сын... Она крепко сжала руку ребёнка, нежно провела ладонью по непослушному хохолку на его макушке и, пряча лицо, отвернулась к окну. Катя обнимала за плечи сына, снова и снова

мысленно возвращаясь в счастливое морозное утро в Ванкувере...

Старый трамвай гремел по улице. Первый снег срывал с веток ещё не опавшие листья. Ветер подхватывал их, они неслись и сбивали мерцающие на стекле последние капли дождя.

Тайны «млатощего Разума»

(Гийом Аполлинер. «Прощание»)

Эссе

Ce qui fait le beauté des choses est invisible.
Saint-Exupery A. de. Le Petit Prince¹

Вчера весь день трепались по-французски. Чтобы не заснуть, почти ничего не ели, пили чай с сушками и болтали. Просто болтали обо всём, что придёт в голову. За два дня вспомнить литературу нескольких веков – всё равно нереально. Зато можно успеть набраться слов, оборотов, целых кусков, пригодных для описания творчества любого прозаика или поэта. Этакая суррогатная филология. «В своих произведениях он безжалостно бичует человеческое лицемерие», «срывает покровы», «пишет яркое полотно, пронзает и т. п. »...

Приятель вырубился первым, под утро заснул и я. В десять нас разбудил телефон. Звонили из школы. Секретарь директора предлагала прийти на экзамен. «Вот тебе раз! Видимо, не готовы те, кто должен был явиться в первую смену. Нам-то к двенадцати... Мы – хорошие!» Решили проявить героизм, вдруг зачтётся.

Мне тогда жутко не повезло с билетом. Все французские поэты девятнадцатого и двадцатого веков. Это человек двадцать, не меньше. Ничего себе вопросик на экзамене по французской литературе! Нет, чтобы какой-нибудь

¹ «...самое прекрасное в них то, чего не увидишь глазами» (Сент-Экзюпери А. де. Маленький принц. Военный лётчик. Планета людей. Письмо генералу Х. / Сост., вст. ст. Б.Л. Губмана, пер. Норы Галь и А. Тетеревниковой. М.: Высшая школа, 1992. С. 79).

роман Бальзака... И почему все поэты в кучу? Должно быть, по сравнению с французской прозой их общий листаж слишком мал. Да мне всё равно! Так и так никого толком не знаю. Вообще тогда не любил стихи. Лучше уж проза! Бальзак, Флобер, Стендаль, на худой конец Гюго... Но чтобы Рембо, Верлен, Элюар, Арагон, Превьер... Символисты, постсимволисты, экзистенциалисты, сюрреалисты, поэтические реалисты... Боже упаси от такой напасти! Наизусть вообще старался ничего не учить. Если уж очень требовалось, то ладно: «Жизнь даётся человеку один раз, и прожить её нужно так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...», «Погиб поэт, невольник чести...», монолог Сида у Пьера Корнеля или из Бомарше речь Фигаро на суде... Остальное забыл. Да, ещё недавно Аполлинера достал и выучил два стихотворения.

Как быть? Нужно ведь что-то говорить. Вспомнил, как в старших классах на уроках русской литературы учительница с материнской нежностью относилась к переживаниям юношей, вечно краснеющих из-за переизбытка гормонов или от отвергнутой любви к однокласснице. Бывало, вызовет к доске – иду, как на казнь, но уверенно, твёрдой походкой, с гордо поднятой головой. Пройду полпути, остановлюсь, голову опущу, покраснею, рукой махну... Мол, всё равно не поймёте! И такое обилие чувств тотчас проявлялось на моём лице! Учительница проникалась жалостью и тихонечко, чтобы никто не услышал, произносила: «Садись дорогой, в следующий раз расскажешь...» Правильные учителя были. Ранимую юношескую душу оберегали. А вдруг у меня чувства? Вдруг первая любовь?

Короче. Назвал я кого помнил, фамилий пять-шесть французских гениев и не знаю, долго ли говорить ерунду про каждого. Быстро почувют неладное. Следует попробовать их чем-то скрепить. Произнёс скороговоркой заранее заготовленные умные фразы, они ведь для всех годятся. У экзаменаторов – а это были наши учительницы французского языка – уже сформировалось устойчивое ощущение, что парень вопрос знает, говорит чётко, с пониманием сути...

Вдруг голос юноши сорвался – это все должны были заметить – и полилась музыка...

*Sous le pont Mirabeau coule la Seine
Et nos amours
Faut-il qu'il m'en souvienn
La joie venait toujours après la peine
Vienne la nuit sonne l'heure
Les jours s'en vont je demeure...
Passent les jours et passent les semaines
Ni temps passé
Ni les amours reviennent
Sous le pont Mirabeau coule la Seine.*¹

(Под мостом Мирабо тихо Сена течёт. / И уносит нашу любовь... / Я должен помнить: печаль пройдёт / И снова радость придёт / И ночь приближается, пробил час / Я остался, а день угас / ...Проходят сутки, недели, года... / Они не вернуться назад. / И любовь не вернётся... Течёт вода / Под мостом Мирабо всегда...)².

В школе Аполлинера не давали. Первая книжка переводов его стихов появилась в «Доме книги» на Невском всего за несколько месяцев до экзаменов. Его и во Франции-то вспомнили лишь в конце сороковых, через тридцать лет после смерти. Кстати, тогда же реабилитировали и стихи Бодлера, осуждённые ещё при правлении Луи Бонапарта. После войны, видимо, что-то пробудилось в сознании и в сердцах чувствительных к лирике. Как же иначе? После Франсуа Вийона прошло полтысячи лет, а во Франции лишь немногие могли творить песни с таким же лирическим зарядом.

А нам, третьему выпуску первой в Ленинграде французской школы, как ни покажется странным в год юбилея Октябрьской революции, было интересно всё, что запрещено, не разжёвано и в рот не положено, то, что невидимо

¹ Здесь и далее: *Apollinaire, Guillaume*. Alcools. Suivi de Le Bestiaire. Paris: Édition Gallimard, 1987. P. 61.

² Здесь и далее: *Аполлинер Г.* Стихи / Пер. М.П. Кудинова. М.: Наука, 1967. С. 58.

или забыто! «Оттепель» или просто возраст такой... Мы прогуливали математику и, забравшись на чердак школы, зачитывались Бальзаком и Флобером, восхищались успехами молодого Растиньяка и уловками мадам Бовари, говорили исключительно учтивыми фразами из Дюма и заучивали наизусть полюбившиеся монологи Сида и Фигаро. Порою, не зная точного перевода, кожей чувствовали текст Корнеля и Бомарше. Даже перед самыми экзаменами мы, как ошалелые, по нескольку раз смотрели «Шербурские зонтики» с Катрин Денёв и ленту «Искатели приключений» с Аленом Делоном и Лино Вентурой, зачем-то читали Бодлеровские «Цветы зла» и только что появившиеся «Алкоголи» Аполлинера... И уж совсем напрасно тратили время на «Поэтику» Аристотеля, «Принципы и начала» Бэкона с его материей, которая кому-то там «улыбается своим поэтически-чувственным блеском...»¹.

Внезапные печальные аккорды, вырвавшиеся из глубин юной души, учителей растрогали. Нехитрые слова и простые образы, воспроизведённые юношеским баритоном в захватывающем ритме, проникали прямо в сердце, создавая завораживающее лирическое настроение. Я читал не «с выражением», как принято, а с чувством. При этом старался выказать его во всей полноте. Будто это моя любовь утекает под мостом. Словно это «я остался, а день угас...». И так мне стало муторно от этого «тягучего сиротства»², что я махнул рукой, умолк и отвернулся к окну...

Помню, тишина в классе была жуткая. Пожалуй, с минуту. Даже муху услышал, как она бьётся о стекло...

В другой раз Аполлинер пришёл мне на помощь лет через пять, на последнем курсе универа. Осень. Общежитие. Танцы. Девушка... Раз танцуем, два, три... Не останавливаясь, медленно передвигаемся, что-то шепчем друг другу, и никого вокруг для нас нет... Как ударило что-то! Дай, думаю,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политическая литература, 1955–1974. Т. 2. С. 143.

² «Вспоминаешь ли ты о тягучем сиротстве вокзалов?..» (Аполлинер Г. Путешественник // Аполлинер Г. Стихи / Пер. М.П. Кудинова. М.: Наука. 1967. С. 51).

стих прочту. «Прощание» Аполлинера. Во-первых, знаю. Уже редкость! Во-вторых, хочется блеснуть. Чем чёрт не шутит, вдруг удивлю? Или это делать несвоевременно? «Несвоевременность – вечная драма, где есть он и она...»¹

Оказалось: всё вовремя! Через год женились...

С тех пор это маленькое творение для меня не просто музыка. Судьба!

*J'ai cueilli ce brin de bruyère
L'automne est morte souviens-t'en
Nous ne nous verrons plus sur terre
Odeur du temps Brin de bruyère
Et souviens-toi que je t'attends
Apolliner G. L'adieu*

Не могу спокойно читать переводы Аполлинера...

Есть прекрасные строки у московского поэта-переводчика Михаила Кудинова. Его «Прощание», на мой взгляд, самое лиричное и самое пронзительное. Прелестна рифма: «осень мертва» – «шуршит трава». А какая смелая замена! У Аполлинера (*подстрочный* перевод): «*Запах времени – стебель вереска*». В оригинале, конечно, никакого тире нет. У Кудинова – «Аромат увядания. Осень мертва». Тоже без тире. Через точку! Поставить тире – сузить рамки художественного полотна. И нет никаких «помни», «не забудь». Зачем? Ведь вторая строка – «*на земле – ты должна понять...*» – уже об этом сказала.

Всё-таки что-то гнетёт и гложет. Остаётся какая-то тяжесть. Действительно, зачем дважды в переводе звучит слово «встреча»? В оригинале его нет. Там – «увидимся». Это же разные слова! «Встретиться» – значит оказаться рядом. «Увидеть» – воспринять зрительно глазами. Более того, у автора «увидимся» связано с местом (*sur terre – на земле*). «*Nous ne nous verrons (увидимся) plus sur terre...*» По-моему, совсем не случайное дополнение. Немного странные слова: «*На земле – ты должна понять* мы не встретимся больше...» придают сюжету совсем иную окраску. Сразу хочется спро-

¹ Тальков И. Летний дождь // Аудио-альбом «Моя любовь». 1993.

силь: «Может, где-то всё-таки встретятся, пусть не на земле, пусть на Пер-Лашез, пусть через тридцать восемь лет?..»¹ Ведь можно встретиться, не *увидев* друг друга! Кроме того, теперь получается, будто это Аполлинер кого-то не любит. Мол, наступила осень, и его любовь прошла... Автор перевода чуть ли не убеждает возлюбленную поэта, что они больше никогда не встретятся. Согласитесь, нарушается логика. Зачем же он тогда будет ждать встречи?

Вернее всего в словах: «Ты должна понять» – скрывается последний аргумент любящего мужчины. Словно он не убеждает, а упрощает: «Пойми, мы же теперь не встретимся! Да, ты меня не любишь, но ведь из-за этого мы больше никогда не встретимся... Разве ты не понимаешь, как это ужасно? Ты *должна* это понять!»

Тем не менее, Михаилу Кудинову удалось сохранить и мелодию стиха, и его ритм. Осталась и загадка автора. К кому он обращается?

*Срываю вереск. Осень мертва.
На земле – ты должна понять
Мы не встретимся больше. Шушит трава
Аромат увядания. Осень мертва.
Но встречи я буду ждать.*

(Аполлинер Г. Прощание.

Пер. М. Кудинова)

Так с кем же говорит Гийом Аполлинер?

Одни полагают, что «Прощание», изданное в апреле 1913-го, словно эхо, пролетевшее сквозь десятилетие, вновь, как и стихотворение «Ключ» 1903 года, обращено к памяти великого Виктора Гюго... А «ветка вереска» и в том, и в другом произведении поэта – ожидание бытия после смерти, некий символ вечности².

¹ Гийом Аполлинер похоронен на кладбище Пер-Лашез в 1918 году, Мари Лорансен – там же в 1956-м.

² Laster A. «L'Adieu» d'Apollinaire: un hommage à Victor Hugo? // Que Vlo-Ve? Bulletin international des études sur Apollinaire. 1984. Série 2. № 10. Avril–juin. P. 11–16.

Кто-то увидит в строках «Прощания» первую поэтическую любовь поэта к Марии Дюбуа, они расстались осенью 1899-го. Другие вспомнят томную и тихую красавицу, шестнадцатилетнюю Линду Молина да Сильва. Тогда, в конце лета 1901-го года, чувства Аполлинера вновь станут безответными. Третьи подумают о его большой и трагической любви к англичанке Анни Плейден. Она ехала в Америку в 1905 году. И тоже осенью...

А представьте: Он – Гийом Аполлинер, Она – художница Мари Лорансен. Осень. Вереск. Это вечнозелёное очаровательное растение долго сохраняет своё цветение, а его оттенки так напоминают акварели Мари!.. В 1907-м их познакомил Пикассо, и последние пять лет они безумно любили друг друга. Как вдруг! «Мы больше не увидимся на земле» (подстрочный перевод)... Почему? Любовь Аполлинера снова безответная или оба любят друг друга, но существует непреодолимая преграда? Увы! И эта возлюбленная покидает поэта. А через год, за несколько дней до начала войны, она выйдет замуж за немецкого барона...

И всё-таки разгадка кроется в другом, вовсе не в расставании Аполлинера с его возлюбленными Мари или Линдой, Анни или Марей... Острота личных переживаний поэта уже достаточно выразительно была излита в стихотворениях «Мост Мирабо» и «Мария». В «Путешественнике» он сообщает своим стихам уже совсем эпический размах, представляя личную драму лишь как одно звено в цепи неотвратимых изменений. «О, *откройте мне дверь, я стучусь в неё плача.* / *Словно воды Эврипа¹, изменчива жизнь...*»

Думается, и в коротком «Прощании» всё не так очевидно. Память о великом писателе, любовь, расставание... Где же ключ к шифру? И вот здесь вновь вернёмся к аполлинеровскому «помни». В оригинале стиха дважды звучит не «должна», а именно «помни». Во второй строке: *L'automne est morte souviens-t'en*. И в конце: *Et souviens-toi que je t'attends*. Осень мертва – *помни!* Я тебя жду – *помни!* Это дважды повторяю-

¹ Эврип – образ из полумифологической географии – коварный пролив, где семь раз в день меняется течение.

щееся слово в зарифмованных строках разрывает привычную простоту восприятия. Ах уж это нехорошее слово «должна»! Ведь оно может быть обращено только к человеку...

Читаешь оригинал, слышишь мелодию стиха, и кажется, что автор говорит вовсе не с человеком, не с разлюбившей его женщиной... Нет же в стихотворении ни единого слова про любовь, тоску, печаль, расставание... Но с кем тогда? А может, с чем? С изменчивой осенью, с запахом времени, с ароматом увядания?.. В 1913-м году источник аполлинеровской печали – уже вовсе не отвергнутая любовь и не воспоминания об ушедшем писателе. Для него это быстротечная река жизни: поток невосполнимых утрат, преходящих радостей, остывших страстей...

Помните аполлинеровские строки, которые незадачливый ученик прочитал на выпускном экзамене? *«Проходят сутки, недели, года... / Они не вернуться назад. / И любовь не вернётся... Течёт вода / Под мостом Мирабо всегда...»*

Вот также уходящий день, каждый его закат неслышно ложится на землю, неся с собой «хоть минутную – всё же, утрату»¹. Иной раз хочется остановить время и насладиться иллюзией ещё не развеянных мечтаний! Но *«...не придумано аркана, / Чтоб удержат мгновений бег. / К чему ж крушиться постоянно: / „Где ныне прошлогодний снег“»*². Красота живёт мгновенье! Увы, таков закон судьбы! Аполлинер это чувствует, понимает и поднимается над событиями личной жизни. Скорбь разлук и восторг свиданий он превращает в яркий поэтический образ – «запах времени» – поток бытия и придаёт ему неповторимый колорит, глубину и драматизм. Читаешь его строки и слышишь шелест сухой травы, вдыхаешь осенний аромат увядания, кожей пальцев ощущаешь хрупкий стебель вереска, сердцем чувствуешь утраченную любовь...

¹ «Там, над лесом – чуть лучики дышат, / Израстая в прожилках заката, / И ложится на землю неслышно / Хоть минутная – всё же, утрата» (Игнатьева Е.Ю. В начале века: Книга стихов // Вечереет. Прохладой унылой... СПб.: Петербук, 2014. С. 41).

² Вийон Ф. Баллада о дамах былых веков // Вийон Ф. Сочинения / Пер. Ю.Б. Корнеева. СПб.: Искусство–СПб, 1996. С. 98.

Теперь становятся понятными и другие слова: «Nous ne nous verrons plus sur terre» (подстрочный перевод: «*на земле мы не увидимся больше*»). Поэт говорит... с веткой вереска – запахом времени! Пройдёт год. Он всё унесёт с собой, и плохое, и хорошее. На месте сорванного стебля появятся новые побеги, и жизнь вновь расцветёт красками густых соцветий – лилово-розовых, пурпурных, белых, золотистых... Из прекрасного явления природы цветок превращается в символ, соединивший и идею, и образ. А пока... Пока эта надорванная ветка будет будить воспоминания об ушедшей любви и о давно утраченных грёзах. Ведь её нежные цветы так долго не увядают! Но рано или поздно опадут и они, напоминая о бренности жизни, о быстротечности чувства, о вечном движении от одного мига к другому.

Не могу не вспомнить два других перевода строчек аполлинеровского «Прощания». Автор первого – Александр Побожев.

*Я вереска сорвал побег
Вздохнула осень умирая
Для нас с тобой земной прервался век
Как запах времени тот вереска побег
И помни, что я встречи ожидаю.*

Пер. А. Побожева¹

Тут тоже льётся мелодия. Но, увы! По-моему, не так, как у Аполлинера. Неудачно зарифмовано «умирая» – «ожидая» и всё как-то слишком плавно. Чего стоит одно деепричастие «умирая»! Хотя «*Земной прервался век...*» здесь красивее и философичнее, чем у Кудинова: «*На земле мы не встретимся больше...*»

Автор другого перевода – петербургский детский поэт и переводчик Михаил Яснов:

*Я сломил эту ветку вереска
Видишь осень мертва опять
Нам уже никогда не встретиться*

¹ Аполлинер Г. Прощание. Алкоголи 1913 / Пер. А. Побожев (Электронный ресурс: <http://www.stihi.ru/2011/11/25/283>. Дата обращения: 14.12.2016 г.).

*Запах времени ветка вереска
Только помни что буду ждать*
Пер. М. Яснова¹

Сразу замечу, что в оригинале тоже нет знаков препинания, но там нет и ни одной связки: «Только помни...» «*Видишь* осень мертва опять». Думаю, прикасаясь к «Прощанию» Аполлинера, не надлежит пользоваться деепричастиями, связующими элементами речи, указывающими на последовательность слов, на интервалы во времени, на причинно-следственную зависимость... Никакие ухищрения подобного рода не восполнят потерю неповторимой аполлинеровской мелодии, утраченной из-за механистического подражания автору, осознанно исключившего пунктуацию. Они не расшифруют его идею, не прояснят ассоциированность разветвлений, по которым движется мысль. Напротив, могут лишь всё запутать.

Именно с этим случайно оброненным словцом-обращением «*видишь*» передо мной во весь рост встаёт кто-то ещё. Согласитесь, его появление ломает ритм. Всего-то пять строк! Любой лишний тон, полутон, даже сонант разрушают хрупкую конструкцию стиха, гасят накопленный в нём накал страсти. После того, как прозвучало это «*видишь*», появление слова «*опять*» и вовсе уводит читателя в Неизвестное. Оно заставляет представить невообразимое. Мол, это не осень каждый год, обрушиваясь на судьбы людей, опять и опять уносит с собой их мечты, устремления, печали... Совсем нет! Просто есть два человека: Он и Она. И над ними всесильный рок! Каждую осень, *увидев* сорванную ветку вереска, они расстаются, а потом, через год *опять* встречаются... «*Встречаются*», но не «*видят*» друг друга. Что за напасть – это слово «встреча»! Оно же во всех трёх переводах!

Поэзия коротких строк Аполлинера поддерживается не связующими элементами речи, не рифмой и даже не рит-

¹ Яснов М. Амбидекстр. Стихи. Переводы. СПб.: Вита Нова, 2010. С. 187. (Пунктуация сохранена по изданию.)

мом, не расставленными по правилам знаками препинания. Они в хрупком единении эмоциональной насыщенности, выразительного построения и, что особенно важно, – ассоциативной образности. Именно в ней зашифрованы воспоминания автора о пережитом. Эти строки лучше постигать сердцем, как музыку, сколь возможно отождествляясь с личностью поэта. Так, как это делал популярный французский поэт и композитор Лео Ферре. И ещё! Тысячу раз прав был Экзюпери, когда говорил: *«самое прекрасное... то, чего не увидишь глазами»*. Несомненно, в красоте «Прощания» Аполлинера тоже есть своя тайна, невидимая читателю. Он может лишь смутно угадывать её в звучании завораживающего ритма обрубленных строк. А их аскетическая оголённость бьёт наотмашь, не оставляя времени на поиск ключа.

Справедливости ради скажу, что негативные сентенции относительно рока, наверное, возникают только в моём воображении. А слова «видишь» и «опять», вызвавшие вначале отторжение из-за их несоответствия стилю автора, может быть, потребовались переводчику лишь для рифмы?

Не могу спокойно читать переводы Аполлинера...

Ревностно отношусь к любому новшеству, к каждому слову, к каждой запятой переводчика, замахнувшегося на творчество любимого поэта. В его поэзии мне слышны отголоски средневековой лирики Вийона, мотивы Парижских картин Бодлера и меланхолические нотки «чудовища одарённости»¹ Рембо. Другой читатель найдёт в строках Аполлинера свою красоту, свою тайну. И в этом величие настоящего художника.

Чтобы обновить вдохновение, сделать более свежим и живым, Аполлинер открывает новые пути и в своём творчестве обращается к изменчивой красоте и непостоянству природы. Мимолётные впечатления, исчезающие переживания... Рано или поздно всё, что мы пытаемся удержать и

¹ «Чудовище одарённости» – слова Б. Пастернака о поэте Рембо в сборнике: *Пастернак Б. Я понял жизни цель*. М.: Эксмо-Пресс, 2001.

сохранить, утекает сквозь пальцы. Именно эта хрупкость делает нашу жизнь такой красивой. В мире замечательно именно непостоянство. Но там, где воцаряется хаос, умирает искусство. Хаос стирает все границы, отделяющие малое от большого, частное от общего, и воцаряется связь и равновеликость всего сущего... Нужен хоть какой-то порядок! Конечно, «порядок создается жизнью, но сам он жизни не создает»¹...

Я попытался лишь чуть-чуть прикоснуться к пониманию короткого стихотворения и увидел, как опасен в искусстве «бросок в Неизвестность». Чтобы разрешить затянувшуюся распрю между традицией и «обновлённым вдохновением», Гийом Аполлинер пробовал, искал и «наяву и во сне» ждал восхода «пылающего Разума»².

¹ «La vie crée l'ordre, mais l'ordre ne crée pas la vie» (*Saint-Exupéry A. de. Lettre à un otage // Saint-Exupéry A. de. Œuvres. Moscou: Édition du progrès, 1967. P. 345*).

² «Солнце! Разум пылающий всходит. И я в нетерпенье жду его наяву и во сне...» (*Аполлинер Г. Рыжекудрая красавица // Аполлинер Г. Стихи / Пер. М.П. Кудинова. М.: Наука, 1967. С. 147*).

Зеркало Любви

(Шарль Бодлер. Муки творчества)

Рассказ

Потёмки творческого кризиса, закат чувств, сумерки привычек... Каверзы воображения, тупики и непрерывный поток поэтических ассоциаций. Бессильные поиски просвета, тьма воспоминаний, утренний ливень отчаяния, откровений и откровенности...

*Благословенная истома,
Журчанье вод и шум ветвей –
Как эта горечь мне знакома:
Вот зеркало любви моей!*
Шарль Бодлер. Фонтан
(перевод М. Яснова)

Тайну рождения стихов я храню в себе. Никто не видел меня за работой. Если в полном одиночестве я и единоборствую с ангелом Господним, то ни одна живая душа не ведает о моих страданиях. Бальзак за одну ночь, ненасытно расходуя кофе и чернила, может родить добрую треть очередного романа. Придирчивый и брюзгливый Флобер утром подолгу гоняет на велосипеде только для того, чтобы безукоризненно прокричать во всё горло написанные этой ночью несколько строк из «Мадам Бовари». Все это знали, верили, бурно обсуждали.

Мои муки творчества – полностью мои! Я, словно беременная женщина, месяцами вынашиваю идею короткого стиха. Эти муки – ад и, в то же время, необыкновенная услада! Потому что, в конце концов, – я знаю – обязательно

мысль оформится в слова, они превращаются в изумительную мелодию, душе становится легко, и ты уже плывёшь по течению. Эта завораживающая музыка, будто пение сирен, сама влечёт тебя, постепенно затягивая в светлый безбрежный океан счастья художника. Ты окунаешься в него с головой и уже не чувствуешь ни времени, ни голода, ни жажды. Только там, в его глубинах, ты сможешь разглядеть едва различимые контуры того, что так неистово искал. Такое возможно при карнавальной состоянии души, когда свежесть возникшего чувства не успевает поблекнуть под гнётом вездесущего рассудка.

Однако перед этим приходится страдать. Страдать непрерывно, во сне и наяву. Искать, не находить, рыдать от творческого бессилия, снова искать, спорить с самим собой, с деревом, камнем, цветком... И не дай Бог довериться какому-нибудь приятелю, плохо, если это писатель, поэт или музыкант. Хрупкое строение тотчас рухнет и испарится от неосторожного прикосновения чужого взгляда, пусть это даже яркая личность.

Потом размытые контуры строения начнут воплощаться в слова, в рифму, в ритм – в ту самую музыку, которая только что была внутри и заполняла твоё сердце. Какое же счастье знать, что чудные твои строки послушны порывам души, извивам желаний, содроганиям совести!

Честное слово, на это не жалко потратить жизнь! Можно и нужно забыть это счастье, радость от созданного тобой. И опять искать, искать... Закутавшись в макинтош, под нескончаемым дождём, я зачем-то неделями брожу по отвратительным переулкам. Камни мостовой блестят, отражая и удлинняя тусклые огни города. Мысли не рождаются. Они вдруг взлетают, как чёрная тень случайного прохожего, попавшего под свет редкого фонаря, и тотчас исчезают. Исчезают тоже, как тень, быстро скользя по стене и перегибаясь на выступах... Я пробираюсь по лабиринту этих мрачных, сырых и грязных улиц с кривыми, прогнившими домами, в которых вдруг на каком-нибудь окошке блеснёт озаривший моё воображение цветок или головка девушки... Могу ночи напролёт просиживать в кабаках, чтобы

услышать и ухватить однажды произнесённое подвыпившим матросом то единственное, сочное и самое необходимое для меня слово.

А сколько я прожил вот так, не написав ни строчки! Если эта борьба с самим собой затягивалась, то мозг начинал воспаляться, и являлся невроз с его капризами, с его бессонницей, терзаниями и болезненными прихотями. От одного только осознания этого факта меня бросало в жар. Я подходил к кувшину, чтобы остудить лицо холодной водой, и потом долго смотрел в зеркало, продолжавшее мутнеть от ещё излучаемого мною тепла...

В этот чудесный миг моя очаровательная рыжая кошка Алиса кроткими бархатными шагами подкрадывалась, тёрлась о мою ногу, потом мягко запрыгивала на стол и усаживалась подле рукописей в невозмутимой позе сфинкса. Она думала вместе со мной и смотрела на меня из глубины своих зрачков с золотистыми крапинками с какой-то разумной нежностью и таинственной пронизательностью.

Выражая себя в слове, я всегда обращаюсь к кому-то, к какому-то слушателю. Иногда это некий мистический собеседник, ещё не явившийся друг или редкая возлюбленная... Иногда – моя Алиса. Она с удивительным терпением ждёт, чтобы я окончил свою работу, и, как женщина, стонущая на ложе любви, всё время испускает пленительное ритмичное мурлыканье. Невольно сравниваю себя с ней. Такой же чувственный, полный силы при нежной гибкости, с таким же взглядом, свободным, колдовским, который порою трудно выдержать... Однако чаще всего этот слушатель – я сам. И вот здесь тот единственный случай, когда я достигаю истинного раздвоения своей личности.

Не знаю, почему именно в данный момент делаю то или иное, почему пишу именно об этом. Такая потребность! Потребность творить – искать, угадывать, находить и выражать себя в этом. Убеждён – в жизни нет ничего, что было бы более господствующим, бесцельным и неоправданным! Но это моя Любовь! Моя Правда мира, Истина, выраженная красотой. Она не может быть объяснена словами. Но когда кто-то оказывается рядом, он обязательно ощутит её

присутствие. Хотя бы по лёгкому ознобу, пробежавшему по коже...

Уже несколько месяцев я снимаю комнату на этой древней улице, короткой и самой узкой в Латинском квартале. Моё жилище на втором этаже, и к нему ведёт крутая лестница, вечно скрипящая под ногами. Мебель старая и нескладная, грязный пол, узкие окна во двор, и поэтому здесь всегда полумрак. Я сижу в кресле у зеркала и, долго вороша кочергой угли, не отрываю взгляд от слабо тлеющего огня в камине. Ни единой мысли! Мелькнула какая-то, зашевелилась, с трудом создавая очертание идеи, но безуспешно.

Подложил пару поленьев. Их жадно поглотили языки пламени. Дрова приятно потрескивают. Тонкой щепкой, от которой потянулась чёрная струйка дыма, зажжёт бронзовую настольную лампу, и горящее масло буковых орешков наполнило комнату своим терпким запахом. Он придавал чудесный аромат белому облаку, висящему над нагретой чашкой моего свежего «чая»...

Который раз я вновь и вновь возвращаюсь к своим «Осуждённым стихам»!¹ Я просто написал поэтические строки, смастерил зеркало, наподобие того, что стоит напротив меня. Оно отразило наше жуткое время и... неминуемо вызвало неприятие. Знаю, что поддавшись соблазну дьявола, постигая и раскрывая прекрасное в безобразном, я не обрету ни счастья, ни покоя. Всё, что есть прекрасного в этой жизни, либо аморально, либо незаконно, либо приводит к болезням... Стихи гулко звучат в голове, сталкиваются, наслаиваются один на другой, создавая яркие, пугающие, но и влекущие к себе новые образы... Внешние предметы искажаются. Они являются мне в неведомых формах, затем постепенно теряют эти формы и, наконец, проникают в моё существо. Реальность и фантастика становятся неотличимыми...

¹ «Осужденные стихи». Здесь стихи Ш. Бодлера: «Украшенья», «Лета», «Слишком весёлой», «Лесбос», «Проклятые женщины» и «Метаморфозы вампира», запрещённые к изданию в 1857 году решением исправительного суда департамента Сена в Париже (отменено в 1947 году).

Стоящее рядом зеркало покрыто пылью и кажется матовым. Контуры лица видятся в нём нечёткими, цветовые переходы размыты, как на торопливом эскизе акварелью, вместо живых искрящихся глаз – светло-коричневые пятна с заметной синевой под веками, волосы выкрашены в зелёный цвет, куртка тоже зелёная, светло-бежевые панталоны, на груди огромный шёлковый бант. Я люблюсь своим отражением и, как на исповеди, доверяю ему самое сокровенное...

* * *

Закутанный в халат, я сижу в своём кресле и пожираю глазами всё, что вижу.

Кто-то обнял её. Она вскрикнула. Их губы жадно глотают воздух в поисках долгого поцелуя, слова становятся бесвязными, бесстыдными, грубыми и вскоре вообще понятными только им двоим звуками. Тонкие белые руки, на миг показавшиеся мне огромными, с тигриной ловкостью нырнули куда-то вниз, медленно заскользили вверх по тугим бёдрам и, поднимая лёгкий шёлк платья и нижней юбки, обнажили чулки и батистовые панталоны с кружевами. Спустя мгновение кружевное бельё вдруг скомкалось, превратилось в бесформенную белую ткань и быстро скользнуло вниз, на пол, обнажив вожделенные красоты. Как возбуждает контраст тёмных чулок и подвязок с белой кожей! Как влечёт к себе лебединым изгибом ненаглядный сад! Всё это великолепие трудно разглядеть при тусклом свете угасающего камина, я лишь угадываю чарующие линии. Неровными складками прикрывающая порой наготу ткань платья мешает, раздражает...

Шквал эмоций тотчас обрушивается на меня, захватывает и не отпускает, раскручивая неужённое воображение... Моё убежище вдруг ожило и преобразилось. Старое грязное кресло вмиг превратилось в роскошную кровать. Пыльный, неподвижный воздух светится теперь едва уловимыми тонами и источает свежие цветочные запахи. Звуки, словно цвета радуги, окрасили всё вокруг, краски вдруг зазвучали чарующей музыкой...

Тело женщины сжалось подобно тому как тысячи нервных клеток разбегаются и через мгновение соединяются, чтобы принять новый удар... Я вижу его, смотрю с торжеством, как хищник любит добычей. Всей грудью вдыхаю аромат желаний, вбираю в себя её тело. Разглядывая извивающуюся в экстазе женщину, я сливаюсь с ней, скольжу бесшумно, как змея, и уже не могу различить, кто это изнывает от сладострастия, чьи ноги переплелись на ложе любви?..

Постепенно всё расплывается перед моими глазами и куда-то исчезает... Наступает миг просветления. Узоры теней на потолке комнаты, украшенные седой паутиной, вдруг начинают жить особой жизнью... Связь между понятиями сделалась настолько неуловимой, что я не понимаю сам себя... Мною овладела нелепая и непобедимая смешливость. Как будто я в детстве с родителями выехал в пригород Парижа, забрёл в старый сарай и ради забавы валяюсь на копнах сладко пахнувшей, только что скошенной люцерны. А в светлом проёме распахнутых дверей яркосинее небо, зелёная трава и... маленькая девочка. Она улыбается, танцует и зовёт меня... Я потянулся за ней...

Небо и трава вдруг пропадают. Девочка... Вместо неё передо мной та самая женщина... Я понимаю, что она чувствует мой взгляд, ощущает присутствие третьего человека. И мне это нравится. В сумраке обычной комнаты я, будто в эротическом сне мрачного фантаста и символиста Босха, уединился с двумя грешниками под стеклянным колоколом на озере Похоти и создаю поражающее воображение мир эфемерных желаний и чувственных удовольствий.

Я слышу, я угадываю, как всеми клетками кожи женщина осязает мелкую дрожь тела этого невидимого, но желанного человека. Желанного? Да, желанного! Оттого, что он видит, а она – нет, оттого, что он вместо неё созерцает таинство любви, и его флюиды, пронзая воздух комнаты, уже спёртый и тяжёлый от запахов пота и горелого масла, мгновенно подчиняют себе её воображение. Их гипнотические силы наотмашь бьют по обнажённым чувствам... На самом же деле эти флюиды лишь эхо той сладостной боли, которая только что вспыхнула и теперь не утихает в теле неви-

димого созерцателя... Он совсем рядом. Его прерывистое горячее дыхание обжигает её лицо. Этот острый, дрожащий от экстаза подбородок, мокрые пряди волос, нависшие над горящими глазами, эти капли пота на лбу... Они падают! Падают на её грудь, живот, бёдра, всякий раз заставляя тело вздрагивать и напрягаться...

До сих пор она чувствовала только запах тела, прикосновение пальцев, солёный привкус потных рук, завораживающие вздохи и шёпот дыхания... Теперь она видит! Воображает, будто видит! Видит его глазами... И кажется, что весь этот новый мир, проступающий сквозь пелену её прошлых ощущений, предстаёт перед ней во всём своём поэтическом чувственном блеске!

Меня опьяняло то, что своим созерцанием я дарю ей полноту счастья! Меня дразнило то, что видя все подробности сокрытого от неё и посторонних глаз чудесного действия, я не могу... Да, я не могу ничего! Даже прикоснуться. Но я же вижу! Я вижу, как она видит, что и как вижу! И, если она не может отвести зачарованных глаз от моего лица... Этого достаточно! Самые сильные впечатления рождает воображение, а вовсе не реальные события!

Женщина ясно понимает: наступит миг, и скрывающийся во тьме, кто бы он ни был, пока лишь прикоснувшийся к чужому наслаждению, неотвратимо и без остатка растворится в блаженстве их волшебной ночи...

Наблюдая за ней, я почти не думал о себе. Так ни разу и не прикоснувшись к женщине, я вдруг начинаю чувствовать своими губами ресницы её зазывных глаз, бархатную кожу колышущейся груди, трепетное влажное дыхание. Оно щекочет и распаляет фантазию... Вот она уже обнимает и неистово целует моё лицо, шею, грудь, живот, резким движением стаскивает с моих плеч махровый халат, опускается на колени... Время остановилось! Эти чудные мгновения длятся вечность! Она нежно сжимает свои тонкие пальцы, отпускает, снова сжимает, то и дело бросая взгляд уже покрывающихся поволокой томных глаз с моего дрожащего подбородка на растущее и вздымающееся всё выше и выше восхитительное очарование ещё не познан-

ного ею рукотворного Создания... Наконец, настаёт тот чудесный миг, когда вся моя сущность, все мысли, все видения – исчезают куда-то и превращаются в один твёрдый сплав – упругий сгусток нервов и плоти. Невидимые жизнительные токи начинают заряжать меня. Они медленно скользят по всему телу, словно блестящая на солнце капля под тонкой коркой весеннего льда, сползающего с нагретой заснеженной крыши... Вдруг эта капля объявляется на самом кончике оголившейся плоти. Отражая свет камина, она, как жемчужина в раскрытой раковине, чуть сверкает матовым блеском, застыла и не скатывается вниз. Что-то удерживает её на этой вершине мироздания!

Нежные пальцы женщины, будто перебирая узелки на чётках, легко пробежали по чувствительным и отзывчивым нервам, коснулись жемчужины... Та исчезла, и только кожа рук стала влажной и скользкой...

Я вскакиваю и, путаясь, зарываясь в шелках её одежд, наконец, нашёл, уткнулся... Коснулся лицом и вдыхаю в себя таинственный и запретный, восхитительный и дурманящий аромат... Захлёбываюсь им! Чувствую, как горят щеки, пылают от восторга встречи с чудом... Только одна мысль! Одна мысль, не отпуская, гнетёт и гложет... Неужели это закончится? Её упрямые ладони ещё удерживают меня, а их ласковые пальцы, будто подсказывая, уже начинают нежно гладить мои волосы...

Вдруг, случайно и неуклюже повернувшись, скользнул по узенькой полоске холодного обнажённого тела... Там... Над ажурным тёмным чулком... В один миг, как по мановению волшебной палочки, окунулся в реальность и до боли ясно обнаружил очевидное: «Это же всё не для тебя!..»

Одна её рука опустилась и очутилась внизу... Создание вздрогнуло. Ладонь женщины сжалась и медленно, будто заманивая, потянула давно восставшее очарование к пылающему входу в бездну...

Вот оно уже внутри! Тотчас врата рая сомкнулись и плотно стиснули его, не позволяя шевелиться. Всем своим телом оно ощущает, как окружающие влажные, чуть ребристые своды начинают сокращаться. Они сдавливают вос-

палённый сгусток нервов и плоти, отпускают, снова обнимают, доводя до иступления. Но что это? Кто-то незаметно подкрался и выхватил его из пылающей бездны... И вот он один на один перед входом в рай, пьяный от вседозволенности, красный от напряжения, заплаканный и запыхавшийся. Почувствовав внезапную утрату наслаждения, он снова вздрогнул и тотчас сам устремился обратно, сквозь немые губы в кратер восторга и обиды.

Теперь ничто и никто его не сможет остановить! Уткнувшись во что-то там внутри и, не веря своему счастью, он вырывается наружу... Вырывается, чтобы убедиться, что это не сон, и опять вернуться. Дразня себя, и теща иллюзией бесконечности этого завораживающего процесса, он много-много раз отнимал, а потом вновь дарил себе удовольствие от восхитительного чувства первого знакомства...

Это продолжалось долго, пока однажды, остановившись, чтобы ещё и ещё затянуть процесс наслаждения, я, покачиваясь от усталости, огляделся по сторонам и вдруг встретился с широко раскрытыми, манящими к себе глазами женщины. Её ресницы казались тонкими лучами её играющих глаз, они чуть подрагивали, не просто так, а в такт прилива моих ощущений...

Судорога пробежала по моему телу. Ещё чуть-чуть и из него вырвется поток жизни и любви. Чудесный коктейль из гормонов радости, нежности и удовольствия вот-вот погрузит нас в состояние блаженства. Там любовь и сладострастие соединятся в одно целое, и громким водопадом низвергнутся в пучину счастья...

Я на самом краю этой бездны...

В тот же миг раздался удар, страшный глухой удар... Моя кошка Алиса одним движением головы распахнула двери и с громким мурлыканьем запрыгнула ко мне в кресло. Райская комната – «Сад земных наслаждений»¹ – всё очарование сказки исчезло сразу, внезапно, грубо... Жуткий шум разрушения заполнил моё жилище. Будто в «Золуш-

¹ «Сад земных наслаждений» – триптих нидерландского художника Иеронима Босха (1450–1516).

ке», радость и наслаждения вмиг исчезли, всё вокруг рухнуло и вернулось в прежнее состояние. Эта комната – скверное жилище вечной скуки. Эта мебель, пропыленная и нескладная, грязный пол, в сумраке на полу блестит лужа от пролитой из кувшина воды, печальные окна с пыльными стёклами, по которым протянулись полосы от дождевых струй, мои рукописи на полу, перечёрканные и незаконченные, это мутное зеркало, которое теперь хочется разбить...

Бухта Провидения

Рассказ

Завтра будет солнечное затмение. Тень Луны коснётся Земли именно здесь, на Камчатке и Чукотке, пересечёт Берингов пролив, затем пройдёт вдоль берегов Аляски и достигнет севера Канады. Полярники, учёные, просто местные жители – пассажиры северной трассы Аэрофлота – все спешат. Кто домой, кто на работу, кто увидеть затмение. Но Север не был бы Севером, если бы не вносил свои неожиданные коррективы в планы и мечты каждого, кто оказывается здесь.

Люди уже неделю сидят в Анадыре и каждые два часа слышат одно и то же: «Рейс „Анадырь – Провидения“, вылет задерживается по метеоусловиям. Рейс „Анадырь – Магадан“, вылет задерживается по метеоусловиям... Рейс...» И так по всем направлениям. Волей-неволей начинаешь вникать в тонкости новой для тебя науки – метеорологии. А вдруг сподобишься и выведаешь какую-нибудь жуткую тайну про погоду, которая наступит через трое или даже пятеро суток. По крайней мере, не нужно будет всякий раз просыпаться и вслушиваться в шёпот старого репродуктора, торчащего на грязной стене в углу зала.

Слово «сидят» не совсем правильно отражает действительность. Большинству устроиться просто не на чем. А те, что чудом примостились на двух десятках стульев, сидят, не вставая, с жутким упором на крестец, образуя туловищем тупой угол – лишь бы вытянуть ноги. Если встанешь и уйдёшь в туалет – всё! Место потеряно. Ночью, чтобы кровь хоть немного отхлынула от ног, люди аккуратно их

приподнимают и прилаживают на плечи и спину тех, кто сидит впереди, после чего тут же засыпают. Сбоку это похоже на замедленную запись организованного скандирования болельщиков на футбольном матче, когда те по очереди встают «волной», поднимая руки вверх, и затем в обратном порядке садятся на свои места. Утром, когда все просыпаются от потрескивающего шума очередного объявления, на тёмном фоне пальто или курток сидящих в «партере» хорошо видны светлые следы каблучков. Но на них никто не обращает внимания.

Многие ложатся прямо на холодный каменный пол, подстелив газетку и с наслаждением вытянув ноги. Кто-то успеваеет занять место в кабинке, где днём продаются билеты. Там пол деревянный, а фанерные перегородки немного спасают от жуткой смеси запахов дешёвого алкоголя из местного буфета и давно не снимаемых ботинок, сапог, носков и портянок.

Утром, кто не из «партера», хотя бы может выйти наружу и погулять вокруг деревянного двухэтажного здания аэропорта. Но удивительно – он не видит красок окружающей природы, не чувствует свежести воздуха, всё кажется ему каким-то серым и затуманенным, будто Луна, не дожидаясь своего часа, уже заслонила собою яркие солнечные лучи. На самом деле это срабатывает охранный механизм. Постоянная неопределённость и осознание того, что выхода нет, не позволяют включиться всем человеческим рецепторам. Организм сам, чтобы не расслабляться перед продолжающимся испытанием, затушёвывает яркие краски, сглаживает рельефы местности, создаёт вокруг себя нечто наподобие невидимой оболочки. Отчётливо слышен только рёв двигателей взлетающих и садящихся поблизости боевых истребителей. Военным всё нипочём. Погода – непогода, они летают всегда.

На полу, в дальнем углу зала, устроились двое мужчин. Один – химик, белобрысый худощавый парнишка, семь дней назад он защитил диплом, попал по распределению в Арктический институт, а оттуда его срочно послали в экспедицию.

Второй – электронавигатор. Постарше, с брюшком, явно женатый и ухаженный. Он уже десять лет живёт на Севере со своей семьёй, но в этот раз летит тоже из Ленинграда, где получил инструкции по поводу предстоящего ледового патруля в Чукотском море. Вообще-то, в северной столице он был проездом, возвращался из отпуска с юга, где по обыкновению спускаются деньги, заработанные за Полярным кругом.

Они сидели на искусственной «полянке» из полностью развёрнутой «Ленинградской правды», уплетали подсохшие домашние бутерброды с краковской колбасой и рассматривали карту зоны предстоящего ледового патруля. Взгляд химика случайно упал на газетную чёрно-белую фотографию около кулька с провизией. Там было показано географическое положение полосы полной фазы затмения солнца, которое завтра должно произойти. Тёмная полоса каким-то странным образом почти полностью совпадала с зоной предстоящего плавания, отмеченной пунктиром на карте электронавигатора. Начинаящего полярника это удивило, насторожило и даже чем-то напугало. По крайней мере, он прекратил жевать, но вслух так ничего и не сказал.

Завтра затмение. Уж его-то никто и ничто не отменит. Наверное, именно поэтому в аэропорту началась суматоха. Срочно, несмотря на непогоду, стали готовить самолёт для учёных из Пулковской обсерватории. За прошедшую неделю астрономы прекрасно освоились здесь, в вынужденном пристанище обделённых Провидением пассажиров. А теперь, видите ли, им надо! Вспомнили! Военные ведь летают... Значит, и им можно. Логика, надо сказать, убийственная в прямом смысле этого слова.

Электронавигатор был полярником со стажем. Ему частенько приходилось летать по маршруту Амдерма – Тикси – Диксон – Анадырь. Он знал, что в экстремальных ситуациях всегда лучше хотя бы внешне, но походить на начальника. Вот и сегодня блестящая лысина и аккуратная бородка, белая сорочка и модный полосатый галстук позволили ему нагло влезть на борт, готовящийся к отлёту. Толкая перед собой молодого специалиста с чемоданами и

пробираясь через толпу удивлённых астрономов, он не забывал время от времени с важностью в голосе бросать: «Товарищи! Мы завтра наблюдаем затмение с судна в Чукотском море. Колоссальная ответственность, колоссальная!»

Маленький самолёт, вместивший в себя пятнадцать человек и десяток коробок со свежими яйцами, легко, почти не разбегаясь, взмыл над землёй и через мгновение поднялся над непозволительно низко плывущими сплошными тёмными облаками. В иллюминаторы ударило яркое солнце. Оно будто прорвало бесконечную череду повторяющихся изо дня в день событий. словно всё, что происходило до этого, скрывалось за какой-то пеленой и потому казалось серым или чёрно-белым.

Через час все разом прильнули к иллюминаторам. Внизу был виден заполярный посёлок, расположившийся у самого подножия заснеженных гор. Они почти со всех сторон окружали лазурного цвета бухту Провидения. После аэропорта в Анадыре – это прямо Сочи! Те же краски, такие же горы и в воздухе запах моря. Только само море – холодное и не такое солёное, хотя в это время года оно точно так же передаёт все цвета яркого северного неба. Небольшой белый кораблик стоял у причала порта и изящно дополнял чудесную картину.

Наконец-то собралась вся команда ледового патруля. Теперь месяцев на пять их домом будет это хрупкое на вид судёнышко с незатейливым названием «Маяк». В то утро все готовились к отплытию и даже забыли про затмение. Природа сама о нём напомнила. Вокруг потемнело, как в вечерние сумерки, солнечный серпик, заслоняемый чёрной Луной, постепенно исчезал. На прощание он вспыхнул бриллиантовым кольцом и зажгёт мерцающее ожерелье. Стали видны звёзды. Прошла минута, другая, и яркое солнце вновь вернуло лазурный цвет северному морю. Природное таинство ушло так же внезапно, как и появилось. А белый кораблик, не спеша, словно подчёркивая свою значимость, отошёл от причала.

Матросов и членов экспедиции – курсантов морского училища – гидрологов, океанологов и студентов-химиков

разместили в больших каютах на носу, начальство – ближе к корме, молодой специалист и электронавигатор, уже как старые знакомые, поселились в двухместной каюте, посередине. Началась работа. Одни только теперь вернулись к полноценной жизни. Дома, в семье чувствовали себя как бы не в своей тарелке, кем-то наподобие досрочно демобилизованного офицера или вышедшего на свободу рецидивиста. Другие – «счетоводы», сразу же принялись рисовать календари, считать дни, оставшиеся до возвращения, а заодно и деньги, которые они получают после экспедиции: оклад, полевые, штормовые, гробовые, да ещё коэффициент – два – за то, что корабль с портом приписки: Бухта Провидения.

Прошла неделя. Пока не видно кромки льда, нет сильных ветров и не нужно бороться с обледенением верхней палубы. Только зыбь. И, тем не менее, почти для половины членов экспедиции все красоты Севера уже померкли. Морская болезнь. В гидрохимической лаборатории, площадью два на три метра, кроме молодого специалиста из Ленинграда – он же «старший химик», трудились ещё два студента какого-то училища. Эти двое жили в большой каюте вместе с гидрологами. По работе ночью химикам приходилось просыпаться реже, только во время остановок судна. Поэтому они занимали верхние койки.

От постоянной качки спать было невозможно. Висящие на крючках цветастые занавески со скрежетом двигались по металлическому карнизу, прикреплённому к потолку. Они ходили снизу вверх и обратно, соответственно ритму бортовой качки. Внезапно добавилась килевая, и теперь занавески начинали ещё и раскачиваться. То влево, то вправо. То влево, то вправо... Иногда это прекращалось, ломая привычную гармонию приступов тошноты, затем возобновлялось вновь с ещё большей силой. В свободное от вахты время электронавигатор обычно сидел за столом, курил крепкие сигареты и тонкой раскалённой иглой на моржовых клыках выжигал рисунки из чукотского эпоса.

На корме, в кают-компании, где питаются начальники, хоть и меньше качает, зато тошнота подбирается исподволь

и незаметно. Не уследишь. Лучше уж по-быстрому принять пищу в компании с матросами. Тем более что это ближе к собственной каюте. Тарелка с супом и кусок всегда мокрого серого хлеба в левой руке, ложка – в правой. Всё съедается за минуту. Добавка – перевод продуктов, второе блюдо – то же самое. Важнее скорей принять горизонтальное положение. Тогда хоть что-нибудь успеваешь усвоиться.

Обычно лежишь минут десять. Больше не выдержать. Нужно бежать в гальюн. Не на палубу, как это иногда красиво описывают в книгах, а именно в гальюн. На палубе вслед за недавно поглощённым обедом сам свалишься за борт. А здесь милое дело. Никуда не упадёшь, никто не видит. Но всё же и тут, чтобы не обрызгаться, нужно знать, когда именно наклоняться над отверстием. Это приходит не сразу, а только с опытом – по наитию, по знакомому сочетанию звуков мотора и бурления в трубах, когда всем телом ощущаешь скорость падения носа судна с верхушки очередной волны.

Теперь «домой», на койку.

Иллюминаторы задрасны. Двери во всех каютах раскрыты, дабы поступал хоть какой-нибудь воздух. Увы! Быстрее доходит тот, что из машинного отделения. И ведь что примечательно! Всё это не закончится через час или, к примеру, завтра. Это будет и послезавтра, и через месяц, и через два...

Прошло два месяца. Содержание жизни сводилось к тому, чтобы любыми способами искать кромку льда и сообщать о ней всем судам; попутно вести научные изыскания: на разных глубинах замерять скорость течения, загрязнённость нефтепродуктами, определять температуру, солёность воды, содержание кислорода, кремния и других химических элементов. Потом на основе этих цифр географы будут делать многообещающие научные выводы.

Побывав в северной части Берингова моря, сделав почти полсотни остановок для замеров, судно ненадолго вернулось в посёлок Провидения. Пополнили запасы пресной воды, топлива, получили пачки накопившихся за это время писем и уже через два дня, так и не успев отвыкнуть

качаться при ходьбе, опять очутились в центре циклона, теперь на границе Восточно-Сибирского и Чукотского морей, около острова Геральд. Нужно было решить, что делать дальше. Никаких приказов нет. Обозначенная пунктирной линией зона на карте – всего лишь рекомендация. Члены экспедиции, временно на пять-шесть месяцев прикомандированные к гидрологическому судну «Маяк», наконец-то закончили своё «заседание». Семь человек: гидрологи, химики и океанологи вместе с демократически настроенным молодым начальником экспедиции думали, что делать? Оставаться на месте или идти в море Бофорта?

С одной стороны, так приятно стоять на якорю посередине пролива Лонга между островом Врангеля и Большой Землёй. Глубина всего тридцать-сорок метров. Это значит: раз в пять часов нужно взять пробы воды с шести горизонтов для замеров. И всё! И так два месяца. Ни тебе качки, ни тебе... Да, в общем, это главное. Наверняка потом можно будет вставить результаты измерений в сложные формулы, якобы описывающие нюансы различных течений в этом симпатичном месте, и внести определённый вклад в изучение Арктики.

Кроме того, погода – прелесть! Днём повсюду яркие краски: лазурное море и голубые касатки, матовые моржи и блестящие тюлени. Ночью – северное сияние. Не грех высадиться на недельку в устье какой-нибудь речушки, наловить лосося, настрелять уток. Потом всё это, соответственно, насолить, нажарить. Одной икры наешься на всю жизнь...

А что с другой?

Резко взять вправо, потом на север, проверить, далеко ли кромка льда, и – полным ходом в море Бофорта. А уж там! Над Аляской и Канадой – раздолье для романтики и науки. Во-первых, сюда после 15-го сентября лоция заходить не рекомендует. Никто и не заходил. Опасно. Лёд подойдёт к мысу Барроу и закроет выход из моря. Во-вторых: глубины! Три тысячи метров. То есть в сто раз больше. Никаких бутылочек не хватит для сбора проб воды. Придётся работать практически постоянно, ломая все вахты.

Конечно, раз льда нет, значит, будет нещадно качать, и тут не до романтики, но всё-таки...

Они рассуждали долго, хотя с самого начала все были за подвиг. Четверо сидели прямо на полу. Трое – за столом. Первым казалось, что так меньше укачивает. Они по-очереди убежали, возвращались, снова выбегали...

Решили плыть на север – посмотреть, далеко ли кромка. А потом опять думать. Оказалось – далеко. Раз так – ничего не поделаешь. Романтика Севера и долг полярного исследователя оказались сильнее физиологии. Тем более, как выяснил старший химик, во время недавнего солнечного затмения именно эту акваторию накрыла тень от Луны. Вроде простое совпадение. Но оно манило, в нём было что-то мистическое.

Впрочем, неудивительно, что на это совпадение обратил внимание именно химик. Химия тоже сплошная магия. Если взять и осторожненько заглянуть в судовую гидрохимическую лабораторию... Вдруг кому взбрѣдет в голову такая шалость – подышать парами аммиака или соляной кислоты, то первое, что бросится в глаза – пластмассовые бутылочки. Сотни маленьких ёмкостей, наполненных водой с различных горизонтов. Они повсюду – на полках, на столах, на палубе, в карманах висящих на гвозде прожжѣнных кислотой непонятного цвета халатов. Где-то посреди всего этого сгорбившийся, лохматый колдун-химик. Ему не хватает только большого чѣрного капюшона. Он всасывает из бутылки ртом через стеклянную пипетку одну жидкость, а через секунду в стоящее на полу ведро еле успевает выплевывать совсем другую. Если качка продолжается всю вахту, то его глаза уже не видят показания фотоколориметра, а пересекающиеся на маленьком экране светлозелѣные полосы вдруг начинают трястись, мигать и превращаются в одно сплошное серое пятно.

Выполняя решение коллектива единомышленников, «Маяк» исходил «иностранное» море Бофорта вдоль и поперек, дошѣл даже до устья реки Маккензи. Вдруг, никому ничего не объявляя, капитан повернул обратно, в родное Чукотское море. Почему? Может, испугался американского

самолёта, который вчера три часа кружил вокруг над обиженным жизнью судёнышком и помахивал крыльями? Чего бояться? Они в нейтральных водах. Больше, наверное, «америкосы» припухли, обнаружив поздней осенью маленький кораблик русских вблизи северного берега Аляски. «Зачем? Идиоты! Ведь лочия интернациональный документ. Там ясно сказано. Что теперь делать с этими русскими, если им придётся зимовать на льду?»

Всё оказалось и проще, и сложнее. Заболел боцман. Его горло воспалилось так, что невозможно было дышать. Врача нет. Проконсультироваться по радио невозможно, связь в этих местах не работала. Пришлось развернуться и полным ходом идти к Берингову проливу. Надо сказать, вовремя. Еле успели проскочить. Лёдовая кромка уже почти вплотную подпирала мыс Барроу. Не заболеет боцман – и мистическая научная авантюра закончилась бы вынужденной зимовкой. А это совсем не входило ни в планы экспедиции, ни в планы её отдельных участников.

И надоело уже, честное слово. Пять месяцев одно и то же! Сухая картошка, борщ из банки, вечно мокрый хлеб с солёным лососем. Мечтали о неподвижной земле, о живом разговоре по телефону с родными, о жареном поросёнке. Рано утром аромат жаренного на масле хлеба собирал у камбуза и тех, кому заступать на вахту, и тех, кому ещё спать и спать. Один из матросов перед началом «собачьей» вахты из мокрого хлеба готовил гренки. Много! На всех хватало.

Этим утром никто не спал, и было не до гренок. Ждали подхода к большому кораблю, который должен был забрать боцмана. Ждали увидеть и услышать хоть что-нибудь новое и непривычное, остро востребованное всем естеством людей, месяцами блуждающих по Северному-Ледовитому океану практически без радиосвязи. Об изменениях в мире можно было судить только по американской карте ледовой обстановки, которую электронавигатор ухитрился бесплатно перехватывать, когда «Маяк» проходил рядом с берегом Аляски.

Голос капитана большого судна был именно тем, чего ждали. Он ворвался в рулевую рубку откуда-то сверху, сбо-

ку и даже снизу, и всем показался безразличным, сиплым и пропитым. От него сквозило обыденностью, и потому он вселял уверенность и спокойствие. Сразу чем-то напомнил размеренную жизнь на суше.

– Подходи слева, что ли, не бойся, тебе говорю.

– Ничего себе, «не бойся», – вслух произнёс рулевой.

Действительно, только столкнулись бортами, сразу одна из двух шлюпок разлетелась в щепки. Да и что значит – бортами? Это у Маленького борт, а у Большого – тридцатиметровая стена из металла, вся напичканная светящимися иллюминаторами. Какая-нибудь пятая или десятая палуба махины ещё на одно мгновение поравнялась с уже прилично покорёженной, самой верхней палубой «Маяка». Боцман сам стоял около перил. Его только чуть поддерживали двое матросов. Он сделал шаг и именно в этот миг его подхватили за руки и втащили на железный корабль. В ту же секунду оттуда полетели блоки болгарских сигарет и маленькие мешки с японским репчатым луком. Все знают, что у этих, с ледового патруля, никогда ничего нет. Наверняка уже съели все припасы, кроме сухой картошки и солёной лосося. Арктические отшельники. Живут сами по себе, идут куда захотят, заходят в порт раз в три месяца. Главное, они передают, где лёд. Это всем нужно. Их жалели и уважали.

Теперь пора домой! Но шторм в который раз навалился с новой силой, не позволяя развернуться. «Маяк», нацелившись прямо на север, уже вторые сутки беспомощно надрывался, продолжая максимально эксплуатировать все свои силовые установки. Этой мощности как раз хватало на то, чтобы вопреки восьмибалльному ветру оставаться на одном месте.

Капитан дважды решался пойти на риск, пытаясь повернуть судно, но тщетно. Объявлялась тревога, и под громкие прерывистые гудки все зачем-то надевали ватники, ушанки, тёплые сапоги, брали с собой документацию, красиво расшитые тапочки из нерпы – подарки питерским родственникам, и выходили на качающуюся во все стороны, заливаемую ледяной водой палубу.

Необъяснимый феномен! Все прекрасно понимали, что пять минут вне судна – и конец. Вода – минус семь градусов, в ней дольше не продержишься. Причём тут тёплые вещи? Даже летом, в спокойную солнечную погоду команде понадобилось двадцать минут, чтобы выловить простой деревянный ящик, специально, для тренировки брошенный за борт. Тем не менее, и команда, и экспедиция покорно продолжали играть «в спасение».

Рано утром все проснулись от того, что не качало. Судно стояло на якоре около берега, прикрытого от шторма огромной скалой. Это ночью старпом, никого не предупредив, взял да и развернул судно кормой к ветру. Через пять часов оно успешно миновало мыс Дежнёва, остров Ратманова и, «увидев» скалу Фэруэй, сначала спряталось в узком проливчике, а после вошло в бухту Провидения и стало на рейде. Вот уж действительно – «победителей не судят»!

Когда не качает, сразу хочется есть. Человек пять выбрались на палубу, нашли под брезентом закреплённые бочки с солёными огурцами и капустой и принялись уплетать всё это без хлеба. Другие потянулись на камбуз за подаренным японским репчатым луком. Как постепенно выравнивается давление в отсеках подводной лодки, так и вытравленные нескончаемой качкой внутренности людей требовали немедленного замещения надоевшего ежедневного рациона на что-то острое и свежее. Такое же, как окружавшая их природа после утихшей бури.

Сразу куда-то подевались одинаковые серые краски моря и неба, постоянный запах солянки, консервов и вездесущего желудочного сока. Это жуткое месиво преследовало здесь всё время. В июле Солнце, прикрытое Луной, сюда не светило только две минуты. А им, чтобы обойти «водную гладь», отмеченную затмением, понадобились месяцы мучений. Теперь, выйдя наконец-то из этого заколдованного круга из трёх северных морей, все будто пробудились от спячки. Словно затмение прошло только сейчас. В глазах появился блеск, тут и там слышалась живая речь. Это верный признак – вернулось зрение.

На фоне бирюзового моря вдруг обнаружили яркие тёмно-синие краски скал, пока ещё сливающихся с небом. Иногда между быстро скользящими прямо над морем тяжёлыми облаками на мгновение мелькало Солнце. Тогда всю эту синеву с неба пронзали множество расходящихся лучей света, берег и вода насыщались тёплыми оранжевыми тонами, становились дружелюбными и влекущими к себе. Ветер, однако, и не думал успокаиваться. В узкой расщелине среди прибрежных скал он срывал с поверхности чуть присмирившего моря толстый слой воды, образуя дымку из миллиардов брызг. Но создать волны здесь ему было не под силу.

Настало время для особого ритуала. Спотыкаясь с непривычки от сильного ветра, держась друг за друга, чтобы не снесло за борт, на палубу выползли «зомбированные инопланетяне». Бледные, пахнущие реактивами и блевотиной, в ушанках и ватниках, в домашних тапочках, надетых на шерстяные носки, в прожжённых кислотой синих, обвисших на коленях физкультурных штанах. Продвигаясь гуськом к борту судна, химики волочили за собой тяжёлые с металлическими углами ящики из-под лабораторной посуды и израсходованных химикатов. Через мгновение они как по команде подняли их над собой и с безразличными лицами развели руки. Чёрные ящики, как последний символ пережитого, улетали прочь, уносимые невидимой силой.

Под конец экспедиции всегда почему-то вспоминают о химиках. Может, потому, что всё это время их почти никто не видел. Кто это? Явно не матросы, не гидрологи и не океанологи! Вряд ли это те, кто в детстве мечтал о море, шторме и путешествиях. Сюда, на край Земли, их забросил случай, распределение после окончания вуза или просто поиск быстрых денег. Хорошо, если в самом начале самостоятельного жизненного пути эта экспедиция не станет случайным коротким затмением, а запомнится событием ярким и важным. После ещё не раз придётся испытывать себя на прочность. Когда знаешь свой предел, всегда легче.

Встреча

Рассказ

Колония строгого режима УТ № 189/33 находилась в западной таёжной пустыне Уральских гор, в двухстах километрах от Перми по железнодорожной ветке Нижний Тагил – Пермь. Лагерь занимал небольшую территорию, примерно пятьсот на пятьсот метров, посреди леса, огороженную несколькими рядами колючей проволоки, подключённой к системе сигнализации.

Над зоной возвышалась будка, где обычно сидел дежурный офицер во главе наряда прапорщиков. Заключённых в таких зонах всегда немного. Десятков семь-восемь. В то время как в «Шестёрке» – колонии для уголовников, расположенной в нескольких сотнях метрах, было около трёх тысяч зеков.

Из лагеря под Ленинградом Владимира Спивака перевели под Пермь, но почему-то в «Шестёрку», а не в «Пермь-33», как полагалось по второму приговору. Видимо, местная администрация решила, что его просто переводят по 209-й (тунеядство) в другой лагерь. А в спецчасть зоны его документы по серьёзной 190-й, часть 1-я ещё не поступили. Там никто даже и не подозревал, что какой-то шумель, он же сука и падла в натуре – Спивак, отъявленный диссидент – борец за справедливость, знаток французской литературы и талантливый математик, любит «Гамлета» и балдеет от воровского жаргона баллад Франсуа Вийона.

Что ж, так бывает. Не кричать же ему самому об этом.

Весь этап, в котором был Владимир, сразу направили в карантин. Официально там происходит адаптация зеков к

новым условиям. Он это уже прекрасно знал по прошлому лагерю, где пробыл всего два месяца. За двенадцать-семнадцать дней новичков стригут, моют, выдают робу, берут анализы, подвергают психологическим тестам, знакомят с особенностями зоны. Но это всё происходило только на бумаге и вовсе без твоего участия.

Что-то неладное Спивак заподозрил ещё в воронке, когда один из конвоиров сказал, что они неудачно попали и что им теперь кранты. «Что значит – неудачно?» – подумал Владимир. Но не станешь ведь спрашивать конвоира.

Ждать подтверждения этих слов долго не пришлось. Не успел он ещё приземлиться, спрыгнув с высокой ступеньки воронка, как на него посыпался град ударов. Дальше бегом, бегом с помощью пинков и дубинок их сопроводили до помещения, которое и было карантином. Он чувствовал животный страх, исходивший от его товарищей по несчастью, да и от себя тоже. Двоих сразу увели куда-то по лестнице наверх. У стены, с раздвинутыми руками и ногами, остались четверо. За ними ходил сотрудник администрации с палкой и бил по ногам, раздвигая их как можно шире. Прозвучал вопрос: «Есть ли красные?» Двое сказали «да». Их увели в какой-то кабинет, а потом из этого кабинета подняли тоже наверх. Остались двое. Вовка и ещё один. Пока везли, он второго не замечал. Откуда взялся? Щуплый такой, вроде как киргиз. Напряжение всё увеличивалось и увеличивалось. Прозвучал другой вопрос: «Обиженные есть?». И этот тоже ушёл в кабинет, а после поднялся наверх. Спивак остался один и понял, что ему действительно кранты. Кто-то то ли спросил, то ли сказал: «А ты, стало быть, борзой» (аббревиатура – БОРЗ – без определенного рода занятий). На тот момент он и сам не знал, кто он, поэтому счёл за благо промолчать. Его с помощью дубинок сопроводили в тот же кабинет, что до этого и остальных. Настоящий страх он испытал, когда пробежался по коридору из сотрудников. Со всех сторон его лупили дубинками, руками и ногами. Где-то посередине он получил очень сильный удар по ноге, не выдержал и упал. Удары не прекращались, прозвучал взбешённый голос:

«Вставай, мразь». Еле поднявшись, Спивак побежал в полуприсядку дальше.

Из комнаты, куда его вдавливали, раздавались истошные вопли. Уже подбегая, он боковым зрением заметил у входа чьё-то тело, валявшееся в крови. В самой комнате, размерами три метра на три, с обшарпанными кирпичными стенами, на корточках лицом к стене впритирку сидел весь новый этап. Сотрудники брали каждого за шкуру и подводили к столу, застелённому красной скатертью. На ней в ряд лежали заявления. Каждый расписывался и его уводили дальше. Третьего человека до Владимира начали забивать прямо в этой же комнате в углу. Спивак видел, что не просто били, а втапывали в пол. Тот, которого забивали, отказался подписать заявление. После длительных «согласительных процедур» этого бедолагу куда-то унесли. И вот настала очередь Спивака.

Владимир грешным делом подумал сразу расписаться, да и дело с концом. Но он знал, что заявление о согласии сотрудничества с администрацией – это крест на его диссидентской карьере. Когда его подвели к столу, он гордо смял три листка, лежавшие перед ним, бросил на пол и тут же рухнул вслед за ними. Удары по голове были такой силы, что, казалось, били молотком. Спивак потерял сознание.

Очнулся он в бетонном склепе, с единственной лампочкой на потолке за решёткой, на полу вода. Увидев, что у непослушного зашевелились глаза, сотрудники карантина спокойно вошли в каменный колодец и снова принялись его методически избивать. Их спокойствие ещё больше усугубляло положение узника. Потому что это было не буйство чувств, а обыкновенная работа. Ну, как покраска стен с перерывом на обед.

Самое неприятное ощущение «ампутации личности», о котором ему много лет назад говорил отец. Точно проволокли тебя мордой по щёбёнке, и совсем не осталось никаких твоих характерных черт или примет. Особенно заметно это при длительном пребывании в одиночке. На прогулку не ходят, в баню не водят, кормят через день, окна практически нет, лампочка где-то в нише, у самого потолка, еле-

еле потолок освещает. Тёплой одежды не полагается. В углу параша, а то и просто дырка в полу, из которой целый день прёт вонь.

Первые двое суток для Владимира ещё существовали и ночь, и день. Днём он ходил взад-вперед, а ночью старался заснуть. Но однообразие, холод и голод брали своё. К этому добавлялись сильные боли там, куда особенно били. Мышцы в местах ушибов скукожились и не распрямлялись. Такие шишки, с яйцо величиной, на плечах, на спине. Если не двигаться, вокруг них накапливалась жидкость. Всё это сразу увеличивалось в размерах и давило на нервные окончания. Получалось, что нужно интенсивно двигать руками и ногами, чтобы жидкость рассосалась, а мышечный ком уменьшился хоть чуточку. В результате меньше болело и меньше ощущался холод. Теперь можно было дремать минут пятнадцать-двадцать. Затем он опять просыпался от боли и минут сорок бегал на месте, размахивая руками. Больно! Потом опять дремал минут пятнадцать прямо на мокром полу, упершись спиной в стену... Постепенно чувство реальности утрачивалось. Тело деревенело. Спивак превращался в какой-то неодушевлённый предмет, производящий тупую, тянущую, острую, подергивающую, вообще любую боль во всём теле сразу.

Владимира держали в цементном колодце сначала пять дней, потом ещё неделю. Потом ещё... Он впадал в забытие, вскакивал, бегал, снова уходил куда-то... Ему трудно было понять, чьё тело лежит прямо перед его глазами на бетонном полу. Оно ему не повиновалось. Его мысли тоже приходили и уходили сами собой. Когда били, становилось лучше. Острая боль, вонзающаяся в тело от удара сапогом – счастье! Во-первых, известно, что она такой не останется, она наверняка постепенно пройдёт. Во-вторых, она свидетель того простого факта, что ты ещё живой и пока ничего не подписал.

Постепенно пятна грязи на серых бугристых стенах колодца, которые он созерцал уже много дней, начинали сливаться. Потом, как в мультфильме про волшебного художника, из них стали возникать какие-то лица, предметы. Они

разговаривали друг с другом, хвастались своими длинно-полыми шляпами или острыми клиньями бороды, брали с пола огромные ведра, полные чёрного винограда... Вон тот, с шевелюрой и длинным носом, как у Де Бержерака, поднял его на плечо и понёс куда-то... Спивак тихо, почти шёпотом крикнул ему вслед: «Оставь немного. Оставь!..» Но тот только взмахнул своей шпагой, посмеялся и... остался стоять на месте. «Нет! Это же бывший одноклассник Серёга в мушкетёрском плаще и в шляпе... Как я сразу не догадался... У него такой нос... Ну, не такой... Но похож... А там, в углу, лежит, будто катком расплющен... Тоже в плаще... Вон развеивается на ветру... А профиль-то, профиль... Вылитый Юрка Лисочкин! Арамис». Спивак вспомнил, как в первом классе французской школы он вместе со своими приятелями по классу и по двору участвовали в концерте для родителей...

– Вы чего здесь? – непроизвольно произнёс Спивак... Никто не отвечал. Он повторил громче: – Вы чего здесь? – потом помолчал немного и будто сам себе сказал: – А Портоса как тогда не было, так и сейчас нет...

Владимир ещё долго их разглядывал, расспрашивал... Он не мог зацепиться за что-то одно. То он говорил с ними как Атос, то как Вовка Спивак. То спрашивал про одноклассников, то про Алёнку Ливанову, игравшую роль французской королевы, то про революцию на Кубе... Они вроде бы ему отвечали. Он даже спорил с ними...

– А где же всё-таки Портос? – опять мелькнуло в голове у Спивака. Всю стену обнюхал и прощупал руками. И так поглядит на неё, и этак... Ничего! Он уже было совсем разочаровался в безнадежных поисках, как прямо перед собой заметил новое лицо – с длинными волосами, без шляпы, без плаща и очень маленькое, совсем не похожее на здоровяка-мушкетёра. Тем не менее, что-то особенное в этом лице, и даже знакомое, приковывало внимание Владимира. Он пытался задавать вопросы... Бесполезно. Только стена надупилась и жутко молчала. Потом она вдруг вся сразу пошла не него... Спивак закричал... Но крика не было. Голос его уже давно сел, а он снова и снова звал на помощь...

– Этот маленький... Это... Филя? Петька Филиппов, – сверкнуло в глазах у Спивака, будто он прямо перед собой соединил два электрических провода разного цвета. Он не думал про то, что это совсем не Портос и что этот маленький до сих пор молчал и совсем не разговаривал с остальными обитателями стены. Владимир вдруг почувствовал, что это расплата... Она пришла как раз вовремя...

В седьмом классе он вместе с Серёгой, Юркой и Петькой Филипповым – «Филькой» проник в учительскую. Там они стащили классные журналы и уже хотели уйти через окно. Но их застучал учитель труда, инвалид Васильич. Помогая беспомощно повисшему на дереве Петьке, учитель выпал из окна и разбился насмерть. Филиппова сразу поймали, осудили и отправили в Колпино, в колонию для несовершеннолетних. Своих поделщиков он не сдал. А через полгода пришло известие, что Филиппов умер. Тот самый Петька, который в детстве играл на скрипке и, первый научившийся читать, декламировал перед всем классом «Незнайку в Солнечном городе».

– Один за всех, – медленно и с надрывом прошептала тень Петьки Филиппова. Сергей молчал, а Юрка как лежал, так и остался лежать, только вдруг тихо вымолвил: «Я не толкал Васильича, я не толкал. Он сам упал...» А Спивак, весь мокрый и скрюченный от нестерпимой и непрекращающейся боли, ошалелыми глазами впился в изображение Фильки над парашей. Он отчётливо видел, как шевелятся губы говорящего Филиппова, как тот медленно поднял на него глаза, как в них мелькнули его хулиганские искорки...

Это тусклый свет от лампы проскользнул по каплям влаги, сконденсировавшимся на стене и ещё не успевшим упасть обратно в огромную грязную лужу на цементном полу одиночки.

Владимир внутренне сломался. Во время очередной передышки ему просунули бумагу, и он подписал.

Несмотря на полученную подпись, в лагерь его всё равно не выпускали. Ещё неделю ему пришлось провести в одних трусах в камере, где воды было по щиколотку. По-

том предоставили сухую хату, но одежды всё равно не давали. Только на третью неделю выдали ему замызганную робу. Так вышибали остатки человеческого духа.

«В чём отличие? – спрашивал себя Спивак. – Подпиши я сразу эту проклятую бумагу, не пришлось бы испытать муки бетонного колодца. Зато не прошёл бы через ад!»

Теперь он знал, что это такое. Он мог ориентироваться: где ад, а где так, пустыки, издержки профессии. Заполнив все клеточки незамысловатых «психологических тестов» карантина, Спивак наконец-то вошёл в лагерь.

Уголовный уклад в лагере выглядел формализованным, жёстким и живучим. Он хоть и являлся неотъемлемой составной частью существования новой культурной общности под названием «советский народ», но всё-таки отличался от того, что обычно понимали под этим словосочетанием.

В общем-то, в грубом приближении осужденные пытались создать то, что они утратили. Здесь постепенно вырисовывалась некая модель общества, из которого они изъяты. Конечно, это сообщество не изобрело велосипеда и не оно выдумало модель, по которой строило свои законы. Оно лишь в более жёсткой форме скопировало те отношения, которые почти все почитают или не почитают, но исповедуют в свободной жизни.

Бараков в «Шестёрке» было как раз шесть. Отношения между ними регулировал смотрящий за зоной. Если этого не делать, они приняли бы вид отдельных эковских кланов, а не единого преступного механизма. Как правило, лидером становился самый волевой и уважаемый арестант с сильным характером. Таких людей видно сразу. Это самый справедливый зек, прошедший все жизненные испытания. Его слово пользовалось безукоризненным авторитетом. Именно он ставил точку в решении всех сложных вопросов в лагере. Хоть с ворами в законе, хоть между самими зэками. Даже с администрацией зоны. Особенно, если её отдельные представители слишком нагло и чересчур часто «находили» в передачах наркоту или ещё что из нездорового.

Например, неделю назад утренняя проверка надолго затянулась. И новенькие, недавно поступившие осужден-

ные, не нашли ничего лучше, как сломать ограждения и самим, без команды, зайти в барак. После этого на сходянке по решению братвы главный по зоне сам примерно наказал смотрящего за карантинном. Мол, при списывании из карантина в лагерь не доглядел и не воспитал. Не выяснил, кто порядочный человек, кто красный, а кто обиженный. Короче, пропустил в лагерь полных придурков. Для чего, спрашивается, ему давались три недели? Теперь с него следовало спросить. Спросить спросили, а замену ещё не выбрали. Вот администрация и пошла на беспредел в карантине. Справедливого контроля-то нет!

Спивак узнал об этом и только тогда понял, что имел в виду конвоир из воронка. Вот так! Это называлось: попал в пересменок. Но приход из карантина в лагерь совсем не значит – домой. Здесь своя проверка на вшивость, свои правила бытия. Так как ходка у Спивака была первая, его сразу стали качать на устойчивость все кому не лень. Начали баламуты. Они провоцировали новенького на ссору, задавали каверзные вопросы и требовали стандартные, принятые на зоне ответы. Один вежливо пытался заставить стирать его шмотки, другой – заправлять шконку, третий – поменяться местами. Всё это сопровождалось элементарным избиением ногами под милым названием «прописка». Правда, как и положено в таких случаях, били влёгкую, не облакачиваясь руками о шконку. Смотрящий по бараку обычно не лез в «рыночные отношения», но за этим важным обстоятельством следил всегда. Ведь бить ноженьками, опираясь на что-нибудь, и дурак сумеет. Отрядник – тоже себе не враг. Хотя уж этот-то был сотрудником администрации и должен проводить всякие разъяснительные беседы: ну там, о вреде курения и алкоголя, а также того, чтобы всякие там «безобразия не безобразничали». А на самом деле он ограничивался лишь подготовкой бумажек на комиссию по УДО. Так как очень любил это делать за деньги.

Прямолинейная логика событий постепенно превращалась в геометрическую прогрессию, и та уже неотвратимо влекла Владимира к самому святому месту в лагере, к сан-

части. Конечно, если бы он умирал и всё делал по понятиям, за него как один встряли бы все смотрящие на зоне. И по карантину, и по отряду, и по изолятору... Но ведь его просто попросили постирать, а он завёлся и грубо ответил. Так нельзя. Выдержка нужна. А её-то как раз всегда не хватало Спиваку. Слишком легко ранимый, да и гордый донельзя. Здесь выживали только те, у кого полностью атрофирована мимика и кто каждый божий день, вышивая на машинке рукавицы, умудрялся обозначить на них свой узор, хоть какой-нибудь, хоть крошечный... А у Спивака же всё наоборот! У него всё на лице написано. Такой не доживёт! Других спасала выдержка. И обязательное внутреннее глубинное противление тупому и однообразному образу жизни.

Всего в синяках, со сломанным ребром и ключицей, без верхних передних зубов и с порезанной шеей, Спивака наконец-то поместили в санчасть. Надо было очень постараться, чтобы туда попасть. Порой слабому зэку приходилось глотать всякую гадость, только бы его выдернули из отрядного ада межличностных отношений. Хоть на несколько дней.

Владимир неподвижно лежал на белой простыне. Но она всё равно постепенно становилась бурой от пятен крови. Шевелиться было нестерпимо больно, хотя его не били уже пять часов. Он смотрел в потолок, на белые крашенные металлические балки, и не верил этому. Не верил в действительность. Хотят повесить... На этих балках... Точно! Там как раз удобно. «Вот этот хочет», – мелькнуло в сознании у Спивака, когда вошёл санитар. Он инстинктивно съёжился. Тотчас острая боль пронзила его живот, потом ушла куда-то вбок и затихла.

Санитар – амбал в халате непонятного цвета – держал в руке мокрую тряпку, с которой стекала на пол вонючая жёлтая жидкость. Он достал из кармана три таблетки, положил их на тумбочку, потом уложил тряпку на горло Спивака около ключицы. Вязкая жидкость выползала из-под тряпки и растекалась по всему телу.

«Зачем это? – подумал Спивак, когда острый запах карболки заполнил всё помещение. – Это не исправит ни реб-

ро, ни ключицу...» От таких мыслей он обрадовался до невозможности. Надо же, он думал, воображал.

На память сразу пришло детство, его первое пребывание в больнице, после того как он объелся ложными личичками. Утренняя тарелочка с кучкой сахарного песку и кусочком масла. Не зная, что это понадобится потом для чая и бутерброда, он принял всё это за завтрак и начал через силу поедать. Незабываемое впечатление... Зато как раз в это время ему не пришлось сидеть в коридоре поликлиники вместе с одноклассниками и, слушая бормашину стоматолога, ожидать своей участи...

Сейчас бы он по полу дополз до зубного врача. Только бы он был... «А где этот?..» – Вовка с ужасом вспомнил о санитаре. – «Он наверняка ждёт где-нибудь рядом... Ждёт, когда я отключусь... Где? Где он?» – никого вокруг не было. Как ни силился Спивак крутить глазами во все стороны – никого! Он неподвижно лежал на медицинской шконке один на всю камеру.

Владимир Спивак расслабился, и на его глазах выступили слёзы. Боже мой! Ну неужели только так, только такой ценой ты делаешь справедливость? У него не было больше никаких других мыслей. Только эта. За последние несколько месяцев его жизнь круто изменилась и теперь она быстро и с необыкновенной лёгкостью ломала его характер, насаждала новые ценности и мотивации, закрепляла свежие рефлексы. Нет, нетерпимость не исчезла. Она по-прежнему питала основу его поступков. Но теперь будто кто-то непроницаемым коконом накрыл все возможные и невозможные проявления этого устойчивого чувства. Даже слёзы, появившиеся у него на глазах, собравшись в две крупные капли, не скатывались вниз по впалым щекам. Какая-то новая, ещё неизвестная ему мощная внутренняя сила противилась законам тяготения и не отпускала их.

Через минуту санитар опять вернулся. Теперь он привёл мужчину. Весь скрюченный, маленький, со сморщенным лицом пепельного цвета, очень большой человек медленно взобрался на соседнюю больничную кровать и наконец-то с протяжным стоном улёгся – как-то неуклюже, на правом

боку, спиной к Спиваку. Двое зеков, которые помогали санитару вести больного, поставили на тумбочку поллитровку с водочной этикеткой «Столичная» и положили пару плавленых сырков.

– Петро Игнатъевич, мы вот тут оставим вам... эта... бублиончика. Настоящий куриный, не жирный, – с особым пиететом пролепетали ээки. – Завтра ещё найдем. Что нужно, то и притащим из общей коробки. Может, лекарства какие от желудка...

Молодой надзиратель тихо стоял поодаль, безразлично глаза на суету осужденных.

– Благодарю тебя, Бур, – выдавил больной и, повернув голову в сторону высокого, лысого, с кучей всяких татуировок на руках и даже на шее, добавил: – Идите уже, я сам. Чуть что – сразу ко мне! Не смотрите, что прихватило. День-два, и пройдет. Я знаю...

Санитар сделал укол. И все тихо исчезли. Скрюченный поморщился, побряхтел и затих. Через мгновение он уже храпел. А Спивак по-прежнему лежал не шевелясь. Он не смотрел вокруг и никого не видел. Не было никаких мыслей. Одно тупое спокойствие безмолвно бодрствующего ещё живого существа.

Теперь вошёл смотрящий по санчасти. Его все знали. Самый любимый человек всех времен и народов. Его звали «Сталин». Он поморщился от запаха Вовкиной тряпки, потом внимательно осмотрел кровать его соседа, поправил одеяло, положил в тумбочку какие-то ампулы. Уходя, взглянул на Спивака, увидел его открытые глаза, остановился и произнёс.

– Ты смотри тут, шелупонь, не балуй, на... А то переведу в общую и аспирина не дам. Главный тебя, можно сказать, осчастливил, на... Понимать надо... В общем, на... сразу кричи, если что. Увидишь, что ему хуже – сразу кричи. Понял ты, на...?

Владимир глубоко вздохнул два раза, как делают в армейском строю перед троекратным, протяжным «Ура-а-а!», скривился от боли в груди и тихо, будто умирающий, коротко выдохнул: ...онял. – Букву «п» ему было не произнести.

Он по-прежнему лежал на спине и даже не догадывался, что этот, который рядом с ним громко храпел и охал во сне, может запросто, одним взглядом круто изменить его жизнь. Причем в любую сторону. Вовка, хоть и знал уже основы эковской иерархии, но представить, что рядом с ним лежит смотрящий по всей зоне, он не мог при всем своём желании.

А это действительно был главный зэк на зоне. Не «вор в законе». Нет. Этим на воле хорошо, а здесь, в лагере – главный именно он. Самый уважаемый – точно. Все знали про его жизнь в «Шестёрке» и пересказывали её друг другу, будто выдержки из букваря. А Спивак не успел узнать. Когда все время бьют, нет возможности впускать в голову другую информацию, кроме той, что хоть как-то связана с возможностью увернуться от очередного удара.

Петро Игнатьевич, как его называли осужденные, попал в лагерь на Чусовой семь лет назад. Никто из местных не знал, за что. Откуда – тоже покрыто мраком. Сидел ли он раньше? Поступил с воли или из другой зоны? Никто ничего этого не знал. Неправильного шлейфа за ним не было. Администрация тоже особенно не распространялась по его поводу. Так что вполне достаточен его авторитет здесь.

Все знали только одно. В карантине его не били, а попросту убивали. За то, что он по документам был злостным отрицалой. То есть ни на что не кололся и никого не выдавал. Он терпел до предела, понимая, что крайние меры надо использовать только в крайнем случае. И вот когда он уже не соображал, где находится и что с ним происходит, а из ушей, носа и рта ручьём текла кровь, интуиция подсказала, что момент настал. Будущий лидер «Шестёрки» нащупал языком припрятанную бритву и, разбежавшись, прыгнул рыбкой в окно. Головой он пробил два проёма и упал на землю. Весь изрезанный осколками, вскочил и для верности вспорол себе вены на обеих руках. Конечно, сотрудникам карантина на это было глубоко наплевать, хоть всё себе отрежь. Но брать на себя ответственность за труп никто не хотел. Поэтому нового зэка прекратили избивать,

заштопали порезы на руках и отнесли на носилках в санчасть. Только там, а не в карантине, как это положено, узнали о его язве желудка, которая иногда, особенно после таких встреч, запросто превращается в прободение, заражение, перитонит и ещё кучу всякой дряни, несовместимой с жизнью вообще, а в лагере на Чусовой в особенности.

Но этот жилистый, ссохшийся вор выжил. Он всегда выживал, в любых условиях. Терпение и выдержка, заложенные в нём, должно быть, ещё с детства, всегда спасали его, а уже позднее заставляли уважать. Как на «Шестёрке», так и раньше, в Нижнем Тагиле, а до этого в ростовском лагере, в ИТК-12. И под Ленинградом, у малолеток...

Через час начиналась утренняя поверка. Но она не касалась этих двоих. Они тихо лежали на соседних больничных шконках. Один, скрючившись, спал. Другой, тот, что смотрел в потолок, всё время чего-то ждал...

Смотрящий по лагерю поднялся вовремя, как и положено всем на зоне. С годами это вошло у него в привычку. Болен, не болен – всё равно. Он сам сделал себе укол и теперь сидел на краю больничной шконки, уставившись на соседа, и ждал, когда тот прекратит свои всхлипывания во сне и проснётся. Веки соседа дрогнули, через мгновение открылись глаза. Спивак глубоко вздохнул, и его тело сразу же затряслось от глубокого сухого кашля. Он только попытался приподняться, как острая боль пронзила его от головы до ступней.

– А ты совсем не изменился, Вова, – тихо, как будто рассуждая сам с собой, произнёс смотрящий. Сосед услышал.

– Вы ...меня ...наете? – спросил Спивак, плохо выговаривая слова и не поворачивая головы.

– Знаю, знаю. Тебя легко узнать. Я же говорю. Ты совсем не изменился. Так бывает... Когда легко живёшь... А вот ты меня не узнаёшь.

Вовка напрягся и, преодолевая тупую боль во всем теле, поднял руки, схватился ими за железные трубы, соединяющие шконки, и, потянувшись, повернулся к соседу лицом.

– Да. Я ...ас не ...наю.

– Конечно. Небось, списали и забыли. Может, тебе монолог Сида прочесть... по-французски? Или что-нибудь из «Незнайки в Солнечном городе»?

– ...или?.. Как так... – Спивак не узнал, он понял, что перед ним сидел Петька Филиппов. Живой Филя... Только совсем не похожий на него. Будто совсем другой человек узнал все про их жизнь в школе и теперь пытается выдать себя за Филиппова. Но зачем?

Филя. Неужели тот самый, худущий и неуклюжий, с большим белым воротником поверх форменной гимнастерки? Ну, точно! Хотя совсем другое лицо. Серое, в шрамах, одно веко опускается чуть ниже, больше прикрывая левый глаз. Нос... У Петьки был тонкий и длинный нос. А у этого приплюснутый и с кривой переносицей. Нет! Всё-таки это он. Тот же прищур глаз. Как у Ленина. Главный вор «Шестёрки». Самый уважаемый зэк в лагере...

– Фи-и-ля, – не сказал, а просвистел Вовка. Потом было видно, как он готовился и, в конце концов, выговорил по-французски: «Comment... ça va?». Его рот стал открываться, обнажая пустые верхние дёсны: тонкие полоски губ, синекрасные, с трещинами поперек, начали по очереди двигаться. Сначала верхняя, затем правая часть нижней, а уж после – левая. Получилось что-то вроде улыбки.

Вовка второй раз за два дня заплакал. В этот раз слёзы у него лились ручьём, и никакая сила не могла их удержать.

Чашка чая

Рассказ

Тот день для Сергея Богданова не задался с самого начала. Рано утром его разбудил телефон. Звонила бывшая одноклассница, Алёнка. Говорила из Владивостока, и было плохо слышно, успел только понять, что его соседка по парте вышла замуж. И всё... Их разъединили. После этого сумбурного, неожиданного звонка мысли сбивались в кучу и снова разбегались в суматохе. «Зачем звонила? – думал Серега. – Я-то здесь причем? Ну, дружили, ну, нравились мне её ресницы. И сейчас, наверное, тоже.... Владивосток-то тут при чём?..» В общем, что-то произошло, а что, он никак не мог себе уяснить. Это давило и мешало. Паршивое состояние усугублялось уже успевшим закрепиться чувством раздражения и недовольства собой, которое возникло сразу после тупого обзвона всех предприятий района об ожидаемом выполнении плана.

В десять утра весь аппарат районного комитета партии вызвали в зал для заседаний бюро райкома. Второй секретарь, без всяких вводных, словно обычную разрядку для инструкторов, начал объявлять адреса для посещений.

– Каких ещё посещений? Мало писем, что ли? У каждого штук по двадцать. И всё со сроками, и всё с выездом, – тихо прошептал заведующий промышленным отделом, но достаточно громко, чтобы его слышали свои. Он явно переживал за доклад на пленуме, который был поручен его отделу, и просто не мог себе представить, как это все его инструкторы и даже заместитель возьмут и уйдут куда-то на целый день.

И так они два раза в неделю приходили только к двенадцати. Каждый имел поручение контролировать ход строительства своих двух девятиэтажных домов, что возводили в новом микрорайоне. Осенью все целыми днями напролёт ходили в резиновых сапогах по колено в грязи, подогнув брюки и таща с собой на шнурках через плечо чистенькие ботинки. Следили, как «итээры» районных предприятий собирают морковку в подшефных совхозах. Весной – как скальвают лёд на мостовой, где вот-вот должен был проехать первый секретарь обкома.

«Второй» монотонным голосом продолжал формулировать задачу. Кому конкретно нужно будет идти и по какому адресу, чтобы донести информацию населению. Он скрупулезно вычёркивал из текста таблицы только что озвученное.

Оказалось, нужно посетить пятнадцать квартир и проинформировать жильцов о гибели родственников. Самолёт, видите ли, ночью разбился под Ленинградом. В самом деле, не по телевизору же об этом говорить. Тогда это событие. А так... ребята сбегают, «потрясут мордой», глядишь, погасят...

Так всегда. Если что-то не поддающееся систематизации, что-то внезапное, не запланированное или с неба свалившееся, – значит, райком крайний. А как же? Значит, не всё учли! Аппарат, ноги в руки и вперёд.

По первому адресу, выданному Богданову для посещения, никого не было. Быстренько, семеня маленькими шажками и боясь спугнуть пруху, он направился к другому. Позвонил. Открыл низенький мужчина средних лет. Часов двенадцать, а тот явно навеселе. В комнате слышны голоса. Пять человек сидели за столом и пили. Какое-то торжество: на столе бутылок больше, чем посуды.

Сергей отозвал мужчину, открывшего дверь, в кухню. Там ещё две женщины вертелись у плиты. Из комнаты слышались голоса: «Куда ушёл? Иди сюда. Кто там приехал? Молодой папаша, наверное. Наконец-то». Но мужик видел, что это совсем не «папаша».

– Чего тебе, парень? Кого надо?

– Да я из райкома...
– И что? С нами с утра выпить пришёл?
– Да подождите вы. Меня к вам послали...
– Так выборы уже были...Ты чего!
– Пётр Васильевич Ложкин тут живет? То есть я хочу сказать, он погиб сегодня... Вот.

Мужик резко замолчал. В его голове начали постепенно совмещаться два необычных события в один день: торжество и приход вот этого...

– Что значит?.. Ты чего? Где Петька?
– Самолёт разбился сегодня рано утром на подлёте к Ленинграду, – и, как бы подтверждая это, Богданов открыл своё удостоверение инструктора райкома партии и сунул его мужику в лицо. – Я же говорю, я из райкома.

Сергей вдруг подумал: «Получается, будто если райком, то должны поверить в смерть близкого человека, а если, к примеру, исполком совета народных депутатов – то ни в жисть! Пожалуй, тут сработает любое удостоверение. Так приучены. Хотя, ведь случись что – так сразу звонят в райком дежурному».

– Постой! Ты чего? Да кто ты такой, что бы нам говорить такое? – не унимался родственник. – Катя! Лена! Идите сюда. Да скорее же. От кухонной плиты подошли две молодых женщины. Богданову пришлось снова всё повторить. Только теперь на него, не мигая, смотрели три пары вытаращенных глаз.

– Вот номер телефона. Вы можете туда позвонить. Вам всё скажут, – пробубнил Сергей, – мне нужно идти, извините.

Инструктору показалось, что в глазах слушающих его людей испарилось прежнее веселье, затем слетела и дымка недоумения. Вместо них появился страх, неверие и агрессия. Мужик, открывший ему дверь, обошёл Сергея и закрыл собой входную дверь.

– Нет, ты постой. Я не понял... И что дальше? Ты давай, говори: что, почему, куда идти?.. Вон им говори, – мужик показал на сидящих за столом. Там, наверное, были родители и молодая жена. – А то суёт мне ксиву свою... Ишь, в галстук! Пришёл, насрал и бежать!.. – Мужик стал живо-

том заталкивать Богданова в комнату, потом выхватил у него из руки удостоверение и бросил на кровать. – Нет, ты глянь, Клава, чего вытворяют! Посмотри, посмотри! – кричал мужик и всё время кивал головой на валявшиеся на подушке райкомовские «корочки». – Ходят тут по домам и жизнь поганят.

– Да помолчи ты, – тихо и с угрозой в голосе произнёс пожилой мужчина, видимо, отец того, что разбился. – Клава, угомони этого. – Он поднялся из-за стола, подошёл к кровати, взял удостоверение и, не рассматривая его, направился в сторону Богданова. Потом остановился напротив и долго смотрел на Сергея, в упор, не мигая. Только глаза у старика становились всё уже и уже, а нижняя губа, подрагивая, медленно наезжала на верхнюю. Изредка он резко поворачивал голову в ту сторону, где пожилая женщина, должно быть, его жена, бесполезно суетилась, пытаясь встать из-за стола, и уронила на пол пару бутылок. Рядом с ней стояла Клава. Она редела и орала одновременно.

– Дядя Вася! Дядя Вася! Не слушай этого... Не слушай! Вот сволочи! – она снова заревела и начала размахивать кулаками, будто сражается с нечистой силой. – Тётя Клава... Ты-то хоть не слушай. Вот поганцы... Вот говнодавы. – Она даже не смотрела в сторону Богданова, хотя и продолжала махать руками.

Левой рукой старик держал лацкан своего пиджака с разноцветными колодками орденов и медалей, а правая, опущенная вниз, держала райкомовскую ксиву.

«Сейчас ударит. Прямо удостоверением врежет. Да уж лучше пусть бьёт, чем смотреть как на...» – Богданов не успел придумать, на кого он сейчас похож, и инстинктивно сжался.

– Иди, парень, – резко произнёс старик. Он махнул рукой в сторону дверей. – Ты, наверное, даже не понимаешь, что ты сейчас наделал. Так вот просто пришёл, и... – Старик затряс головой и ещё сильнее замахал рукой. – Иди, иди отсюда. Не знаю, кто ты такой, и не хочу знать. Но то, что ты делаешь сейчас... Я даже не пойму, как это называется. Так не делают... Это не по-людски!

Сергей повернулся к дверям. Что-то говорить было бессмысленно. «А, чёрт!» – вспомнил он про своё удостоверение. В это время парень, открывший ему двери, вдруг оказался совсем рядом и ногами вытолкнул Богданова из квартиры.

– Вали отсюда, говнюк в галстук. И без тебя, охламона, всё узнаем. Правда, батя? По ящику скажут. Как положено. Может, всё и не так вовсе. Ишь, засранцы всякие ходят... Верьте им, люди!

Сергей сбежал по лестнице с четвёртого этажа за несколько секунд, а потом долго стоял внизу. Его колотило. Это походило на занятие палача. В первые мгновения на тебя смотрят именно так. Ну, как же? Был человек, а ты приходишь и объявляешь, что его нет. Вроде как ты и виновен в этом. Как почтальон во время войны, когда он приносил похоронку. У того хоть похоронка имелась, а тут... одни слова. Тогда у всех было одно большое горе, и многие видели, как другому приносят страшную весть. «Но почему райком? – не унимался Богданов. – Почему не депутаты, например. Их все-таки выбирали и вообще-то должны знать... Понятно, если бы из Афгана. Тут уж военкомовские ходят. Они брали – они и возвращают. А здесь... Получается вроде как, если партийные работники ходят по домам и разносят, то значит партия и виновата... Удостоверение-то как? Надо вернуться... Затаскают ведь!»

На четвёртом этаже открылась форточка, и через мгновение на снег прямо перед Сергеем упали его «корочки».

В последнем адресе была пожилая женщина, мать того, кто погиб. Как только Богданов появился в дверях, комкая в руках свою ушанку, и ещё не успел ничего сказать и показать, женщина застыла на месте и через несколько мгновений тихо заплакала.

– Я знала, я чувствовала, всю ночь не спала. Ведь что-то случилось? Да? Что-то с Игорьком? Где он? Что-нибудь с самолётом?

Сергей молчал, опустив голову, и думал: «Вот уж глупо говорить, что ты из райкома». Просто неожиданность его прихода совпала с тем, что матери погибшего привиделось

ещё ночью. Ей не нужно было большего. Женщина стояла в дверях и громко плакала. Открылась соседняя дверь, и какой-то мужчина средних лет с длинными рыжими волосами осторожно высунул свою голову, осмотрел вокруг, остановил глаза на плачущей женщине, потом на Богданове и тихо закрыл дверь.

«Сейчас милицию вызовет, – подумал Сергей, а у него никакого документа нет о катастрофе. – Скажут, ходит, пугает людей...» Милиция вообще любила задерживать всяких с удостоверениями. Особенно, когда ими начинали размахивать.

Женщина вдруг быстро повернулась и вошла в комнату, взяла чёрный вязаный платок и завесила зеркало, что висело на стене в прихожей. Прошлась, посмотрела вокруг безразличным взглядом: на самодельный приёмник на подоконнике, фотографию сына с невесткой на комодке... Вернулась и сняла платок с зеркала. Потом опустилась на стул и, ничего не говоря, взяла со стола ещё горячий чайник, наполнила кипятком две чашки, подвинула ближе к центру стола стеклянную корзиночку с тремя соевыми конфетами «Батончик в шоколаде» и тихо произнесла: «Посидите со мной».

Сергей снял шапку, присел на краешек стула и принялся, обжигаясь, пить кипяток. Он не осмеливался поднять глаза и даже подумать о том, что это не чай. Так, молча, и сидели, наверное, минут десять. Милиция не появилась.

– А вы точно знаете, что с Игорьком? Вы сами видели? Может, и ничего пока? – быстрым, срывающимся голосом заговорила женщина. Ответов она не ждала, только всхлипывала и время от времени подносила к влажным глазам белый платок.

Женщина рассказала, как ещё в конце тридцатых забрали её мужа, простого инженера, как она одна выжила в блокаду, как потом, уже в пятидесятых взяла на воспитание мальчика из детдома...

– Ведь никто больше ничего не скажет, правда?

Сергей закрыл глаза и покачал головой.

После таких походов Богданову совсем не хотелось думать ни о каком-то развитии предприятий, совершенство-

вании форм и методов партийной работы или о выполнении решений очередного пленума ЦК. К вечеру все, кого посылали, вернулись в райком. Об их эмоциях или тех, к кому их посылали, никто не интересовался. Докладов о выполнении поручения тоже не требовалось. Все были заняты Делом. Слышали только, что инструкторшу орготдела прямо из адреса забрали в Свердловку с сердцем. Родственники погибшего – ничего, а она вот так. Ещё одного инструктора из их отдела чуть не забрали в милицию. Но он сам справился.

Рабочий день продолжался.

Уже больше получаса в коридоре райкома сидела пожилая женщина с гладко зачёсанными седыми волосами, в тонких очках и с маленьким потёртым портфельчиком на коленях – профессор, доктор наук, член партии. Она ждала ответственного за её выступление на пленуме. Богданов – кандидат географических наук – ему и «карты» в руки, он отвечал за выступления учёных и вообще всякой интеллигенции.

Впопыхах открывая дверь, здороваясь и извиняясь за опоздание, Сергей предложил женщине войти в кабинет и присесть. Он взял текст её выступления. В общем-то, для неё это было дело привычное. Всегда лучше, если посмотрит кто-нибудь из райкомовских, а то потом хлопот не оберётся.

– Я тут вначале сказала про Брежнева, назвала все его должности... – начала было профессор.

– Да, да, конечно, спасибо, – проямлил Богданов, понимая всю убогость этого «спасибо». Но увидев, что Брежнев упоминается только один раз, он напрягся. Требовалось два. В начале и в конце выступления. Правда, называть все регалии можно только один раз. И всё-таки...

Сергей знал, как наиболее искусные мастера в горьком умудрялись в пятиминутном выступлении своих подопечных ввернуть слова про Брежнева аж три раза. Причем так, что этого почти никто не замечал. Настолько хорош был текст. Не просто «Как сказал Генеральный секретарь, Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР Лео-

нид Ильич Брежнев» и далее по тексту то, что он сказал, а изоощрённо, с изяществом. Сначала то, что требуется озвучить по существу, а уж после: «Так учит партия и к этому нас призывает её генеральный секретарь...» Получалось ненавязчиво. Вроде бы это и не его слова. Остальное чаще всего никому не интересно.

«Однако это прокол, – подумал Сергей, вспомнив про Брежнева, – потом не отмажешься».

Инструктор сидел за своим столом и смотрел на известного учёного. Она что-то говорила про науку, про свой институт, про выступление... Он её практически не слышал. Его сознание было переполнено сегодняшним походом по квартирам и всякой белибердой про аппаратные идеологические ухищрения. Да ещё Алёнка... Зачем она звонила-то? Все резервы психики для накопления отрицательных эмоций были истрачены. Ещё немного, и он не будет успевать гасить их проявления выдержкой.

Рассказывать пожилой женщине правила поведения на пленуме, все эти уловки и ужимки «орговиков» и «идеологов» – просто абсурдно, да и стыдно. Тем более что она так похожа на ту, с которой он совсем недавно молча сидел и пил «чай».

Инструкция по делопроизводству

Рассказ

Через три года работы Богданов стал ясно отдавать себе отчёт: всё, что его окружает в аппаратном сообществе, – враждебная среда, а все, кто вокруг него, – чуть ли не враги. Никто никогда не придёт и не скажет: «На, Серёга, возьми текстовку для доклада» или «на, „жуй“ новые цифры по предприятиям»... Никто не ринется, сломя голову, вместе с тобой исполнять поручение руководства, даже если его фамилия стоит в перечне ответственных. Слишком быстро любой живой организм постигает простую до боли истину: из всего длинного списка отвечает только тот, чья фамилия стоит первой, остальные – так, для удобства работы.

От каждого нужно ждать только плохого. От заявителя – повторного письма, от соседей – двукратной жалобы по абсолютно любому поводу, от коллеги – конкуренции в росте, от начальника – кучу дел, от секретаря парткома «первички» – ошибок, от директоров предприятий – письма от районного КГБ о том, что Богданов, мол, встречаясь и беседуя с должностными лицами предприятия, затрудняет проведение контрразведывательных мероприятий на закрытом объекте.

Поэтому первое, что само усердно закреплялось в психике Богданова, – обостренное чувство опасности и способность её чувствовать по малейшим нюансам поведения окружающих, по мимике, запахам, звуку. По всему тому, что может двигаться и изменяться. А главное, ни во что не вмешиваться и, случись что, переходить на другую сторону улицы.

– Не выделяться! – кричал на непонятливых новеньких Соколов, начальник отдела райкома партии. – Никогда не высовываться. Если прокол – немедленно стать «прозрачным»! Иначе это «наглость». Ну, кто ты есть такой? – Спрашивал он, подражая Чапаеву. – Ведь не руководитель коммунистов, а всего лишь их инструктор. У тебя нет никакой власти. Ты ничего не можешь приказать или решить. Только советовать и контролировать. Советовать и контролировать... Но что занимательно? В чём таинственность и, должно быть, радость нашего существования? А в том, что эта самая власть мгновенно возникает из ничего, как только твоя бумажка будет подписана тем, кто её имеет... В этом момент истины! И ещё: умудришься ты сохранить человеческие качества, находясь в нашем серпентарии или нет.

Правда, к пониманию истины каждый приходил в своё время, кто быстрее, кто медленнее. А кто-то с нулевой скоростью... Заторможенность лихо компенсировалась. Такой вылетал наружу будто пробка от шампанского. Только ответственные товарищи из орготдела её всегда придерживали рукой, чтобы слишком громкий звук лишний раз не идентифицировал их ошибку при подборе кадров. Тем не менее неприятный и приглушённый звук надолго оставался в памяти всех, кто был рядом.

Кто, когда и кем станет? Известно почти что сразу. Но только руководству. Все зависит от набора твоих личностных качеств, биографии и от отсутствия проколов. Вот Соколов, например, из рабочих. Он точно мог бы дослужиться вплоть до члена Политбюро. Но сорочки, сорочки не те носит!

– Определённость, как вы понимаете, дорогого стоит, – шеф любил повторять эту истину потому только, что почти всем и почти всегда хотелось всё знать наперёд обо всех и о себе родимом, в особенности. – Ты сейчас об этом ничего не должен знать! – Обычно говорил Соколов, завершая тему о будущем. – Кроме того, что ты ничего не должен знать! – Ему нравилось цитировать Вайса – Белова из кинофильма «Щит и меч».

Чтобы не иметь проколов, нужно меньше суетиться и чётко выполнять только то, что поручено. На любом посту.

Да и посты-то ты получаешь лишь для реализации понятия «расстановка». И где бы ты ни проходил эту самую «расстановку», главное, чтобы в конце концов ты стал «изотропным», то есть по всем направлениям одинаково гибким и понятливым. Тогда тебя можно с легкостью встроить в сложную конфигурацию следующего «эшелона» вертикали власти.

На каждой ступеньке твоего роста – вездесущие идеологические и организационные отделы. Они фиксируют и анализируют все твои поступки и проступки, все проявления чего-то необычного, нестандартного, из ряда вон выходящего. Вроде и несложная у них работа, но походи догадайся, к примеру, какой ширины должна быть чёрная траурная лента на хрустальной люстре или минимальный размер белых букв на красном транспаранте метр на три. А если два на восемь? Узкая лента – явный факт неуважения к «видному» деятелю. Даже если он не «выдающийся», а пока только «видный». Всё равно! Слишком маленькие буквы – вообще кошмар! Тут и неуважение, потому что никому не прочитать, тут и косвенное подтверждение отсутствия руководящей роли партии в лице райкома и принижение им значения решений очередного пленума ЦК.

Позднее Богданов поймет, что всё это благообразие работает только в центре. Как оно выглядит в глубинке, он ещё не видел и даже не догадывался.

А в огромном живом организме под названием Государство проходила своя игра. Ушёл один выдающийся деятель, на его месте появился другой, пока ещё только «видный» Новый начал с дисциплины и, в частности, с партийного набора в КГБ. Как когда-то очень давно, после смерти Ленина, на село отправили двадцатипяти тысячников – коммунистов из городов, с заводов и фабрик, так и теперь...

Спустили разрядку и в райкомы. Забирали Богданова. Во-первых, потому что замзав. С другого уровня сложнее: пришлось бы искать соответствующую номенклатуре должность в органах. Во-вторых, кандидат наук, причем его первая специальность была связана с ядерной физикой. Иностраный язык опять же.

Но, как и везде, в так называемых силовых структурах всегда есть какая-нибудь слабина. Это когда одна маленькая деталь может всё перевернуть.

– Вы согласны идти к нам работать? – Спросил Богданова полный мужчина в форме с генеральскими погонами.

– Да! Согласен. Это большая честь и... доверие.

– Вы понимаете, что это совсем другой вид деятельности, придётся учиться?

– Да! Понимаю. Я готов.

– Как у вас со здоровьем?

– Да!.. То есть здоров...

Генерал наконец-то поднял глаза и внимательно посмотрел на работника райкома партии, потом на капитана, что стоял рядом, и сказал: «Проведи-ка его по нашим медикам».

Один Серегин глаз видел чуть слабее другого. Чуть-чуть. Половина диоптрии. Но, наверное, как раз тот, который больше всего нужен для того, чтобы прицелиться. Вот и всё! Затрещали всюду утвержденные планы-графики подбора кадров. Пришлось направлять запрос в Москву, испрашивать разрешение на нарушение какого-то пункта инструкции «по глазам» будущих агентов.

В общем, пока суд да дело, пока делали запрос, пока ждали ответ, жизнь не может стоять на месте. Богданова через ЦК послали в командировку.

В Афганистан. Помощником советника по партии.

Это была командировка на три месяца. Три недели в Москве на специальных курсах и два месяца в Афганистане. В Кабуле начальство с Богдановым особенно не церемонилось. Уже на следующий день мушаверы-советники провели с ним собеседования, инструктажи, в том числе по технике безопасности. В ЦК Народно-демократической партии Афганистана Сергею показали его будущего начальника, бывшего первого секретаря одного из московских райкомов партии, ознакомили с документами. Выдали «калашников», «макаров», массу пропагандистской литературы на русском языке. Ну и, конечно, поставили первоочередные задачи...

Потом со всем багажом его вместе с начальником втокнули в «вертушку», и через два-три часа они уже в мест-

ном аэропорту в тридцати километрах от Кандагара. В этом городе в одном из домов на окраине им предстояло провести целых два месяца.

Моджахеды здесь почти не воевали, а только отработывали американские деньги. Днём на полях гнулись, мак окучивали, а как стемнеет, начинали постреливать. Стреляли и днём, но как-то не зло, чтобы не всех поубивать, а то не за что зарплату будет получать.

Так уж повезло и советнику, и его помощнику. Там, где они жили, скорее можно было получить пулю или гранату в окно от «своих», от крайне радикальных представителей другой фракции НДПА – пуштунов. И это всякий раз, как только местный комитет решал что-нибудь не так, как тем хотелось бы. А в комитете большинство из другой фракции – «парчам».

Жил Сергей вместе со своим начальником в маленьком неприметном каменном доме с одной комнатой, с одним входом и двумя окнами. Так решил советник: «Главное – не в гостинице. Там нас быстренько разыщут все, кому нужно и кому не нужно». Дверь в доме была заколочена и изнутри обложена мешками с песком. Окна прикрыты железными листами. Только одно окно могло открываться. Прямо в доме на земляном полу советник раз в неделю жёг всякие документы. На это время окошко осторожно приоткрывали. Застоявшийся гнилой запах сразу разбавлялся врывающимся снаружи горячим воздухом. А Богданов через щель в окне рыскал глазами из стороны в сторону – не видит ли кто струйку дыма из-под крыши их неказистого дома.

Через это окно, кстати, советник и выходил наружу, прямо в подошедший вплотную к окну бронетранспортер. А Богданов оставался в доме печатать бумаги на маленькой пишущей машинке «Аурика» и рисовать всякую ерунду. Запас бумаги имелся небольшой. Но советник каждый день его обновлял. Листы были очень тонкими и даже почти прозрачными, зато копирок хватало, хоть отбавляй. Можно было пять-шесть экземпляров сразу набирать. Столько бумаги он ещё не изводил за всю свою жизнь. Для

Сергея это означало только одно: хотят этими его бумажками заставить людей жить по-новому...

Совсем рядом располагались и крайне напряжённые участки. Совсем рядом был героизм, а куда от него, проклятого, деться. Но больше всего Богданова и его начальника напрягал повседневный быт. Туалет внутри дома, прямо в полу простая яма. От жары и вони никуда не спрятаться. Ещё советник хоть иногда попадал в большие кабинеты с кондиционерами, а здесь сдохнуть можно! Чистой воды очень мало. Только чтобы пить. Для мытья – совсем другая. Цвета хаки. А ещё вши, блохи... Водка не помогала! Ни снаружи, ни внутри.

Новая жизнь на новом месте для Сергея началась с того, что ему сказали: «Не надо из дома выходить наружу. Ни к чему это!» Нужно всего несколько месяцев поработать по специальности – помочь советнику по партии готовить выступления для него или для местного руководителя НДПА, заполнять разные клеточки со схемами, рисовать структуру организации партии в областном центре, инструкции и строчить отчёты своим. Из местных можно общаться только с переводчиком, руководителем партийной организации и с его заместителем.

С советскими армейскими офицерами лучше не встречаться. Не любили они советников. Да и не особенно различали, военный он или политический.

Поздно вечером советник возвращался и заходил в дом тем же способом – через окно. Он привозил еду, бумагу и чистую воду. Это главное. Они вместе смотрели подготовленные Богдановым документы. Советник аккуратно складывал их в свой железный портфель. Потом ужинали. А перед сном, постепенно уходя в расслабленное состояние, временный начальник долго рассказывал Сергею все премудрости их работы.

Из ночных разговоров Богданов понял, что проблема состояла в том, что никакой коммунистической партии в Афганистане в общем-то и нет. Она, как таковая, почти никогда и не существовала. Сразу же после создания, в шестидесятых годах, раскололась на две части, причём ни

той, ни другой фракции не удавалось создать себе базу среди верующего мусульманского населения.

– Когда ввели наши войска, здесь сразу же появилось много всяких советников, – рассказывал бывший секретарь райкома. – А недавно – один за другим в Кабул стали прибывать спецы по партийному строительству. Вроде как помогать делать партию.

– А нашего «Первого» забрали в Узбекистан. Мы думали, потащит всех за собой. А он вернулся и взял только районного судью, прокурора и военкома.

– Там не лучше. Тоже надолго, и точно так же могут шлепнуть, – откликнулся советник и продолжил. – Ну там хоть свои... А у этих много лет не было даже Устава. Тоже мне, партия! Никаких правил, инструкций, принципов. Да! Пока не забыл. Инструкцию о делопроизводстве не забудь завтра отдать мне перед отъездом.

– Да сделаю, конечно! – ответил Сергей, понимая, что это вежливая форма приказа работать всю ночь.

– Знаю только, – продолжал советник, – что не можем мы установить власть здесь. Не с кем. В центре ещё куда ни шло. А в провинции – полный бардак, – советник покачал головой и что-то промычал про себя. Сергею показалось, что услышал мат.

Уставший, намотавшийся за день секретарь райкома ещё долго рассказывал Богданову обо всём наболевшем, пока он находился здесь, за рекой Аму-Дарья. Он был слишком откровенным. Наверное, ежедневные и вполне реальные опасности уже необратимо зашунтировали его осторожность, привычную для всех отечественных аппаратчиков. А Сергей после того, как советник вырубился, прежде чем приступить к написанию инструкции о делопроизводстве, ещё долго размышлял над его словами.

За стеной дома послышался топот копыт и приглушенные голоса на пушту. Сергей мгновенно накрыл тряпками перевёрнутую табуретку, где стояла керосиновая лампа. Он вскочил и бросился к окну. Чуть отодвинув железный лист, сквозь узкую, почти незаметную щель посмотрел наружу. Там было темно, но по громкому дыханию лошадей и бря-

цанию оружием он понял, что метрах в ста от их дома толпились моджахеды, человек сорок. В том месте находилась гостиница, где жили начальники отделов местной партийной организации, несколько военных советников и всякие приезжие из столицы. Богданов увидел яркие вспышки от выстрелов и только потом услышал автоматные очереди.

Советник уже стоял рядом. Как только зазвучали выстрелы, он мгновенно проснулся и уже успел занять место у окна возле Сергея. Здесь же лежали всегда готовые два автомата и четыре гранаты.

– Ну что, написал инструкцию? – Неожиданно спросил начальник, наблюдая через щель в закрытом окне за передвижениями моджахедов. Те продолжали стрелять по окнам гостиницы, но в саму гостиницу входить боялись.

– Какую ещё инструкцию?

– Про документооборот...

Советник нервно засмеялся и принялся в потёмках шарить руками по полу в поисках железного портфеля. Наконец он его нащупал, открыл и вытащил телефонный аппарат космической связи и антену.

– Консульство? Дежурный?.. Это пятнадцатый... У нас нападение на гостиницу... Мы в порядке... Да... Нет, не обнаружили... Ждём. – Советник сложил телефонный аппарат и оставил его рядом с портфелем.

«Вот почему железный, – сообразил Сергей, – а я-то думал, чтобы мои бумаги не сгорели...»

Они лежали на полу у окна и ждали. Абсолютно мокрые. То ли от жары, то ли от страха. Богданов, хоть и готовил себя психологически к подобным ситуациям, тем не менее всерьёз их не воспринимал. Он просто не мог поверить, что всё это происходит наяву. С ним!.. Он же не выходил никуда, как приказывали, ни в кого не стрелял, вообще, войну видел только в кино.

Они лежали, положив головы на «калаши», и ждали, что будет дальше. Завяжется бой или моджахеды, как обычно в этих местах, постреляют и уйдут. Они ждали своих и старались не думать про то, что их могут увидеть, или, ещё хуже, – уже знают про их «крепость». Вот сейчас закончат

с гостиницей и перейдут к ним... Что такое два автомата против этой своры с ног до головы вооружённых и накурившихся вояк?

Но завязался бой. Стрельба усилилась. Уже горело левое крыло гостиницы. Из окон прямо под автоматные очереди начали выпрыгивать постояльцы. Было хорошо видно, как люди бежали в разные стороны, как упали человек пять и уже не вставали. Моджахеды начали стрелять из пулемета. Видимо, понравилось. Слева, на стене соседнего дома, освещаемой огнём от пожара, промелькнули две тени. Двое, низко согнувшись и не отстреливаясь, бежали в их сторону. Вспышка от разорвавшейся гранаты на мгновение осветила бегущих. Богданову показалось, что это были русские, с непокрытыми головами, правда, не в армейской форме, а в одинаковых тёмных пиджаках. «Почему в одинаковых?» – мелькнуло в голове Сергея. Всё внимание сосредоточилось на том, когда те двое окажутся рядом.

Богданов, не спрашивая начальника, чуть отодвинул лист железа на окне и крикнул в темноту: «Сюда! Быстро!»

– Только не вздумай стрелять, – сказал советник, положив свою руку на Серёгин автомат. Через мгновение двое оказались внутри их убежища.

– Ну и вонища! – первое, что услышали на русском языке Богданов и его начальник, и только потом: – Кто такие?

– А вы кто такие? – спросил советник.

– Мы из гостиницы, – напыщенно произнёс один из гостей, тот, что был повыше ростом и с усами. Видимо, главный. Он сразу, как только проник в помещение, лёг на землю сбоку от окна, окинул взглядом убогое убранство берлоги, увидел пачки бумаги на кривом столе, пишущую машинку и теперь внимательно вглядывался в хозяев случайного убежища. В руках у него оружия не было. У второго – тоже. – А вот вы наверняка «политические» – заключил «главный». – Я всегда чую, когда за спиной ровное дыхание нашей родимой партии. – Потом, будто вспомнив о чём-то важном, он резко повернул голову в сторону своего напарника: – Саня, ты посматривай. Они скоро уйдутся...

Тот, кого усатый называл Саней, лежал с другой стороны окна, рядом с Богдановым. Он и так всё время, не отрываясь, глядел на площадь перед гостиницей, оставив своему начальнику бремя дипломатических переговоров с хозяевами. В это время «главный», заметив аппарат для связи, потянулся к нему...

– Не наглей, товарищ, – наконец-то вымолвил советник.

– Нужно сообщить, – оправдываясь, сказал усатый.

Богданов переглядывался с советником и, не говоря ни слова, мысленно рассуждал. «По повадкам, по наглости в поведении и по уверенности угадывались военные. Форму могли не успеть надеть... Хотя надели же костюмы... Не из наших – это точно. Советник бы знал. Ишь ты. Без оружия вроде как... Может, особисты из гарнизона. Или приезжие. Всё равно – не иначе – чекисты».

Вот так с полуоборота и те, и другие вычислили друг друга. Опыт. И обостренное чувство опасности. Оно, как ничто другое, быстро прогоняет мысль по всем извилинам и выдаёт результат.

– Сообщили уже. Ждём-с, – встрял Богданов. Он поднялся со своего места у окна и направился в сторону наглого гостя. Советник в это время от греха подальше стал укладывать телефон в портфель. А напарник усатого, слушающая весь этот разговор и непрерывно смотря в щель в окне, уже понял, что они попали к своим. Только одно, казалось, не давало ему покоя. Он всё время морщил нос и крутил головой, будто отворачивался. В этой, случайной для них крепости, всюду пахло дерьмом и гнилью...

Минут через пять, хоть и казалось, что прошло не меньше получаса, бой за железным листом в окне стал затихать. В щель было видно, как моджахеды сворачивались и уходили за окраину города. Дело своё они сделали, денежки честно и результативно отработали. Можно расслабиться.

Тот, что оставался смотреть у окна, повернулся в сторону керосиновой лампы, потянулся и даже зевнул. Наверное, у него это было нервное. Лампа, прикрытая почти со всех сторон тряпками, наброшенными на перевёрнутую

табуретку, бросила луч тусклого света на Сергея, подбирающегося к главному гостю.

– Постой-ка. Дай отгадаю, – усатый остановил глаза на Богданове и теперь уже не отпускал его из поля зрения. Концы усов вдруг приподнялись, в сумерках затемнённого помещения ослепительно засияли безукоризненно белые зубы.

– Вот это, к примеру, явно Серёга... И я даже знаю его фамилию...

– Лиса... Дурило! – Теперь и Сергей вспомнил, где он видел раньше такие усы. Ну, не у Хусейна же.

– Почему же сразу дурило?

– А чего шляешься где ни попада?

– Вот те-е раз! Почему это где ни попада? Как раз там, где нужно. Подожди-ка... Как там? Если люди идут вперёд по большаку, а не виляют потаёнными тропами...

– Они обязательно встретятся... Ну, ты... – воскликнул Сергей, и они обнялись. Потом тихо засмеялись и в то же мгновение оба вдруг тихо засвистели известную мелодию из кинофильма «Добровольцы».

– Значит так, приятели, – советник вдруг вспомнил, что он всё-таки первый секретарь райкома партии, а не какой-нибудь рядовой чекист или даже начальник районного управления КГБ. – Я так понял, что снаружи всё завершилось. А посему даю вам пять минут на трепотню, и расходимся. – Он встал и для пущего авторитета поднял с земли автомат. – Мы вас не видели, вы – нас. У нас свои инструкции. А ваши... Ну, они ещё хуже... Вдруг помощь подоспешет... Потом не отпишемся.

Лисочкин понимающе посмотрел на советника, потом повернулся к своему Саньке, поднял указательный палец и, улыбаясь, потряс им. Мол, партия всё верно говорит. А то как же!

Юрка и Серёга сидели на корточках, как настоящие афганцы и, не видя ничего вокруг, предавались воспоминаниям. Они говорили одновременно, но, тем не менее, слышали и понимали друг друга. Они выравнивали свои информационные базы данных про одноклассников. Привычное

дело. Вспомнили всех, быстро, без эмоций, будто делали работу. Ровно за пять минут.

Через пять минут неожиданные гости встали, сдержанно попрощались с хозяевами, пожав друг другу руки, потом Сашка отодвинул железный лист, и они оба растворились в темноте.

«А что? Разве не молодец мой „первый“? – в который раз подумал Богданов, – ещё какой молодец! Голова! Никого не слушал и всё время повторял ещё в Кабуле: „Гостиница не нужна. Будем жить отдельно, в каком-нибудь заброшенном и полуразрушенном доме. Хоть в помойке“».

– Причём тут инструкция-то? – вдруг вспомнил Сергей, когда закончил мысленно восхвалять своего начальника.

– Да это я так... Всё-таки оружие массового поражения... Сколько наворотили этой бумажкой... Пустячная замена двух строчек в Уставе! И всё! Партия перевернулась с ног на голову. Когда в одном месте и подготовка решения, и контроль, то обязательно жди сначала нарушений, потом – коррупцию и, в конце концов, кризис... А с этим... – советник показал на окно, – учились вместе? Нагловатый парешок.

– Один двор. Один класс, – ответил Богданов. – А судьбы... – Он вспомнил, что ему только что сказал Юрка Лисочкин про их детского друга Вовку Спивака, и замолчал.

Свои в ту ночь так и не подошли. Гостиница вся сгорела. Погибших подобрала местная полиция. Утром военные из гарнизона подъехали на газике. Двое вышли, походили, посмотрели, ничего не сказали и уехали. Вокруг того места, где стояла гостиница, ещё долго болталась местная детвора.

Реликтовое излучение

Рассказ

После эры рекомбинации материя стала прозрачной для излучения, которое, свободно распространяясь в пространстве, дошло до нас в виде реликтового излучения.

Шкловский И.С. Звезды: их рождение, жизнь и смерть. М.: Наука, 1975

«Системное мероприятие» шло полным ходом. Все собрались в гараже, рядом с домом, где жил Дмитрий Васильевич, заведующий отделом горкома партии. Сегодня хозяин дефицитной недвижимости демонстрировал единомышленникам новое видение развивающихся во Вселенной социальных процессов. В прошлый раз говорили про политэкономиию социализма. Как с ней быть и где найти самый тонкий учебник про неё, родимую? Основным «докладчиком» тогда был «экономист» – заведующий экономическим отделом.

Такое препровождение времени предоставляло собравшимся редкую возможность включать мозги и думать о чём-то ещё, кроме как о рутинных мероприятиях. Последние годы в их работе почти ничего не менялось, и это заметно угнетало. Менялись портреты генсеков и периодичность выхода постановлений ЦК на одну и ту же тему. Ещё, пожалуй, с новой силой «кричали» грозные резолюции, для пущей важности украшенные красными штампами. Каж-

дый будто бы понимал, что если тебе судьбой уготовано с места на место таскать камни, то ты хоть считай их или складывай как-нибудь толково... Это позволило бы фантазировать и порою вспоминать о таких целительных и давно забытых средствах психотерапии, как сарказм и ирония. В общем, «системное мероприятие» было приличной отдушиной для тех, кто, сидя в кабинетах с двойными дубовыми дверьми, каждый день по многу часов занимался одним и тем же делом, хотя и в новой красивой упаковке «с человеческим лицом». За этим «лицом» всё отчётливее просматривались незнакомые силуэты усердно насаждаемых сверху гласности, ускорения, перестройки и новой культуры питья. Начинало цениться свежее мнение. Оно ещё не звучало, но уже ценилось.

В то же самое время, совсем в другом измерении, там, где жила вся остальная страна, робкой поступью приближалась отечественная социология. Вместе с начальными проявлениями гласности, словно после первого дождя сквозь плотно укатанный асфальт общественного мнения стыдливо пробивались первые неформальные объединения. Многолетнее фактическое отсутствие выборности, как в партии, так и в государстве, необратимо подвигало общество к выборам всех и вся...

Дом, в котором жил «Василич», располагался в микрорайоне на краю города, в небольшом дворе. Вокруг маленького сквера с давно не стриженными тополями стояли ещё пять зданий, по-разному выкрашенные и разной этажности. С земли можно было любоваться их крышами с пестревшими заплатами из мятых листов ржавого железа. Над самым высоким домом торчали большие металлические буквы лозунга «Слава передовой советской науке». Текст был очень длинным, и чтобы уместиться, буквы прикрепили впритык. Утром они сливались с крышей, и лозунг не читался. Но зато, когда темнело, суть призыва легко угадывалась, хотя в последнее время она становилась попросту неприличной: многие лампочки перегорели, и от третьего слова осталась только первая буква, от последнего – три в конце... В углу двора укромно приютились три

гаражика. Они никому не мешали и даже приятно дополняли неказистый архитектурный ансамбль. Из одного доносилась негромкая речь.

– Давайте наконец-то выпьем за «красный сдвиг» и «реликтовое излучение», – провозгласил хозяин гаража, приглаживая рукой всегда аккуратную причёску. Внешне он походил на бывшего французского президента Жискара Д’Эстена – этакий седой аристократ и интеллигент одновременно.

– Сразу за обоих? – искренне удивился «зампред», поправляя торчащие из-под рукавов пиджака манжеты розовой сорочки. Её нежные пастельные тона подчёркивали простые стеклянные запонки, в них отражался свет из-под красного абажура. Рубиновые блики то и дело слепили глаза собравшихся, отвлекая их от темы беседы...

– Иначе нельзя. Наука такого не терпит! – Дмитрий Васильевич Иванов начинал «системное мероприятие» для отдельных представителей верхнего эшелона аппарата горкома и горисполкома.

– Излагай. Хозяину не откажешь. Только не тяни, – опять за всех высказался «зампред».

«Философ», – так меж собой коллеги называли Дмитрия Васильевича, уселся на табуретке поудобнее, взял в руку кусок чёрного хлеба с докторской колбасой, аккуратно помазал его хреном и начал тост-доклад.

– Сначала, уважаемые коллеги, перед тем, как вкушать плоды моих изысканий, предлагаю выпить просто так!

– Во как! – опять отреагировал «зампред». Тот факт, что в своей «епархии» он отвечал за гаражи и другой подобный дефицит, позволял ему чувствовать себя в качестве косвенного хозяина мероприятия.

Все выпили.

– Иваныч, следующий посыл будет посложнее, – «философ» персонально обращался к Владимиру Ивановичу Соколову, заместителю председателя горисполкома. – Он потребует терпения и безусловной веры на слово профессору-технарю с дополнительным историческим образованием. Согласен?

– Согласен, давай!

– Количество звёзд в каждый конкретный момент времени, конечно...

– Обманываешь уважаемую общественность, – спокойно и безапелляционно заключил «зампред». Не поднимая головы, он с усердием раскладывал компоненты бутербродов на листе фанеры, уложенном на двух пустых ящиках.

– Точно говорю! Вещество – всего лишь конкретная форма существования материи. Следовательно, она конечна. Есть ещё одна известная нам форма – поле. Так вот бесконечен только переход вещества в поле и наоборот. – «Философ» сделал паузу, посмотрел на всех трезвыми глазами, задержал свой пронзительный взгляд на почти пустом импровизированном столе, чему-то удивился и продолжил. – «Красный сдвиг» доказывает тот факт, что сейчас Вселенная расширяется. То есть, когда-то очень давно, ну чтобы вам было понятно, ещё до революции, она сжималась. Давление на всё и вся было сумасшедшее. Накопилась такая огромная плотность вещества, что оно стало неизбежно сталкиваться с таким же, но только очень редко встречающимся антивеществом. – «Философ» опять замолчал. Хотя можно было и не останавливаться: собравшиеся были более или менее образованные и с обострённым аппаратным чутьём. Они и так уже подметили в словах оратора нехорошую параллель с работой Ленина «Государство и революция».

– Это только лишний раз подтверждает, – вставил «оборонщик», – что ленинизм – учение единственно верное... Вообще, я имею в виду!

– Вот именно! Что имею, то и... – помощник первого секретаря горкома, боясь прервать основного оратора, оборвал на полуслове фразу из народного эпоса.

– Дальше – хуже, – «философ», не реагируя на «реплики из зала», продолжал лекцию. – Всё это плотненько уложенное хозяйство стало постепенно превращаться в электромагнитные волны, то есть в поле. А его ведь не видно... Давление на массы – электронов, конечно, – снизилось, плотность вещества сразу уменьшилась... Эти массы рас-

слабились, раскрепостились и стали испускать свет наружу...

– И звук, – добавил «экономист». – Мы слышим его сегодня отовсюду, не только из ящика с экраном, а практически из любого умственного агрегата. Полагаю, – он продолжил с важным видом, – это совершенно новое явление науки, в частности, и повседневной практики развитого социализма, в особенности!

– Это гласность! – будто играя в угадайку, выкрикнул «помощник».

– Это «реликтовое излучение», а никакая не гласность. И его смещение в область именно красного цвета говорит о том, что звёзды разлетаются. – «Философ» явно обиделся на непонятливых слушателей.

– И до сих пор куски вселенной разносятся в разные стороны... – загадочно, с каким-то особенным пониманием сути процесса и с тоскою в голосе вставил уже прилично подвыпивший «оборонщик».

Надо отметить, что заведующий оборонным отделом весьма своеобразно понимал генеральную линию партии на ускорение техпрогресса и предназначение своего сугубо отраслевого департамента партийного комитета. Его часто видели «в поле», но вовсе не в парткоме и не у директора крупного предприятия, а где-нибудь в закоулках математического или биологического института, на обычной кафедре или в столовке технического вуза. Там он встречался с конкретным учёным, у которого в голове ещё только зарождалось что-то новенькое. Незаметный и незапоминающийся, как и подобает всякому, кто работает на безопасность страны, «оборонщик» высасывал из учёного его основную идею, усваивал, – а он это умел вне зависимости от названия науки, – и тут же «с ускорением» бежал напрямик на совещание к соответствующему главному конструктору...

– Пройдёт время, – продолжал «философ», – чтобы вам опять было понятно, нас уже освободят от должности, и вселенная начнёт сжиматься... Это научный факт. Его можно фиксировать опять-таки по сдвигу. Только теперь уже в сторону синего цвета.

Все, не сговариваясь, привстали со своих импровизированных стульев и, с пиететом созерцая «философа», чокнулись чуть наполненными гранёными стаканами за семь копеек. Даже не закусили – ждали продолжения культпросвета.

Дмитрий Васильевич, будучи профессиональным лектором, знал, что нужно время, дабы у слушателей закрепился «усвоенный» материал. Он многозначительно замолчал, обводя общественность уже затуманенным взглядом.

– А вот, если закончится нефть или, к примеру, цена сильно упадет, её цена... То – кранты! Кушать будет нечего, – говоривший довольно громко рыгнул и, разводя руками, повернул к «философу» свою лысую голову.

– Молодец! – похвалил хозяин гаража легко пьянеющего, но, тем не менее, весьма эрудированного и всегда ясно мыслящего «помощника» – Именно так! Но до этого ещё далеко и это тема совсем другой лекции.

Гипотеза Дмитрия Васильевича сводилась к тому, что законы существования космоса, как он выражался, «пронзают» всё насквозь и не могут не отразиться на жизни «социума». Ведь Луна же влияет на людей своими отливами и приливами и ещё Бог знает какими заморочками в полнолуние... Умело используя метод дедукции, «философ» подводил слушателей к своему главному обобщению.

– Вот и у людей... То тоталитаризм, то сплошная демократия, то мощнейшая вертикаль власти, то беги куда хочешь, тащи что хочешь! – уверенно и уж слишком популярно закончил хозяин гаража.

– То есть, если сейчас «вертикаль», то скоро будет «бардак»? Ты это хочешь сказать? – спросил «зампред». – Так его и сейчас предостаточно...

– То будет, как ты говоришь, «бардак» – не чета нашему, – ответил «философ». – Представляешь, что произойдёт, если начнут действительно избирать местную власть? Уже сейчас приходят письма от всяких доцентов-обществоведов: «Давайте избирать руководителей, давайте избирать всех!» Мы им, конечно, отвечаем, что, согласно марксистско-ленинской науки, это возможно только при коммунизме. А они опять за своё...

Кто-то приглушённым голосом пророка заключил:

– К власти придут учёные, скрипачи и писатели...

– А у меня на этот счёт своё собственное мнение, – «помощник» мгновенно переключался на новую тему. – Я думаю, они просто всё раздадут населению. Всё что есть! А потом хоть трава не расти! Главное нахапать и успеть убежать куда подальше... Не успеешь! Тогда, как говорили в фильме «Щит и меч»: «можно запросто схватить инфекцию».

– Не понял, – вставил «экономист», – так нахапать или всем раздать?

– Нахапать, нахапать!

– Хм. Так понятнее. При бардаке обычно всплывают уголовники. Они эту среду кишками чувят...

– А ещё финансисты, экономисты и юристы, – вставил «помощник».

– Так что первыми проявятся или бывшие, или будущие уголовники, а вовсе не композиторы, – не обращая внимания на обидную реплику «помощника», продолжал «экономист». – А что? Я так думаю... Это ведь реальная составная часть новой культурной общности под названием «советский народ»... Почему не избрать таких? Купят всем по продуктовому набору...

– А аппарат всё равно сохранится! При любой «вертикали», хоть при тоталитарной, хоть при демократической, хоть при бандитах... Никто кроме нас! – «помощник» с пафосом выкрикнул девиз десантников. – Уж извини, Владимир Иванович, но ты же знаешь, все всегда звонят в райком, а не в твой дворец! – Его явно потянуло на аллегории, и он продолжил, выдав видимо заранее продуманную тираду: – Разлагающийся от интриг верхушки партии, аппарат постепенно превратится в «мужиков» на зоне, в своего рода кучу пауков, обволакивающих своими секретами всю руководящую «вертикаль». А?

– Где же «Первый» будет зачитывать твой опус? – с насмешкой в голосе спросил «экономист».

– Да нигде! – вместо «помощника» ответил «зампред». – Просто наш писатель так компенсирует пагубное влияние своего вредного цеха на психику... А страна в это время бу-

дет разлетаться на куски, как твоя Вселенная, – добавил «зампред», тыча пальцем в «философа», – их подберут те, кто побогаче, и ку-ку.

– Если успеют! – опять загадочно произнёс «оборонщик». – Ракетки всякие ведь тоже достанутся кому не попади. Только ленивый не нагнется подобрать...

В железные ворота постучались. «Философ» встал и направился к выходу. В гараж вошёл парень лет тридцати пяти, в руках тяжёлые сумки, а глаза с любопытством осматривали непривычные хоромы.

Внутри гаража было уютно. На стенах, обшитых вагонкой, будто серпантин, висели разноцветные провода. В углу на полу стоял электрический масляный камин со светящимися искусственными угольками. От него в середину помещения мощный вентилятор гнал тёплый поток воздуха. С потолка над фанерой с закуской свисал старый красный абажур. Он освещал бутылки, стаканы и бутерброды, сохраняя вокруг простого натюрморта лёгкий полумрак. В нём то и дело поблескивали запонки «зампреда». Пахло водкой и докторской колбасой. Никто не курил.

– Вуаля! Прощу любить и жаловать, – Василич вытянул вперёд руку и указательным пальцем упёрся в грудь вошедшего. – Кондратьев Андрей Михайлович. Почти мой второй зам, успел чуть-чуть побывать в Афгане и... даже вернулся, недавно вывозил группу туристов к натовцам... Снова не бросил Родину... Опять вернулся! То есть, я хочу сказать – проверенный кадр.

Андрей протиснулся вглубь гаража, подошёл к фанерному листу и выложил на него всё, что было в сумках: бутылки с водкой, полиэтиленовые пакеты с квашеной капустой, чёрный хлеб, кусок сала и бутылку вражеского зелья – виски, привезённую из недавней заморской поездки.

– Здравствуйте, товарищи! – Кондратьев вспомнил смешное приветствие, услышанное им когда-то в райкоме на таком же мероприятии, и продолжил его, показывая ладонью, чтобы при его появлении никто не вздумал вставать. – Сидите, сидите! Меня зовут Андрей.

– Бог ты мой, Андрюха! – вскрикнул «зампред».

– Владимир Иванович! Вот это да-а-а! Пять лет! – пропел Кондратьев, покачивая головой и с трудом продвигаясь к своему бывшему райкомовскому начальнику. Они крепко обнялись. Все одобрительно заголосили.

– Возвращение блудного сына...

– Вот они, достижения пятилетки!

– Василич, ты молодец. Правильный выбор. Ты ещё не знаешь, что Серега может за один день закрыть десяток постановлений ЦК сразу?

– Ну, ладно, однополчане, наговоритесь ещё, – «экономист» прервал поток эмоций. – А ты, Андрей, встрейвай в тему. Свежая мысль нас облаго-да... облагода... Ой, облаго-родит. Вот! – Через секунду-другую он с явной тоской в голосе добавил: – Но как хочется блага!..

– Иваныч, а я и не подозревал, что ты вместе... – не успел закончить хозяин гаража. «Зампред» гордо поднял голову, повернул её чуть влево, как это проделывал бывший первый секретарь горкома, когда, стоя на трибуне очередного пленума, отрывался от текста доклада:

– Не нужно подозревать. Нужно чаще просматривать дела подчинённых и быть уверенным, что люди обязательно встретятся, если они идут вперёд по большаку, а не виляют потаёнными тропами.

– Вот видишь, Василич, твой гараж сегодня самый большой большак! – сострил «оборонщик».

Все поднялись и выпили за новенького, а после и за самый большой большак. Подуспокоились и постепенно стали возвращаться к теме дня.

– Всё дело в том, – первым начал «экономист», – что «избранникам народа», да ещё и нахалюву избранным на волне перемен, власть не нужна. Так, побаловаться и только. Наверху всегда нужен тот, для кого власть абсолютная ценность. Тогда это власть! И он её ни на что не сменяет. Ни на «жигули», ни на дачу...

Кто-то с трудом произнёс:

– О чё-ём ты говоришь? Какие там «жигули»!

– Точно! Зачем «жигули»? – продолжал «экономист». – Вчера в обед вхожу в наш буфет – чуть не помер! Показы-

ваю Клавке на парня молодого, мол, это ещё кто? А она мне шопотом, говорит: «Отдел науки»... Ну, думаю, ускорение! Ведь и бюро не заседало. Ещё вчера вечером ты, Василич, а утром уже этот. Есть не стал, пошёл разузнать. Точно! Твой, Василич! Видать, из свежей струи, из мэнээсов. Так вот, минуя школу райкома, прямохонько в горком, в серпентарий аппарата.

– Что ты хочешь? Новое мышление! – добавил всезнающий «помощник». – Из завлабов прямо в министры! Из мэнээсов – в горком! Такие за полущку хлеба и сдадут врагу Родину!

– Мне уже рассказывали, – заулыбался Дмитрий Васильевич, – это мои новенького решили подучить. А то орготдел теперь берёт слишком молодых да шибко умных, со степенью и лауреатов всяких премий... Он завсектором науки. Ему и сказали, мол, чего ты с нами сидишь, ты же заведующий, ваш буфет отдельный, всё без очереди, официантка обслуживает...

– И купился? – не выдержал «помощник». – Вот дебил!

– Ну, что ты! Не сразу. Сомневался. Его прямой начальник, мой заместитель, ведь со всем отделом сидит за одним столом...

– Но приставочка «зам» сыграла с ним свою роковую шутку, – закончил писатель всех выступлений «Первого». – Конечно! Он же «заведующий», без всяких там приставочек! А это звучит гордо! И не важно, заведующий чего!

– Ну ладно, за этот курс молодого бойца тоже следует выпить, – «философ», как бы подводя промежуточный итог, вдруг произнёс: – Нужно и то и другое! Иначе не успеешь оглянуться, как пять лет пролетят в одно мгновение, и света божьего не увидишь! «На кой такая жизнь?» – спрашивается в задачке.

Все переглянулись. Было заметно, что никто ничего не понял. А потому никто и не выпил. «Помощник», гордо подняв голову, отчётливо вымолвил: «Пьём только по существу вопроса!»

– Вот он у меня и зародился, простой и естественный вопрос. Я спрашиваю: «когда и что?» – многозначительно

произнёс «оборонщик». – Нет, я спрашиваю: «Когда и что именно?» И как их вовремя увидеть, твои «красное» или «синее» смещения? Может, ещё и «белое» есть? Тогда понятно, к чему ты клонишь... Всё это белогвардейские штучки...

– Вот ты убиваешь меня этим вопросом! – от безысходности «философ» махнул рукой. Спасая профессора, «зампред» уточнил:

– И вот я ещё так скажу: «избранники», дилетанты от власти, убегают легко, а вот профи задерживаются надолго...

– А как там, в космосе? Что дольше: сжатие или расширение? – «помощник» спросил Васильича, будто что-то важное, тревожное для себя лично.

– Если быть «последовательным марксистом», и ещё с учётом аналогий, то согласно ранее выдвинутой гипотезы и наблюдениям «зампреда», конечно, сжатие.

– Это с учётом феодальной эпохи, или без неё? – съязвил «зампред», расстроенный от того, что никто не оценил только что придуманное им понятие «дилетанты от власти». Теперь он явно намекал на новую историческую специализацию профессора-технаря. История ведь не физика! Тоже наука, но уж больно от всех зависит.

Ответа не последовало. В это время Дмитрий Васильевич тихо подкрался к молчавшему «экономисту», чтобы посмотреть, как тот играет в модную игру, и прямо в ухо громко прошептал: «Ты чего? Всё фигурки расставляешь! Не надоело на работе?»

– А я не могу остановиться так сразу, как ты. Функция заряжена и я весь в ней. Вчера приехал один оттуда, – «экономист» показал пальцем на потолок, – говорит: «Много неэффективных институтов у вас, надо сокращать! Например, институт археологии». – Это твой, Василич, – пояснил заведующий экономическим отделом, – академический... – Подождав немного, «экономист» завершил мудрые слова московского «гостя»: – «Эти копают в Псковской области. Вот пусть туда и едут...»

Никто из собравшихся в гараже даже не поморщился. Выучка!

– Теперь упражняюсь встраиваться в меняющуюся конфигурацию власти. Не-ет! Лучше не выходить, а то «руку собьёшь», – закончил «экономист».

– Ой! Знаете этот анекдот? – радостно вскопчил «зампред», – Серёга, ты-то должен его помнить. Мужик приходит в рюмочную. «Мне сто пятьдесят водочки и селёдочку с лучком»...

– А что, Василич, давай в следующий раз с селёдочкой! А? – протирая галстуком очки, вставил «помощник». – Я груздей принесу солёненьких и картошечки разваристой со сливочным маслом и укропом...

Все сообразили, что товарищ явно работал раньше в райкоме и знал толк в системных мероприятиях.

– Лука репчатого не забудь нарезать и посыпать грибки, – задумчиво произнёс «оборонщик». – А то мои теперь всё чаще пьют спирт с чаем прямо из стаканов в подстаканниках и закусывают кусочками сахара...

«Зампред» продолжал:

– ...Продавец подхватил бутылку, сходу плеснул в стакан, взял деньги и ждёт. «Т-а-ак! – говорит мужик, – контрольная закупка». Померили – 130. Штраф пять рублей! Проходит день. Опять появляется тот же мужик: «Мне водочки 150...», – «зампред» с пониманием посмотрел на сидящих вокруг, – ладно, без селёдки. Продавец снова взял бутылку, изящно взмахнул ею и налил. – Стоп! Проверка. – Вышло опять 130. Ещё штраф! На третий день контролер приходит и говорит: «Слушай сюда. Я контролёр, мне 150 водки». – А продавец одним движением – бульк! Снова 130. – «Ты чего, дурак, что ли? Я же сказал: я контролер, тебя же штрафами забью...» – А продавец ему так спокойненько: «А мне дороже руку сбить».

Никто не смеялся. Все почему-то умолкли и уже пропустили два предложения выпить. То ли рассуждали про бедного «экономиста», который никак не отойдет от повседневной дури, то ли о грядущем большом бардаке...

– Тогда пруд за окном почему-то покрывался зелёноватой рябью и напоминал болотце, – тихо и задумчиво произнёс «экономист», видимо вспомнив цитату из какого-

нибудь романа. Он закончил игру в «тетрис» и вышел из гаража покурить.

За ним увязались Андрей и Соколов. Сначала два бывших сослуживца обмыли косточки всех своих коллег по райкому. Особо прониклись успехами бывшего заместителя Соколова. Ещё бы, он одних взносов партийных сдал на пару «жигулей». И с чего? С самодельных конфет! Вот он, техпрогресс в действии!

Соколов часто встречался со своим бывшим замом и поэтому знал все премудрости технологического процесса его обогащения. Тот варил в кастрюле сахар и делал из него пушистые комочки на палочке, потом покупал разноцветное драже, крошил его молотком в мелкую крошку и посыпал им это чудо... Детям такую красоту возьмут за любые деньги!

«Зампред» повернулся к «экономисту» и, пока никого не было рядом, неожиданно серьёзно спросил.

– Слушай, а как же вы думаете с планом-то быть? Ведь не будет плана... Весь город не выполнит практически ни одно задание...

Соколов произнёс эти слова с болью в сердце, как Сталин Жукову в самые тяжёлые для Москвы дни. Потом в памяти у Кондратьева ещё долго крутились, как ни странно, совершенно трезвые слова «экономиста».

– Иваныч! У нас в стране «режим»! А где режим, ты же знаешь, там все правила, гласные или негласные, устанавливаются сверху. Неужели ты думаешь, те, что наверху, не знают об этом плане и о том, что его в этом году не будет нигде. Тебе же не нужно рассказывать, для чего сидят там эти министры и члены правительства, твой председатель исполкома и такие же, как он по всей стране. Разумеется, для счастья народного! Так что же ты хочешь от их низших структур? Они тоже работают только для этого. Чиновничья сеть внизу, такая же, как и на самом верху, при всем своём кажущемся различии...

Кондратьев уже в который раз за последние несколько лет вспомнил про Инструкцию «о делопроизводстве». Она точно одинаковая для всех! Потому и аппаратная паутина

любой власти всюду одна и та же ещё с четвертого года советской власти.

Теперь-то Андрей прекрасно понимал, что именно здесь, в документообороте, зарождается власть аппарата, власть функционера! Именно здесь в текст документа незаметно закладываются неопределённости, а потом на них нанизываются интриги и, в конце концов, порождаются и накапливаются проблемы. Именно в этом омуте захлёбываются идеальные взаимоотношения, тонут благие намерения, размывается изначально заманчивая идеология, гибнет любое дело. В этом – момент истины!

Кондратьев вдруг вспомнил, где он, встрепенулся и отбросил всю эту кутерьму с партийными изысками. В логическое продолжение его воспоминаний громко прозвучали слова «экономиста».

– ...Поэтому всё продолжается и держится прочно, – «экономист» заканчивал излагать «зампреду» своё понимание современной действительности. – Те, кто пошёл в чиновники и старается что-то порядочное сделать, конечно, вызывают уважение. Но это «народничество», Иваныч. Оно не делает погоды. Такие были и раньше, как ты знаешь, и считались чуть ли не дурилками «идейными». В общем, пока не поменяется режим, его составляющие, понятное дело, тоже не изменятся. Идут другие процессы, Иваныч, более мощные, чем планирование, украшенное плановой дисциплиной. Забудь о работе в своём райкоме. Сейчас уже и Знамён-то вроде как нет...

«Зампред», узнав про самое святое для него ещё с промышленного отдела райкома, махнул рукой и вернулся в гараж.

«Экономист» заканчивал курить. Подъехала старая «Волга» соседа Васильевича по гаражу. Из неё медленно вылез пожилой мужчина с авоськами в руках. Он устроил их около дерева и стал отвязывать от багажника на крыше машины невесть где собранные разные маленькие досочки и железки.

– Василич тут? – вместо приветствия, будто пароль, спросил старик и мотнул головой в сторону гаража «философа».

– Здесь, здесь. Он всё время здесь, – как-то задумчиво ответил «экономист». Потом повернулся к Кондратьеву и, глядя ему прямо в лицо, сказал: – А вот о каких-либо изменениях в самом «режиме», не знаю, старик. Не положено! По радио скажут...

Эти слова относились к нему. Мол, он самый молодой, ему и расхлёбывать кашу.

– Думаю только, что теория нашего дорогого «философа» на практике не будет реализована. – «Экономист» выбросил в урну окурков, ещё раз взглянул на Андрея, ничего не сказал и вернулся в «конференц-зал».

Здесь дискуссия была в самом разгаре и уже клонилась к развязке. Пили, не чокаясь, в разнобой, кто за что... Кто-то даже начал смолить прямо в гараже. Но запах докторской колбасы и репчатого лука явно побеждал. «Помощник» уже покинул свою табуретку и взобрался на стоящий у стены верстак. «Оборонщик» находился около стола и что-то вылавливал в своём стакане, пытаясь по очереди использовать и вилку, и нож, и отвёртку. Дмитрий Васильевич стоял со стаканом в руке. На его лице была радость от умиления. А умиление – от окружающей теплоты искреннего общения, напомнившего ему родную и более привычную среду учёного сообщества.

– Так вот я думаю... И даже не постесняюсь этого совсем не нашего слова, уверен, что на самом верху есть «Тот», – Василич произнёс это слово с таким почитанием, будто говорил не иначе как про Ленина, – кто всё это видит и изредка, когда приспичит, меняет вектор общего движения. Вот и сейчас, я чувствую кишками, как он его будто железнодорожную стрелку... переставляет на другой путь.

– Ты, Василич, слова перепутал, – сказал «помощник», сидя высоко на верстаке и болтая ногами. – Это уже писал один, перед тем, как его киркой шлёпнули в тёплой Испании. «Чиновник, живой, из мяса и костей, поворачивает генеральную линию партии, как пожарный – свою кишку...» А вот стрелка? Так она, родимая, нам всем ещё предстоит. И именно там, на «самом верху»...

– Ну какой, к черту, техпрогресс и ускорение? – без всякой увязки с предыдущими озвученными мыслями произ-

нёс вошедший «экономист». – Техпрогрес делается или в лагерях, как при Сталине, или там, где у тебя всё есть, даже если ты его не делаешь.

– Проснулся! Мы ведь не про него, – по-прежнему старался корректировать выступающих «зампред». – Ну, если разве что для примера...

– Я, к примеру, недавно читал свежее цековское постановление про техпрогресс. – Это уже Кондратьев позволил себе высказать собственное суждение на уважаемом кворуме. – Нам придётся делать такое же, исполнительское. Слово в слово, Иваныч, то, что мы писали в райкоме ещё пять лет назад. Через полгода я сбациаю справку, уважаемый Дмитрий Васильевич подмахнёт, а наверху, в уголочке снизу-дудт и выведут ненавязчивое словцо: «Согласен». Всё! Как и не было никакого постановления! Вот и весь техпрогресс! А то, что мы это сделаем на этот раз с ускорением, которого от всех нас требует партия и её генеральный секретарь... Полагаю, в этом никто не сомневается.

Все повернули головы к Кондратьеву. Тот до сих пор молчал, а тут вдруг осмелел и разговорился. Кто-то вымолвил:

– Ну, ты могёшь, Василич. – Непонятно, что имелось в виду: то ли то, что Василич подмахнёт бумагу, то ли вообще, о жизни, об этом гараже или о чём другом?

– Какие кадры! – добавил «экономист».

– А я думал, он здесь, потому что виски привёз из-за бугра, – добавил «оборонщик».

«Философ» опять встал со своей табуретки, прихватил кусочек колбасы и вдруг выдал самое сокровенное. То ли не выдержал и раскрыл свою самую главную вымученную годами тайну, то ли Кондратьев и «зампред» своими одинаковыми райкомовскими повадками так подействовали на него.

– Я вообще считаю, что человек способен жить одновременно в нескольких мирах: видеть один мир, слышать другой, а физически тело живёт в третьем. Но из-за невозможности синхронизации ощущений возникает стресс...

– Василич! – «помощник», всегда гордясь тем, что почти всё пишет для своего босса, со знанием дела вставил. –

Этак вот, живя в разных мирах, вообще нигде никто и ничего делать не будет. – И тут же многозначительно добавил: – Всё-таки какой мощный русский язык! Тройное отрицание! Как тут добьёшься выполнения написанного, если его можно трижды абсолютно литературным языком послать по известному адресу.

– Вот и я не могу синхронизировать три очевидных факта, – начал свои логические построения Соколов, – вижу, что толково сижу здесь с друзьями, слышу интересные речи, сердцем чувствую яркие и искренние переживания, а внутренний голос прямо физически, как обухом, бьёт меня по башке... Водка-то закончилась!... И от этого у меня, конечно, возникает стресс.

– Кто у нас самый маленький? – пробубнил «помощник», подпирая спиной утеплённую стену гаража. Все завертели головами, с надеждой и одновременно с уверенностью устремили свои помутневшие взоры на Андрея.

Тот, не оспаривая очевидный факт, отправился в магазин за «продолжением».

Он быстро и уверенно шёл к ближайшему гастроному, где по новым законам уже два часа как не должны были продавать алкоголь. Но поскольку кроме алкоголя там почти ничего не было, то сохранялась высокая вероятность выполнить данное ему партийное поручение.

«Почему? Почему не уйдут, – задавал себе один и тот же вопрос Кондратьев. – Ведь понимают всю бесполезность... Да, это не диссиденты, которые с разбегу напрыгивают на власть, а потом сжигают себя на Красной площади в знак протеста. Каждый личность. За спиной биография! Они по-своему что-то пытаются сделать, что-то изменить... И всё же. Образ жизни не хотят менять? Руку не хотят сбить? Как они все притихли после этого анекдота!»

«А сам-то?» – тихо произнёс Андрей.

Оранжевое море

Рассказ

В Абхазии заканчивалось лето. В 92-м гортензии распустились рано. Их пышные кружева светло-зелёного цвета незаметно преобразились и стали совсем белыми. Вблизи они похожи на комья снега и чем-то напоминают зимний Ленинград. Осенью соцветия порозовеют, и под их тяжестью трёхметровые ветви кустарника нагнутся к земле. Научного названия этих цветов здесь никто не знает, но их запах не то ванили, не то жасмина запоминается. Роскошные белые шапки из причудливых лепестков на длинных, но крепких стеблях уже проникают в раскрытое окно, заставляя вдыхать их чудесный аромат. Он усиливается от утренней прохлады, спускающейся с гор и вытесняющей бархатный и тёплый морской воздух.

Из окна маленькой комнаты на втором этаже деревянного, давно не штукатуренного дома видна нежно-пепельная двуглавая Сухумская гора. К её вершине, огибая подножье, покрытое кедрами и туями, тянется синяя лента асфальтовой дороги с разноцветными пятнами медленно и беззвучно движущихся автомобилей. Слева, за разнобоям крыш, — узкая полоска лазурного моря, ограниченная линией горизонта, и белое небо. Оно постепенно всё больше и больше наливается нежным утренним солнцем. Его лучик мелькнул из-за горы и скользнул по неубранной комнате. Сначала он осветил изогнутую спинку деревянного венского стула, потом прошёлся по небрежно брошенной там одежде, заметил лежащую в постели молодую женщину и задержался у неё на лице. Ресницы чутко вздрогнули.

– Ленушка, ты проснулась? – спросил голубоглазый лейтенант в морской форме, нежно поглаживая её светлые волосы. На безмятежном сонном лице снова еле моргнули ресницы. – Ага-а, просну-у-улась, – улыбаясь, сам себе ответил лейтенант.

Он сидел на краю железной кровати и касался ладонью тех мест на лице жены, где только что побывал луч солнца. Это чтобы ей не было щекотно. Потом наклонился и целовал. Запустил руку под одеяло и нежно погладил её уже хорошо заметный живот.

– Как жалко, что тебе теперь нельзя цитрусовых. К нашему причалу местные подогнали две баржи мандаринов. Ещё не совсем спелые, но вкусные. Мы их вместо обеда едим.

– Игорёк, ты почему надел форму? – потягиваясь, еле слышно прошептала Лена. – Праздник какой?

– Какой там праздник! Вчера ночью в Гаграх грузинский десант объявился. Представляешь, под Андреевским флагом. Как получили суда в прошлом году после раздела, так ничего не меняли. Или специально... Там теперь бывший член политбюро. Может, он до сих пор мнит себя министром иностранных дел. А форма – на всякий случай...

– Какой случай?

– Да никакой. Не волнуйся ты. Я быстро вернусь, и вечером будем кататься на катере. Командир нам обещал, ты же помнишь Алексея? Он заходил на той неделе. – Лейтенант быстро поднялся, крутанул воображаемый руль и стал напевать: «Оранжевое небо, оранжевое море, пара-пара, па-па-ра, пара-пара-папам...»

Игорь ушёл, не позавтракав, а Лена продолжала нежиться в постели, представляя удовольствие от их вечернего путешествия.

Елена и Игорь поженились год назад. Сразу после получения кортика и звёздочек лейтенанта медицинской службы его командировали в Грузию для апробирования в полевых условиях нового лечебного препарата. На это время он был зачислен в штат российской пограничной части, по-прежнему продолжавшей охранять морские границы бывшего СССР. Лена поехала вместе с мужем. Жили они в

отдельной комнатушке двухэтажного частного дома. От дома к морю вела прямая как стрела улица, вся засаженная стройными рядами финиковых и китайских пальм, нежными олеандрами – проспект Леона. Совсем недавно он носил имя Ленина. В двух километрах от дома размещался военный причал с разными российскими катерами, баржами и буксирами. Туда вот уже два месяца каждое утро уходил Игорь.

Нужно было кое-что купить к ужину, и Лена отправилась на сухумский центральный рынок. Сначала ей пришлось долго ждать автобуса, но его не было, и она решила идти пешком до проспекта Мира, а потом, свернув налево, минут тридцать до улицы Карла Маркса. Пройдя два-три квартала, она увидела бегущего навстречу взволнованного человека. Тот сказал, что транспорт не ходит, а на рынке взорвалась бомба, пострадали люди и есть убитые. Пока они говорили, вокруг как будто что-то изменилось. Мимо них быстро гурьбой пробежали дети из соседнего детского сада, а за ними испуганные женщины с сумками и мешками.

Лена остановилась. Так и не дойдя до рынка, она решила повернуть назад, к дому. Обратный путь был долгим и утомительным. Приходилось обходить дворами наскоро установленные противотанковые заграждения, тут и там стали попадаться ополченцы с оружием. Около её дома по парку имени Ленина тоже ходили вооруженные люди.

В этот день отряды грузинской армии вошли в Сухуми, но на Красном мосту были остановлены абхазскими милиционерами и ополченцами. Это совсем рядом с причалами морского порта. В небе появились грузинские вертолеты и через мгновение скрылись, обстреляв военный санаторий и здание Верховного Совета. Уже не работали радио, телевизор, телефон. Не было света. По городу ползли страшные слухи: из сухумской тюрьмы грузины выпустили всех уголовников, те разбежались по городу, грабили, насиловали и убивали.

Восьмидесятилетний грузный старик, хозяин дома, где жила молодая семья, успокаивал вернувшуюся из города

Елену, обещал сделать всё, чтобы отправить её в Сочи. Искать Игоря бесполезно. Идти к торговому порту, где готовились к эвакуации отдыхающих, старик тоже не советовал, могло произойти настоящее столпотворение. Только с её животом там и толкаться. До причала морской базы, где служил муж, недалеко, но все российские катера ещё утром отошли в сторону Гагр.

Эти рассуждения прервали крики во дворе дома и визг застреленной собаки. В дом ворвались люди с автоматами. Они сбили с ног хозяина, связали двух молодых женщин: племянницу старика и Елену.

Шустрый коротышка в потрёпанном пиджаке и чёрных джинсах, с круглыми бегающими глазами, видимо, самый младший, уже закончил с племянницей хозяина дома и теперь, запыхавшись, начал срывать одежду с Елены. Та, лёжа на полу, как могла, сопротивлялась. Подсобить молодому извращенцу было некому. Все занимались другим делом. Они выворачивали ящики из комода и шкафов, быстро сбрасывали содержимое на развёрнутую здесь же на полу большую белую простыню. Туда летело ровно сложенное, отутюженное бельё, посуда – всё, что попадалось под руку.

– Батоно! – закричал с досадой в голосе молодой. – А эту сучку куда? – Повернувшись к своему начальнику с погонями старшего лейтенанта гвардии Госсовета Грузии, он специально перешёл с грузинского на русский, чтобы слышала. – Вон пузо какое. Что делать? Стрелять, да?

Главный хозяйничал на первом этаже. Он обстоятельно осматривал связанные узлы с барахлом, сбрасываемые подельниками сверху, изредка бросая злобный взгляд на хозяина дома, сидящего на стуле в углу комнаты.

– Плюнь, тащи их всех сюда и беги искать других. Все-му тебя нужно учить, молокосос!

Маленький «гвардеец» по очереди за волосы волоком по лестнице притащил на первый этаж обеих женщин. Бросил их в угол, где лежали свежие саженцы виноградной лозы, ударил несколько раз сапогом ту и другую. Плюнул с досады, что не удалось толком поразвлечься в перерывах

между перестрелками. Потом вдруг встал над женщинами и, громко смеясь, справил малую нужду.

В это время остальные вывели старика во двор и начали спрашивать о вооружении у абхазов. Требовали три миллиона, после – один, через полчаса – опять три. Били, стреляли в воздух. После избиения старик потерял сознание. Тогда его вернули в дом, притащили в ту же комнату на первом этаже, где лежали на полу его племянница и Лена. Грузины нашли уют, раздели старика и начали его пытать. Издевались до утра, получая патологическое наслаждение. Но желанных денег не добились.

Под утро пришла «смена». Эти были из уголовников. Они снова начали избивать старика и требовать миллион. Увидели вроде бы живых женщин, удивились, повернули их лицом вверх. На садистов смотрели измученные, измазанные кровью и грязью женщины без возраста. Кроваподтёки и разорванные платья с бьющим в нос резким запахом мочи охладили желания пьяных уже с утра насильников. Хозяина дома снова вытащили во двор, надели наручники, подвесили за них на толстый сук дерева и долго били, уже ничего не спрашивая и не требуя. Потом бросили это занятие, принялись резать кур и колоться морфием.

Пока во дворе продолжали издеваться над стариком, Лена, лежа на животе, смогла развязать руки себе и другой женщине. Потом они вместе пробралась на второй этаж. Через окно своей комнатки Лена спустилась, почти спрыгнула на землю, прямо на белые шапки цветущих кустов гортензии. Племянница хозяина последовала за ней. Решили добираться до военного причала.

За сутки город изменился до неузнаваемости. Весь день его обстреливали с грузинских вертолетов. Вокруг догорали развалины домов, вдоль проспекта факелами вздымались ярко полыхающие деревья. У парка стоял «камаз» с брезентовым тентом. Там были трупы. Будто это туши мяса подвезли к магазину. Они заполняли весь кузов вперемешку с вещами, сандалиями, шляпами, носками, платьями. Медленно, с трудом пробираясь между разрушенными до-

мами, женщины заглянули в один из дворов и через мгновение как ошалелые выскочили оттуда.

Они увидели огромную свежеврытую яму. Из неё доносились плач и голоса закопанных по грудь женщин, которые держали на поднятых руках детей. Вокруг расхаживали вооруженные люди и всё время что-то выкрикивали. Трудно было понять: абхазы это или грузины... А возможно, кто-то другой, кто подошёл на помощь абхазам и теперь мстит местным жителям-грузинам. Бойня шла обоюдная.

В самом конце проспекта, вдоль которого к пристани пробирались две измученные женщины, жил грузин. Его маленький винный магазинчик всегда открывался для всех желающих. Сейчас окна в доме были выбиты, рядом валялись разбитые бутылки, а среди разбросанных детских игрушек: паровозиков, резиновых ракет, разноцветных машинок – так же небрежно валялось тело жены хозяина магазина – в огромной луже крови. Двери магазина выходили прямо на набережную Руставели, старый грузин был прибит к дверям гвоздями.

До пристани оставалось шагов сто. Не видно ни одного российского катера. Только небольшое судёнышко юрко крутилось, заводя буксировочные тросы на единственную оставшуюся у причала баржу. Первая, полная беженцев, уже минут пять как отчалила. Её медленно тащил еле заметный с берега буксир. На причале скопилось около сорока стариков и женщин с детьми. Вторая баржа могла стать единственным спасением для них. Плавающий госпиталь «Енисей», направленный из Севастополя для эвакуации беженцев, ещё только обозначился на подходе к сухумской гавани. Однако между ним и берегом уже шныряли грузинские катера на подводных крыльях. По проспекту прямо к пристани ползли два танка, а по обе стороны от них вразвалку шли разухабистые «гвардейцы» грузинской армии...

Люди, спасаясь, прыгали в трюм баржи. На мандарины. Как на мягкий матрац. Лена оглянулась – её спутница исчезла. Может, она уже на барже, а может, передумала и вернулась домой, к старику.

Взобравшись на борт по двум тонким доскам, подобию трапа, Лена пыталась спуститься вниз, в трюм, но сорвалась и упала прямо на собравшихся там людей. Беременную женщину осторожно подняли и перенесли в безопасное место. Оказавшиеся на судне беженцы с тревогой и одновременно с радостью смотрели друг на друга. Сейчас, уже скоро, их вывезут из этого ада...

Здесь, в трюме старой ржавой баржи, мирно пахло мандаринами и ничто не напоминало о войне. Пожалуй, только гильзы от пуль в руках детей, которые хвастали своими трофеями друг перед другом.

Как только буксир оттащил вторую баржу от причала, в воздухе пролетел военный вертолёт, и обстрел города возобновился. Танки свернули в сторону торгового порта, куда подходил «Енисей», со стороны моря к баржам быстро приближался военный катер, а на самом берегу появилась небольшая пушка. Грузины неторопливо и обстоятельно стали её разворачивать для стрельбы по баржам. Первая, отошедшая на приличное расстояние от причала, как раз годилась как мишень. Вторая ещё только медленно отчалывала от пристани. Её буксир включил сирену, и прерывистый громкий звук, будто крик раненого беспомощного существа, заглушил рёв вертолетов, рокот гусениц танков и наглые крики беснующихся «гвардейцев», расположившихся на пирсе российской военной базы.

Не имея ни сил, ни желания что-либо понимать и делать, Лена неподвижно лежала на дне трюма среди чьих-то мешков и безразлично смотрела в небо. Рядом из щели в ржавом металле на солнце неуклюже выползал маленький бесцветный крабик. Всё, что можно было, Лена вытерпела, всё, что смогла, сделала. Её слух будто выключился. Все мысли были только об одном. О ребёнке. И ещё о том, чтобы эта баржа скорее увезла её как можно дальше отсюда.

Снаряд, выпущенный из пушки, сразу потопил первую баржу и вместе с ней унёс на дно сухумской бухты десятки жизней. Только мандарины мерно раскачивались на поверхности моря. Тысячи красных, оранжевых и ещё совсем зе-

лѐных шариков, словно разноцветный серпантин после весѐлой новогодней ночи.

Вторая баржа отошла от берега и ожидала своей участи.

Катер, который подходил к пристани со стороны моря, заняв позицию между берегом и баржей, застопорил ход.

– Ты что, гад, вытворяешь? – кричал в мегафон офицер, размахивая рукой с пистолетом и стреляя в воздух. – Войны с Россией захотел, подонок? Давай, стреляй в меня! Смотри не промахнись, – офицер всё время показывал на российский триколор, поднятый специально, чтобы хоть как-то отличаться от грузинских судов с Андреевским флагом.

Лена узнала мужа по голосу, но не могла шевельнуться, чтобы подать ему знак. Буксир продолжал медленно тащить за собой баржу, отводя её всё дальше и дальше от ужасов последних суток, от берега сухумской бухты с грузинской пушкой на причале, от катера с Игорем.

Два матроса с российского торпедного катера бросили в море спасательные круги. После того как первая баржа ушла на дно, на поверхности, над мандариновой кашей, то тут, то там появлялись люди. Они умудрялись разглядеть в оранжевом месиве спасательные круги, ухватиться за них и неуклюже гребли руками к берегу. Вой сирены второго буксира и жуткие крики тех, кто укрылся в трюме уходящей в море баржи, заглушал крик офицера. Игорь продолжал размахивать пистолетом и стрелять, а в его голове назойливо звенели привязавшиеся к нему слова детской песенки, которую когда-то давно в праздники пела по союзному радио грузинская девочка: «Оранжевое небо, оранжевое море...»

До берега оставалось не больше пяти кабельтовых. Вдруг раздался оглушительный взрыв.

Это командир катера без всяких расчѐтов и замеров выпустил свою единственную торпеду прямо по причалу. Вместе с грузинской пушкой разлетелась добрая половина тумб для крепления швартовых. Тем не менее судну удалось подойти к разрушенному пирсу и закрепить носовой

продольный. Пока этого было достаточно. Не дожидаясь окончания швартовки, оба офицера соскочили на берег и бросились вверх по проспекту Леона. Туда, где жили их близкие.

Игорь, запыхавшись, подбежал к знакомому дому и кинулся на второй этаж. В их комнатке никого не было. Всюду сломанная мебель, разбросанное бельё, битая стеклянная посуда и сломанные ветви гортензии за окном. Спускаясь вниз, он с ужасом увидел, как во дворе племянница хозяйки дома пытается снять с дерева тело деда.

– Лена где? – тихо спросил Игорь. Он приподнял старика и снял его с ветки дерева. Пошло полминуты, но он так и не осмеливался взглянуть на женщину, боясь по её взгляду узнать правду. Только накрыв тело старика одеялом, она подняла голову, бросила быстрый взгляд на Игоря и, отрешённо глядя куда-то в сторону, произнесла: «На барже с мандаринами».

Всё стало ясно. Если в первой барже – то погибла, если во второй – то плывёт сейчас в сторону Сочи.

Утром Гагры были захвачены грузинами. Своей цели их десант достиг: Абхазию отрезали от России. Теперь все российские суда, оказавшиеся в районе Гагр, постепенно отходили в открытое море и собирались защищать плавучий госпиталь с беженцами из Сухуми. Ждали распоряжений. Алексей, командир торпедного катера, конечно, понимал, как мало толку от его старого судна. На борту в два раза меньше матросов, чем полагается, всего два офицера: он да прикомандированный медик – и лишь одна авиационная торпеда. Может быть, поэтому, нарушая все приказы, он рвался в Сухуми спасать свою семью и, как бы убеждая себя, много раз повторял вслух одно и то же: «Час туда – час обратно. Радио уже давно не работает. Никто и не поймёт ничего».

На разбитом причале, куда вернулся Игорь, уже собрались пять человек с первой баржи. Их выловили матросы. Что-либо спрашивать у спасённых лейтенант не стал. Боялся узнать самое худшее. Вдруг кто-то видел его Лену. Теперь оставалось надеяться только на чудо. Нужно

умудриться провести безоружный катер через акваторию торгового порта, кишашую грузинскими военными судами, и выйти в море. А уж там, на пути в Сочи, они догонят вторую баржу...

Прошло больше получаса, однако командир не возвращался. Игорь нервно ходил взад-вперед по палубе, то и дело оглядываясь в сторону проспекта Леона. Через минуту одинокий силуэт Алексея появился вдали, посередине улицы, он сделал два-три шага, застыл, неуклюже взмахнул руками и рухнул на асфальт. Звуков стрельбы не было слышно, но через мгновение проспект заполнили люди с оружием в форме грузинских «гвардейцев».

– Отдать швартовы! – неожиданно для себя срывающимся голосом прокричал Игорь. Он напрочь позабыл о множестве вещей, которые полагалось сделать и проверить перед такой командой. Да и не помнил, наверное, никогда.

Катер с белыми цифрами на борту «067», повинувшись единственному оставшемуся офицеру, быстро отвалил в сторону моря.

Просто Мария

Рассказ

1.

– Бр-р-ежнев! Бр-режнев! Бр-режнев, – тихо, но с силой выдавливала из себя пожилая женщина. Она сидела на первом сиденье старенького автобуса, повернувшись лицом к окну, и всё время повторяла фамилию генсека. Не просто повторяла, а всякий раз с новой интонацией, сопровождая эти слова одинаковым движением руки с вытянутым вперёд указательным пальцем. Будто иглой пронзала кого-то. На пассажиров она не смотрела, а те старались отвернуться и делали вид, что ничего не слышат. За пять минут до конечной остановки автобус обычно притормаживал, водитель открывал дверь и выпускал никому не известную женщину. Оставаясь стоять на заснеженном тротуаре и чего-то ожидая от тёмного, холодного зимнего утра, она продолжала свой убедительный монолог. А пассажиры, уткнувшись в окна, провожали её испуганными взглядами.

Так повторялось изо дня в день. Автобус не венгерский, а наш, львовский. Поэтому зимой в нём было тепло, хотя всегда пахло бензином. С пяти утра он ездил по городу и собирал работников птицефабрики. В одном и том же месте «чокнутая» вместе с очередной группой пассажиров садилась в автобус, а через двадцать минут уверенно поднималась и шла к выходу. Все уже привыкли к ней, будто к заводскому гудку. Начиналась утренняя смена, и об этом забывали.

В убойном цехе птицефабрики начальником значилась Екатерина Павловна Нелидова. В год столетия со дня рождения Ленина, в декабре, у неё родилась дочь. Она назвала

её Марией. Мать частенько потом говаривала в присутствии мужчин, что это её подарок к юбилею Ильича. При этом умудрялась делать вид, будто подарок относится не пойми к какому. Тогда по телевизору и по радио чаще говорили о другом Ильиче. Мужа у Екатерины Павловны не было, так что девочка воспитывалась без отца.

Жили мать и дочь бедно, в деревянном двухэтажном доме на пять семей на окраине Ленинграда, в посёлке Горелово. Маша самостоятельно вставала каждое утро, собиралась и шла в школу. Когда уроки заканчивались, возвращалась домой и готовила обед. Мать добиралась до своего жилища только поздно вечером. После смены ей нужно было зайти в магазин и купить продукты. Уставшая и изнервничавшаяся, она еле успевала поесть то, что приготовила дочь, просмотреть её тетрадки, дневник, прочитать нотацию и тут же заснуть.

Рабочих на фабрике всегда не хватало. Чтобы хоть как-то заткнуть дыры в производстве семи тысяч голов птицы за смену, да и ради лишних денег, начальница цеха в школьные каникулы брала с собой Машу и её подруг. Сначала, ещё в автобусе, они минут двадцать украдкой наблюдали за «чокнутой». Потом, придя в цех, надевали ярко-зелёные береты из полиэтилена, белые халаты, фартуки из клеёнки, такие же зелёные, как и берет, резиновые перчатки, брали в руки вилки для потрошения куриц и приступали к экзекуции. Отрубали курам головы и вынимали потроха.

Единственное дельное, что перешло от матери к дочке, так это умение шить. Маша могла сшить брюки, платье, рубашку. Причём это занятие доставляло ей удовольствие. Всё-таки не чан, наполненный потрохами от мёртвых куриц.

После восьмилетки Мария Нелидова поступила в Ленинградский ордена «Знак Почёта» техникум лёгкой промышленности и спустя два года уже умела моделировать и конструировать различные швейные изделия. Особенно хорошо она делала сложные выкройки, могла вышивать на различных отечественных и иностранных швейных машинках. Сразу после окончания учёбы Машу взяли на работу в кооператив. Там она времени зря не теряла – обзавелась

клиентами. Пошли приличные деньги. Мария приделась, зачастила с подругами в кино. Ей нравилось смотреть про путешествия, куда-нибудь далеко-далеко, в Южную Америку. Она всё время напевала одну и ту же песенку: «Увижу ли Бразилию, Бразилию, Бразилию, увижу ли Бразилию до старости моей?»

Когда Маше исполнилось восемнадцать, от рака умерла её мать. Ведомственное жильё, разумеется, отобрали.

Договорившись с подругами, Нелидова почти каждую ночь спала на новом месте, всё время приговаривая: «Я как молодая каймановая ящерица. Та хоть и обитает на Амазонке, а тоже в одном месте не зимует». Поначалу ей нравилась такая «романтика». «Можно даже и в шалаше, – говорила она подругам. – А что? Родителей нет, дома нет. Зато уже есть паспорт, можно голосовать. Вот свобода-то!» На самом деле бюллетень для голосования ей не давали, так как сначала нужно было получить прописку. Со старого места выписали, а нового-то и не было.

В 90-м ей это надоело и, наверное от безысходности, она решила сойтись с начинающим бизнесменом Игнатом. Парень был серенький, невыразительный, с короткой стрижкой, почти лысый, но при деньгах. В школе учился плохо, зато занимался фарцовкой: выменивал у иностранцев жевательную резинку, а потом толкал её своим одногодкам аж по рублю за пластинку. Так что бизнесу вроде как обучен ещё с малых лет.

2.

Теперь жизнь Маши сразу превратилась в бурный и неуправляемый поток. То много денег, то нет совсем. То все вокруг неё радуются и гуляют как умеют, то прячутся от кредиторов и слоняются бледные и пришибленные. Всё больше молчат и собирают сумки с самым необходимым: бельём, физкультурным костюмом и кроссовками. Это для тюрьмы, если не получится дружба с государством, или для «погружения», если понадобится скрываться от бандитов и кредиторов.

В начале лета девяносто второго им достался контейнер с растворимым кофе из Израиля. Голубые большие банки,

чуть помятые и с красными буквами на иврите, ушли «влёт». Люди покупали и не спрашивали, почему банки кривые – буквы нравились. А Игнату их отдали за полцены. Сразу «поднялись» и намылились съездить за границу. Стало быть, в Париж. Куда же ещё-то? Отправились в турагентство, заказали билеты на самолёт и два номера в самой дешёвой двухзвёздочной гостинице на Монмартре. Один для Игната с Марией, другой – для приятелей-компаньонов. Там же уговорили купить ещё три экскурсии по Парижу.

И вот они топают по улицам города, о котором мечтали тогда все поголовно. Языкам не обученные, образованием не обременённые, простые донельзя и бесхитростные – всё на лицах написано. Как такие в бизнесе держатся!? Уму непостижимо!

Наполнив сумки всякой мелочью из магазина «Тати», что на площади Республики, сели они на пароходик и давай глазеть по сторонам да слушать гида. Посмотрели направо – увидели остров Ситэ и Собор Парижской Богоматери. Вспомнили старый французский фильм: Квазимодо, Джину Лолобриджиду... Потом Сена поворачивала влево, а справа появилась площадь Согласия. От неё до площади Звезды тянулись Елисейские поля. Правда, они тянулись совсем в другую сторону, отдаляясь от пароходика. Перед мостом Александра III, слева – Дом Инвалидов. Почему инвалидов? Маша так и не поняла. Там похоронен Наполеон, но он же не инвалид. Туда же, будто специально, подложили сердце того самого маршала Груши, который не подоспел ему на помощь, и в результате Наполеон был разбит. Это все знали по фильму «Ватерлоо». Ну, ещё видели огромное Марсово поле, за ним здание Юнеско и круглые высокие башни Консьержери, где сидела Мария-Антуанетта и ждала, когда ей отрубят голову...

Довольно быстро всё услышанное выветрилось из головы. Они вылезли на берег около моста Иены. Там, совсем рядом, торчала высоченная и вся в огнях Эйфелева башня, как говорят, самая дорогая недвижимость в мире. У моста им показали место на реке, где несколько лет стояла

красивая баржа, в которой жил не то Пьер Ришар, не то Ален Делон. Гид толком сама не знала. «Аленчика», конечно, все помнили, любили и потому сразу оживились. Маша не была исключением. Такие брюнеты с тонкими чертами лица и с синими глазами ей нравились. Ещё бы!

На башню Мария и Игнат не полезли, захотелось есть. Оторвались от своих приятелей и, не задумываясь, ввалились в первое попавшееся кафе. Уселись, им подали меню, уставились на иностранные слова, ничего не понимают. Первые два дня они питались в таких местах, где в меню рядом с названием блюда размещалась его фотография. А тут ничего такого не было. В общем, влетели! Да ещё оплаченную экскурсию пропустили на эту крашеную вышку, всю в заклёпках – тоже попали долларов на двадцать. Расстроились – паршиво на душе. Официант несколько раз ненавязчиво «проплывал» мимо, пытаясь сообразить, выбрали они что-нибудь или ещё пребывают в поиске?

Молодой бизнесмен из России не выдержал и, когда парень в красно-белой униформе подошёл в очередной раз, с достоинством поднял голову, строго глянул на официанта и, смотря ему прямо в рот, стал громко повторять одно и то же: «Ням-ням, ням-ням, ням-ням...» Причём, чтобы не казаться уж совсем ограниченным человеком, он это произносил, всякий раз с разной интонацией и наклоняя голову.

Нужно отдать должное персоналу кафе, готовому ко всему и прекрасно знакомому со вкусами туристов из России. Им принесли луковый суп в маленьких глубоких тарелочках, потом бараньи рёбрышки с соусом и зелёным горошком, а в конце – целый горшок с чёрными горячими ракушками. Там лежали мидии. И вкусно, и будет что вспомнить. Хлеба не дали. Ну, уж не без издержек! О вине вспомнили, но, как им показалось, поезд ушёл. Восхождение на башню закончилась. Нужно было отправляться всей толпой на последнюю экскурсию, к Сакре-Кёр, белеющему где-то сбоку над всем Парижем.

Устали. Устали шляться по музеям, слушать гида с его рассказами про французскую историю, про Наполеона, Дантона и Мирабо... Устали есть каждый день помногу, одно

и то же. Игната потянуло домой. Ему бы на природу, шашлычки, да водки холодненькой с селёдкой и лучком. Вокруг ребята, гитара, в карты перекинуться...

Маша, наоборот, никогда до сих пор не бывавшая в музеях, поглощала новое, впитывала всё как сухая губка. Ей хотелось узнать у кого-нибудь, нашли потом погибшего французского лётчика или нет? Она даже запомнила полное имя автора «Маленького принца»: Антуан Мари Жан-Батист-Роже де Сент-Экзюпери! Ей бы ещё постоять в зале Лувра, где она увидела картину, на которой женщина любит игру младенцев в саду. «Вот бы такую жизнь!» – подумала Мария и, замечтавшись, остановилась.

Игнат схватил её за руку и потащил прочь от картины Рафаэля. Нужно было догонять остальных, и Маша вновь окунулась в кислую реальность. Одного из приятелей вырвало прямо на пол в зале, где висела картина с Джокондой. Ночью за картами перепили. Все люди как люди. Ну и что, что пьяные, то есть нетрезвые! За билеты уплатили, идут себе ровненько, стараясь меньше шевелиться, только глазками зырк-зырк в разные стороны. А у этого бугая – всё не как у людей.

Сразу появилась женщина в белоснежном халате, резиновых перчатках и со специальной коляской. Из коробки с отверстиями она посыпала пол мелкими опилками и, не обращая внимания на окружавших её туристов, шваброй собрала в блестящий никелированный совок завтрак коллеги Игната по ночным картам, поместила всё это в красненькое пластмассовое ведёрко и исчезла.

Как ни уговаривала Маша своего бойфренда, ничего не помогало. Он досидел оставшиеся три дня в отеле, да и Машу никуда не пускал, чтобы та не тратила попусту деньги. Она, конечно, расстроилась. Ведь пройдёт время, и ей ещё нужно будет вытащить Игната в Бразилию. Это уж обязательно. Она видела в кино, что там в бассейне Амазонки водятся огромные ящерицы, которые глотают большие раковины. А те, может быть, даже с жемчужной горошиной.

– Дура! – просто реагировала на её мечты соседка по автобусу. – Зачем тебе ящерица? Пусть твой просто жемчуга дарит, без всяких там ящериц. Зачем тебе ящерица-

то? Чего с нею делать потом? А как доставать? Ты что! Реально – проблема!

В номере, в котором жили Маша и Игнат, по вечерам собирались все единомышленники по бизнесу. Однажды засиделись за пивом и картами, всю комнату прокоптили. Смотрят, дымок стелется над изящным диванчиком. Кто-то так спешил вернуться к игре, что просто бросил на диван недокуренную сигарету. Теперь там дыра с блюдце. Все приуныли и сразу протрезвели. Конечно, возьмут денег за испорченный диван, а денежки-то уже заканчивались. Кто подушку предлагает положить на это место, кто плед купить и покрыть дыру. Мария всех удивила своей находчивостью и уверенностью.

– Значит, так! Слушай сюда! Идите в магазин, купите ножовку и полиэтиленовые мешки для одежды. Включим погромче телевизор с ихним роком, распилим диванчик на мелкие куски и вынесем за день всё это хозяйство, как и не было. – Бизнесмены сами по себе почему-то выстроились в ряд и, вытянув вперёд пьяные головы, с сигаретами во рту, внимали «командиру». – Ты найдешь самый удобный мусорный павильон, – это она Игнату поручила, – там нужно оставить только содержимое мешков, а мешки опять вернуть в номер, – Маша усердно вдальбывала в головы картежникам их незатейливые функции.

Началась круговерть. Мешки набивали одеждой и выносили из гостиницы, или хотя бы на другой этаж, чтобы горничная видела в них одежду. А между «пустыми» рейсами в таких же мешках выносили куски от распиленного дивана.

На следующий день пришла уборщица. Поглазела по сторонам, да как завопит. По-французски, конечно. Подошла тётка-портье и с перепугу начала говорить почти по-русски. Мол, где диван-то? Ну, к полотенцам они уже привыкли, что их постояльцы из России уносят. К тапочкам, бутылочкам с шампунем или там к ровненько сложенным блестящим иголочкам с нитками... А тут целый диван!

Игнат не мог не поизгаляться. Он подошёл вплотную к уборщице и, повернувшись к ней спиной, отставил зад и похлопал себя по круглым ягодицам.

Выразительность жеста была убийственной. Обе француженки крепко задумались и покинули номер.

Так и завершилась встреча Марии с Парижем, с европейским искусством, с границей. И, наверное, последняя. Уж больно Игнат был не в себе: «Потерял время. Лучше бы затеял ещё что-нибудь купить-продать, пока здесь любовались могилами да домами».

3.

Квартира, которую Игнат купил после «прухи» с израильским кофе, была одновременно жильём, офисом и помещением для переговоров. На телефоне в коридоре сидела молодая секретарша с дипломом об окончании филологического факультета питерского университета и весело отвечала на звонки.

– Да. Штаб Деникина, слушаю вас. Кто? Одну минуточку...

– Кончай трепаться, – прерывал её Игнат. – Никого нет на месте. Понятно? Всё записывай и ничего больше не говори. Если Венгрия – сразу зови.

А секретарша всё равно не могла удержаться и в следующий раз кричала в трубку что-нибудь другое: «Штаб Первой конной армии», или «Бизнес-центр „Земляничная поляна“ имени товарища Бергмана».

Приближался Новый год, а венгерское шампанское так и не приходило. Почти все деньги туда вбухали, в эту «Мадам Помпадур». Ещё хорошо, что наняли рефрижератор за две тысячи долларов. Другие почти задарма подрядили обычные фуры с брезентовым верхом. Так им сейчас всё равно. Когда грузовики спустились в предгорья Татр, из-за перепада давления у всех бутылок было срезано горлышко, будто гусары погуляли. Ну, а они вот ждут. Завтра уже Новый год. А ещё нужно растаможить, разгрузить и развезти по точкам.

Вообще-то, все уже понимали, что влетели с этим шампанским. Как-то не задумывались раньше, что особенность этого товара в том, что он после 31-го декабря просто никому не нужен. Конечно, кроме аристократов или дегенератов,

как ясно выразился народный артист в фильме «Бриллиантовая рука». Аристократов ещё пока нет, а вот вторых... На них только и надежда!

Пришло газированное зелье прямо под Новый год. Торговые точки его не берут – отправили на склад. Но денег больше не было, так что склад сняли неотапливаемый. Почти пустой: доски чьи-то, стройматериалы всякие, да вот ещё ящики с шампанским. Теперь придётся ждать до восьмого марта!

И надо же такому случиться, в феврале мороз – двадцать пять градусов. Охранник звонит в «Штаб Деникина» и просит послушать. В трубке раздавались частые щелчки, как на приборе для замера радиации.

– Это бутылки взрываются... Алё! Слушаете?.. Алё! Чего делать-то? – кричал на другом конце охранник.

Мария опять первая среагировала. Она выхватила трубку из рук незадачливого муженька и принялась отдавать чёткие команды:

– Жги чужие доски. Там ещё полиэтилен есть. Большие рулоны. Нужно натянуть сверху. Где хочешь, достань вентилятор или сам руками гони дым под полиэтилен...

Она вообще была женщина решительная. Это все уже познали на своей шкуре. Во-первых, подруга главного партнера. Ну, а во-вторых, действительно, чаще всего дело говорила, хотя и не была в теме.

Взорвалась примерно треть всего товара. В остальных бутылках выпал осадок – их уже не продать. И опять эта Машка! Прямо гений какой-то! Она предложила все бутылки отвезти в рестораны и кафе и отдать за полцены.

– Правильно. Там, когда льют шампанское в бокалы, – сразу сообразила секретарша, – обычно закрывают бутылку белым полотенцем, чтобы не залапать, ну там чтобы рука не замерзла и ещё чтобы потом с горлышка капли снимать.

Как по команде все повернули головы и уставились на «штатного филолога». В глазах у бизнесменов светилось что-то среднее между удивлением и уважением. Они-то всегда считали, что полотенцем официант вытирает стол... или руки.

В один из дней во время февральских морозов Игнат вернулся домой хмурый и встревоженный.

– Всё, Машка, кранты.

По совершенно белому лицу Игната Мария решила, что бизнес её бойфренда совсем накрылся и нужно срочно сваливать, а то порежут. Однако Игнат продолжал бубнить какую-то немыслимую ахинею, которую невозможно было понять. Маша велела ему начать сначала.

– Сердце кровь гонит по правой стороне тела, а в левую не докачивает, – членораздельно, но с трудом пояснил Игнат.

– Это как?

– Был сегодня на складе... Холодрыга! Одел дублёнку, зимние сапоги. Так вот всему телу тепло, а левой половине – как бы холодно.

– Это ты мне говоришь? Ну ты и лох, Игнат, а ещё диплом купил. Я же тебе говорила, не бери дублёнку в арабском квартале. Не послушал, пожмотничал, вот теперь и расхлёбывай. Тоже мне – с-е-е-рдце не докачивает! Дай сюда!

Маша взяла новенькую коричневую дублёнку, купленную в Париже, и, вывернув её наизнанку, рассмеялась. Один рукав, левый, был без настоящего меха. Так, какое-то подобие и только.

Время шло, а материальное благополучие молодого бизнесмена и его сотоварищей к лучшему не менялось. Мария всё чаще стала вспоминать Лувр, чудесную картину с маленькими детьми, от которой веяло спокойствием. Нужно было что-то делать. Нужно самой искать деньги, если Игнат-оболтус не может. Влечение к молодому и поначалу успешному предпринимателю с каждым днём выветривалось всё сильнее и сильнее.

Через месяц за долги пришлось отдать квартиру и переселиться в коммуналку. Секретарша из «Бизнес-центра „Земляничная поляна“» уволилась. Кроватей нет – раскладушки, нераспакованные сумки с одеждой. Игнат объявлялся на минуту-другую, весь пришибленный – постоянная беготня от кредиторов любого доконает. «Меня нет!

Гоню металл в Бельгию», – то и дело слышала от него Мария. Потом он исчезал ещё на неделю. Потом ещё...

«Ну, достаточно, – уверенно сказала себе Мария, – наелась вдоволь. Надо срываться. А то с меня начнут требовать его долги. Ребёнка не хочет, поехать со мной в Бразилию не может, постоянно всем должен...» Плохо стало у неё на душе, совсем невмоготу, и она ушла.

4.

Поезд «Санкт-Петербург – Варшава» прибыл точно по расписанию. Из купейного вагона вывалилось человек сорок с сумками, баулами и чемоданами. Четыре молодые девушки, видимо, познакомившиеся ещё в поезде, сбились в кучку в стороне от основного потока пассажиров. Все они приехали, чтобы поработать в окрестностях Варшавы домработницами или гувернантками, по рекламному объявлению в газете и теперь ждали встречающего.

Вскоре появилась пожилая женщина, одетая не по сезону в поношенное длинное серое пальто. Под ним виднелись несколько разноцветных шёлковых юбок, блестящие коричневые сапоги плотно обхватывали полные, неповоротливые ноги. В руках старуха держала палку с белой табличкой. Там с трудом можно было прочесть название принимающей фирмы, написанное по-русски жирным синим фломастером.

– С этого вагона все собрались? – первое, что услышали от неё девчонки. Голос был грубый и вибрирующий от хронического насморка. Однако говорила бабка на чистом русском языке без акцента. – Ещё две где-то должны быть? Что же вы все растерялись по дороге? Теперь ищи! – У старухи явно испортилось настроение. – Машина ждать не будет. Не будет ждать...

Она ещё что-то в сердцах сказала по-польски, засуетилась, потом махнула рукой и медленно потянулась со своим выводком к выходу из вокзала. Девчонки шли молча, переглядывались и пожимали плечами, как бы отвечая друг другу, мол, никого больше они не встречали, с самого Питера только они и никого больше.

Мария Нелидова ещё в вагоне завоевала авторитет. Кипяток им принесли, чай в стаканах с подстаканниками тоже. Без соды и со свежими пакетиками. Все они ехали в одном купе. За места в поезде уплатила принимающая компания-посредник. Перед конечной остановкой Маша отправилась к проводнице, пытаясь хоть чуточку выведать у той что-нибудь полезное. Узнала, что каждую неделю, так же как они, едут группочки в Польшу на работу. Особенно часто стали ездить в последние два месяца. Но так, чтобы обратно кто ехал, не видела. Может, поодиночке? Группу ни разу не видела.

Рядом с вокзалом, сбоку в переулке, стоял микроавтобус. Девчонки весело уселись, и машина тронулась. Но ехали недолго. Через полчаса все вышли, забрали сумки и вместе со старухой направились к большому фургону, вернее, даже к рефрижератору. Мария почувствовала неладное, схватила рукой соседку и потянула в сторону. До леса оставалось шагов пятнадцать. Но это не свой лес. Чёрт его знает, может, он кончится через сто метров...

Тут же из огромной машины выскочили шесть здоровенных мужиков. Они повалили девушек на землю, связали руки за спиной, засунули кляпы, потом поволокли за собой, втащили в рефрижератор, бросили на пол и завалили матрацами. Железные гофрированные двери закрылись. Больше внутрь не поступали ни свет, ни воздух. Мужики опломбировали закрытые двери и сели в две легковушки, а фургон медленно стал набирать скорость. Впереди был длинный путь.

Они проехали всю Польшу, часть Германии и Голландии. Останавливались на таможнях. Там проверяли целостность пломбы на дверях, подписывали какие-то бумаги, и рефрижератор «с мороженым мясом» продолжал свой маршрут согласно накладной. Окончательно остановились только через сутки на берегу одного из многочисленных каналов, в пяти километрах от города Амстердама в королевстве Нидерланды.

Вокруг хилый лес, жилья никакого, дорог тоже. У берега стояла пришвартованная баржа с закрытым верхом. Тут

же крутились с десяток охранников в чёрных комбинезонах с оружием и дубинками. Рядом два микроавтобуса, такие же, как в Варшаве.

– Опять матрацы замочили, стервы! На вас не наберёшься, – по-русски орал один из охранников, взобравшийся внутрь фургона в только что открытые двери. Он ногами толкал тела связанных беззащитных женщин, проверял, живы или нет, потом позвал на помощь другого охранника. Вместе они взяли одну «стерву» за руки и за ноги и сбросили на землю. Тело упало, девушка зашевелилась и застонала. Подошли ещё двое и унесли её внутрь баржи. Потом из фургона полетело следующее тело, потом следующее...

Очнулась новая партия девчонок в трюме. Все голые, привязанные жгутом за одну руку к спинкам кроватей. Кроме них, там было ещё десять таких же надеявшихся быстро заработать. У каждой рядом с кроватью таз и кувшин с водой из канала. Хочешь – пей, хочешь – мойся, хочешь – мочись туда. Что хочешь, то и делай! Не успели очухаться – в трюм вваливаются человек двадцать мужиков. Не охранники. Одеты по-разному. Видимо, местные рабочие или эмигранты. Многие по-русски говорят, но плохо. И понеслось...

Отбиваться бессмысленно, да и невозможно. Все позиции продуманы и просчитаны, привязанную руку меняют каждые три часа, тазы выносят, воды в кувшины доливают. Иногда на ночь женщин накрывали грязными простынями. Утром всё по новой. В день таких заходов было по четыре-пять. Это приносило владельцам «предприятия» доход в пять тысяч долларов за сутки. Сто пятьдесят в месяц и только с одной баржи, которая никуда не плывёт! Сколько их тут в округе: арабов, негров, рабочих из Азии? Женщин на всех хватит.

Маша всё поняла ещё там, в Польше, когда увидела фургон. Главное было узнать, где они находятся? Что будет с ними потом? Ведь ясно, что они живые свидетели похищения и рабства в центре цивилизованной Европы. От них потом нужно как-то избавляться. Но как? При всём своём воображении Маша не могла придумать счастливую концовку. Оставалось ждать. Мучиться и ждать.

Кто сопротивлялся и мешал удовлетворять естественные потребности, того нещадно били. Сначала при всех, в следующий раз выносили наружу. Там тоже долго слышались крики несчастной, но, в конце концов, они куда-то удалялись. На освободившемся месте появлялась новенькая. После первых же избиений сразу объявились желающие докладывать охране о любых попытках побега.

У Марии ещё от рано умершей матери, которая научила её шить, была привычка носить тоненькую тряпочку на шее, типа украшения. Её не сорвали. Даже не заметили. А там, в этой тряпке, был кармашек с иглой и ниткой, причём нитка размечена узелками на куски по двадцать сантиметров.

Подходил к концу целый месяц мучений. Она уже поняла, что сделают с ними потом. Больше месяца не выдерживали, заболели. И чтобы избежать заражения, девушек просто увозили и, видимо, где-то топили в канале. Мария научилась заманивать из каждой партии того, кто ей казался почище. Это хоть как-то уменьшало риск заболеть. Пока всё проходило благополучно, если здесь вообще уместно такое слово.

Однажды она упростила очередного мужика перенести её на другую, свободную кровать рядом с иллюминатором. Тот долго мучился, пока отвязывал её, потом привязывал, но теперь Маша была совсем рядом со светом и могла видеть, что творится снаружи. Ночью она замерила ниткой диаметр отверстия иллюминатора. Здорово! Она точно пролезет. Нужно совсем немного: знать, что там за окном? Куда идти и в чём?

Всё предстояло делать немедленно. Ещё не ясно, как отнесутся местные охранники к тому, что её перенесли на другую кровать. Маша начала иглой рвать верёвку на левой руке. Осторожно, медленно, нитку за ниткой. Через два часа ей стало достаточно рвануть рукой, и верёвка развалилась на кусочки. Той же иглой она принялась рвать матрац на полосы, потом кое-как сшила из них трусы и майку. Нитка закончилась на последнем шве.

Внутри баржи было темно. Охранник вышел из трюма, наверное, в туалет. Все вокруг спали. Маша медленно, ни с

кем словом не перемолвившись, поднялась, потянулась рукой к иллюминатору, повернула шпингалет, и спасательное окно наружу раскрылось. Она приподнялась на цыпочки, потом наступила на край тумбы с канатами и вылезла по пояс в иллюминатор. Осталось только соскользнуть вниз, цепляясь руками за шершавый некрашеный борт.

5.

Начиналось первое мая. Праздник солидарности трудящихся всей планеты. Трещали сверчки и квакали лягушки, было очень много комаров. Надо же! Мария совсем их не чувствовала там, внутри клоаки. А здесь, на свободе, они сразу стали мешать, жужжать, кусать и преследовать.

К отделению полиции Нелидова добиралась наугад, через парк, по тропинкам из мелкого гравия. Тут и там попадались тускло светящиеся экономные фонари. Босые ноги все исколоты острыми мелкими камушками. Крови не видно, но царапины испещрили ступни. Всё тело болело. В парке, по которому ей пришлось идти, время от времени ей попадались мужчины и женщины, блуждающие в каких-то умопомрачительных одеждах или в накидках из перьев тропических птиц. В руках они несли бумажные вертушки оранжевого цвета. На раскрашенных лицах читалось полное безразличие. То ли напились, то ли обкурились. Некоторые прямо тут же справляли нужду. Маша, босая, расстрёпанная, в своих полосатых трусиках и майке похожая на узника концлагеря, почти ничем не выделялась на фоне этого праздника «Первомая». Длинные голландцы, будто клоуны на ходулях, смотрели на неё сверху вниз. Всем было на всех наплевать.

К утру за кромкой редких деревьев наконец-то стали мелькать каменные дома с высокими крышами, проезжали редкие машины. Прямо около парка стояло одноэтажное здание. Его окна светились жёлтым цветом, рядом много машин с длинными мигалками поперёк всей крыши кузова и со словом “Politie” на дверях. Маша остановилась. Ей хотелось ворваться внутрь, упасть на пол и закричать. Закричать изо всех сил, колотя руками по полу. Последние

деревья небольшого сквера ещё отделяли её от полицейского участка. Она уже собралась выходить из-за укрытия, как рядом с входом резко затормозил знакомый обшарпанный микроавтобус-развалюха. Из него выскочили трое охранников в чёрном. Уверенно, как к себе домой, они вошли в отделение полиции. Маша напряглась и попятилась назад, потом повернулась и изо всех ног бросилась прочь.

Вчера в Нидерландах праздновали День рождения королевы. Сегодня 1 Мая. А что завтра? У Марии в голове была только одна мысль – добежать бы до людей и свалиться на пол где-нибудь... Хоть в магазине, хоть...

Майским утром в Амстердаме быстро становится светло. В это время на окраине города почти нет людей. Редкий автомобиль проскочит под мигающий светофор, где-то в стороне бесшумно проскользнёт пустой трамвайчик, по специальной тропинке проедет велосипедист с сумкой на багажнике. Владельцы маленьких магазинчиков поднимают тяжёлые металлические жалюзи, открывая красочные витрины с едой, одеждой, всякой бытовой техникой, беспорядочно расставленной на подсвеченных стеллажах.

После первой неудачи с местной полицией Мария Нелидова долго не могла прийти в себя. Она закрылась в уличной кабине с туалетом, погасила свет и, трясаясь то ли от холода, то ли от страха, наверное, впервые остро почувствовала свою беспомощность. Что делать дальше? Куда идти? К кому? Было ясно, что придя в магазин или в чей-то дом, она сильно рискует. Языка не знает, без документов, одежды – и той нет. Её просто не поймут или того хуже – подумают, что специально так нарядилась, чтобы еду просить. В полиции, конечно, оставят и наверняка посадят в отстойник за решёткой. Потом разберутся, а может, и вытолкают в три шеи, чтобы не заниматься нелегальным эмигрантом. А вдруг вообще все связаны одной верёвочкой, как в том отделении у парка...

Самое противное – уходило драгоценное время. Гады могли запросто смыться вместе со своей баржей. Ведь те, которых она видела около здания полиции, мелькали не просто так: наверняка забили тревогу и сейчас ищут её по всему городу.

Мария только сегодня ночью, пробираясь сквозь парк, поняла, что она не в Польше и даже не в Германии, а в Голландии. Она и английского-то не знала совсем, а уж это-го... Горланят, как лебеди – вообще ничего не понять. Ой, как правильно, что не сунулась в чей-то дом! Ей рассказывали, что в Голландии вообще не терпят никаких отклонений от нормы. Всё, что выделяется из ровного ряда, противопоставлено. Везде и во всём. И в поведении, и в работе, и даже в незакрытых занавесками окнах всех жилых домов.

Но главное – другое. Перво-наперво нужно погасить жгучее желание немедленно наказать всех своих обидчиков. Так быстро это не делается! В чужой стране – тем более. А то расслабилась! Ещё ничего не кончилось. В любой момент найдут и поймают. Значит, что? Переждать! Затеряться где-нибудь... Одеться и только после этого отправляться искать справедливость. Одеться... и помыться. Помыться? Точно! Где у них тут баня?

Прихватив брошенную кем-то литровую пустую бутылку оранжевого цвета, Маша припустила босиком прямо по улице. Она бежала быстро и размахивала тарой из-под фанты, стараясь быть похожей на тех разукрашенных мужчин и женщин, которых совсем недавно видела в парке.

6.

Через два или три квартала на стене дома мелькнуло знакомое слово “sauna”. Его на любом языке узнаешь.

Было рано. Однако у «горластых» голландцев всё не как у людей, – вспомнила Мария, – в баню тоже, небось, ходят в любое время и в любой день.

Пробравшись сквозь высокий забор из колючих кустов барбариса, вся исцарапанная, она очутилась на площадке под открытым небом, где на длинной перекладине висели деревянные бочки с водой. Такие переворачиваются, стоит только потянуть на себя верёвочку. Всюду, как в саду, росли кусты можжевельника. Тропинки из плоского камня вели от забора прямо в зал, откуда на прохладный утренний воздух валили белые клубы пара. Нужно было согреться и присмотреться, где что лежит. Понять, когда открылось это

заведение, чтобы сообразить, когда из него смыться. Само помещение, где размещались парные, отделяла стеклянная дверь. Внутри ничего не видно – сплошной пар. Мария наконец-то сбросила с себя так выручившие её полосатые одеяния, на ощупь прошла в одну из комнат и очутилась в турецкой бане.

Человек пять, мужчины и женщины, голые, молча, сидели на тёплых мраморных сидениях. На потолке светились маленькие синие лампочки, будто звёздное небо. У входа на деревянных крючках висели белые простыни и разноцветные халаты. Марии так хотелось сразу же взять себе один, тёплый, махровый... Впервые за последний месяц хоть что-то на себя надеть, кроме тех самодельных полосатых трусиков и майки. Нет, нельзя! Рано. Она завернулась в чью-то простыню и прошла в другой зал, где в самом центре горел камин. Вокруг размещались лежаки с шерстяными, но мягкими, не кусающимися одеялами. Вдоль стены – стеклянные полки с фруктами, соками и различными салатами. Их можно было есть сколько угодно. Мария наелась досыта и улеглась спать. Дрова приятно потрескивали в камине, от него в разные стороны распространялось ласковое тепло. Она мгновенно уснула.

Часа через два, когда воспалённый мозг остыл, и можно было спокойно рассуждать, Мария проснулась и довольно быстро сообразила, что делать дальше. Украсть одежду и идти искать... легальных конкурентов той поганой баржи.

Взять чужую одежду оказалось не просто. Железные шкафчики, где хранилось всё снятое с себя посетителями бани, закрывались с помощью магнитного ключа. Такой, будто маленькие часики, был на руке у каждого. Мало того что этот ключ придётся с кого-нибудь снять, на выходе его нужно будет подносить к считывающему устройству. А там сразу определяют, пользовался ли ты дополнительными платными услугами, например, посетил ресторан или массажный кабинет. И если да, тогда придётся за всё расплачиваться. Не узнав всего набора уловок против воровства, можно было легко попасться, так и не начав никакой борьбы за торжество справедливости. Конечно, можно взломать

чем-нибудь дверь шкафчика для одежды, но тогда придётся уходить тем же путём, через колючий забор... Марии этого не хотелось. Должно быть, изнежилась в тепле и чистоте. Да и лишний раз привлекать внимание не стоило.

Она побродила по коридорам, заглянула в массажный кабинет, в парикмахерскую, зашла в помещение без надписи на дверях. Маша оказалась в большой комнате со стеллажами вдоль стен и с одной дежурной лампочкой на потолке. Это был Клондайк! Шампуни, гели, туалетная вода, косметика, махровые халаты любых расцветок... В углах на обыкновенных металлических крючках висела чья-то одежда, видимо, работников бани. За корзинами с простынями и халатами виднелась ещё одна дверь. Нелидова осторожно приоткрыла её и увидела вестибюль бани, где посетители платили за вход, кодировали свои магнитные ключи и где размещались бутики с бельём и спортивной одеждой. Здесь можно запросто смешаться с празднично шатающимися голландцами, решившими наконец-то смыть с себя столь актуальные вчера праздничные оранжевые краски, густо покрывавшие их тела.

Надев на себя чужую одежду, прихватив по банке шампуня и геля для душа, Мария Нелидова уверенным шагом направилась к выходу, покинула баню и двинулась на поиски квартала «Красных фонарей». Она ни на минуту не сомневалась, что ей, совсем не знающей ни местного языка, ни английского, тем не менее удастся всё рассказать и, главное, кого-то уговорить пойти вместе с ней в полицию.

7.

Маша разыскала самый большой публичный дом в Амстердаме. Это было несложно. Все иностранные туристы только туда и шли. Вот и она вместе с ними оказалась на улице Де Валлен. Там вдоль первого этажа светилось несколько сотен красных окон. Но в них ещё никого не видно. В глубине квартала на массивных деревянных дверях под аркой висела прикреплённая кнопками бумажка с одним словом на английском языке "Administration". Мария вошла. Лестница, которая вела наверх, была настолько кру-

тая, что нужно было подниматься, одновременно опираясь руками на следующие ступени. На втором этаже всего одна открытая настежь дверь. В накуренном помещении трое мужчин. Двое храпели на диванах прямо в одежде, один, в очках и с длинными чёрными волосами, сидел за столом и что-то помечал в журнале. Рядом на тарелке лежал нарезанный на ломтики душистый кусок сала и буханка свежего чёрного хлеба.

В этот «офис» каждый день входило так много всяких женщин, что находящиеся в «офисе» мужики были привычны к любым отклонениям от нормы. Но на этот раз, увидев вошедшее чудо, парень разразился хохотом и этим прервал сладкие сны остальных. Они шевельнулись раз, другой, крикнули что-то невразумительное и опять уснули.

В дверях стояла симпатичная молодая особа в очень широких чёрных брюках, походивших на галифе, подвёрнутых снизу почти до колен и подпоясанных широким ремнём. Поверх зелёной футболки с какими-то кривыми оранжевыми буквами был мужской малиновый пиджак без пуговиц с широченными плечами. На босых ногах – туфли на толстом, но высоком каблуке. Большая коричневая кепка набекрень, словно лепёшка, разместилась на милой головке с длинными светлыми волосами. Можно было подумать, что это из цирка пришёл клоун, если бы не милое личико, яркие синие глаза и блестящие волосы, волнами спадающие на плечи. При всём при том от женщины пахло дорогой туалетной водой. Она уверенно вошла в помещение, показала рукой, чтобы парень не вставал (а он и не собирался этого делать), огляделась, обнаружила драное кожаное кресло в углу комнаты и уселась в него нога на ногу.

– Здрас-с-сьте, – гордо, с серьёзным видом произнесла Мария и для убедительности добавила: – Бонжур.

Черноволосый повернулся к лежащему на диване толстяку и стал его толкать.

– Хэй, Николай, майшка!

Мария совсем не ожидала услышать своё имя, удивилась и, показывая на себя, затараторила:

– Ну да! Я Машка, я Маша!..

Очкарик был из Югославии, он по одному слову считал, что девушка из бывшего СССР и потому решил разбудить своего напарника, который два месяца назад прибыл в Голландию из Украины. Он сказал на сербском «просыпайся», а Марии послышалось её имя.

Нико́ла потянулся, раскрыл глаза и сразу же заржал от одного только вида посетившей их девицы.

– Ту йе клоуун у Украйини, – пояснил сидящий за столом.

Чуть успокоившись, украинец спросил:

– Ви хто е?

Голос был такой си́пльый, что Мария поначалу не слышала вопроса.

– Я Маша. Я из Питера, – она снова заговорила, тыча рукой в очкарика и как бы удивляясь: «Ведь этот же знает, кто я!»

– Ну, из Питера, и что? Ты от кого?

– Ни от кого. Я сама по себе. Не думайте, не работу ищущ...

– Ну, ну, не тяни!

– А ты выслушаешь меня? Дай слово, что выслушаешь.

– Ну не хрена себе! Баба, ты чего? Мыла наелась?

– А ты не розумиешь? – встрял третий, видимо, тоже с Украины. Он проснулся и теперь пытался понять, что это может быть общего у его земляка с этой... – Це ж обкурена или грибив надышалась.

А Нико́ла вдруг вспомнил правила рыночной экономики, сообразил, что баба вовсе не украинка, и добавил:

– А ты мне – что за это?

– Ты выслушай, а потом решим. Ну что тебе, только послушай.

– Во настырная! А давай! Но потом... будешь неделю на меня горбатиться. Как?

– Да запросто! Только чего ж неделю-то? Можно и подольше.

Пригладив обеими руками свои белокурые волосы, Мария подумала, как однообразен этот мир, но тем не менее всем своим видом постаралась показать, что ей действительно не привыкать к тому, что требовал от неё Нико́ла.

Через два дня нелегальные конкуренты «Красных фонарей» были найдены. Женщин отправили в больницу, баржу отбуксировали, её владельцев арестовали: и номинальных, и настоящих. Охранники открыли огонь по полиции из китайских помповых ружей, их застрелили, двоих водителей микроавтобуса и троих полицейских, тоже связанных с бандитами, быстро разыскали и упекли. Две девчонки из тех, что ехали вместе с Марией в поезде, согласились стать свидетелями. Третью ещё раньше куда-то утащили охранники.

Нелидова, как первая сообщившая о преступлении, должна была проходить по программе защиты свидетелей. Ей выдали вид на жительство, предложили спрятать. Но Мария отказалась, решив, что она сама не хворающая и сумеет спрятаться не хуже. А где самое лучшее место, чтобы никто не догадался. Да здесь же, у Никóлы... в «Красных фонарях». Милое дело! Как будто ничего и не менялось. Только покомфортнее, да ещё деньги дают.

Больше года шли судебные разбирательства. Тем двум свидетельницам, которых укрывали власти, не повезло. Одна исчезла. И как её ни искали представители правоохранительных органов, всё напрасно. Другую бандиты нашли и пытались убить. Но она выжила, хотя её бёдра и руки надолго запомнят удары ржавой железной трубой.

Всё это время Мария продолжала трудиться по специальности, приобретённой ею в цивилизованной Европе. Она выплатила аренду своего окна за три месяца вперёд, сняла квартиру, зарегистрировала брак с молодым местным художником, который продавал свои амстердамские этюды около музея Ван-Гога. Потом всё закрутилось, как в детском калейдоскопе: получила нидерландское подданство, родила мальчишку, развелась, как мать-одиночка добилась всех положенных по такому случаю пособий и ещё бесплатно получила приличную квартиру в пригороде Амстердама. Чуть ли не по указу самой королевы Беатрикс.

Все дома!

Рассказ

Осеннее утро. Волны уже холодного моря набегают на берег и, кусая его, бессильно откатываются назад. Порыв ветра разбавляет терпкий аромат увядания. В воздухе рой опадающих листьев... Я вылез из-под одеяла и сладко потянулся. Похоже, пора вставать и идти гулять. Сегодня пасмурно, поэтому Бориска пойдёт наверняка по короткой лесной тропинке. Но это ничего: я и там знаю много хороших мест, где интересно остановиться, осмотреться и побегать. Вот и любимая сосна... У неё такая нежная кора с розовым узором – будто улыбается мне. Только снизу ровный и высокий ствол уже начинает темнеть и покрываться мокрым зелёным мхом. Здорово вдохнуть воздух, сырой от дождя, который приятно стучал всю ночь по крыше дома... Там всегда шуршит поблёкшая трава, а на земле много-много мокрой жёлтой листвы.

Мне вообще нравится гулять утром по узенькой дорожке вдоль берега. Вокруг много сосен и почти нет черники. Эти кусты такие противные. Пройдёшь рядом с ними, сразу вымокнешь. Я этого не люблю.

Борис идёт рядом и названивает по телефону. Занят. Не до меня. Ну что ж, раз так, побегу-ка быстренько на своё любимое место. Там берег делает крутой изгиб, образуя мелкую заводь, где много сочной травы и камышей. Тихо подобравшись к воде из-за деревьев, люблю пугать белых лебедей, которые частенько заплывают сюда отдохнуть. Долго бегаю вдоль берега, пытаюсь доказать всем своим видом, кто здесь хозяин. Ну, хотя бы тут, рядом с моей тро-

пинкой... Лебеди, не суетясь, не взмахивая крыльями, легко покачиваясь на волне, отплывают чуть в сторону. Даже шеи свои длинные не поворачивают. Не то что утки. Те бы сразу вспорхнули и унеслись куда подальше. А эти курлыкают, крыльями взмахивают, но не улетают.

Восстановив справедливость, я с чувством исполненного долга возвращаюсь домой. Борис уже приготовил еду и несёт на стол тарелки. После долгой прогулки на голодный желудок всегда хочется есть.

Почувствовав прилив радости, опережая Бориску, тоже устремляюсь к еде. Правда, приходится то и дело оглядываться: точно ли несут мою тарелку, или, может быть, передумали, или, не дай Бог, уже сами всё съели. Пока всё благополучно. Начинается трапеза.

Обычно я быстро съедаю свою порцию и жду, когда Бориска вспомнит слова какого-то доктора и оставит нетронутой половину своего завтрака. Жду этого чудесного мгновения, сидя на диване, вежливо глядя совсем в другую сторону. В воздухе пахнет варёным мясом и гречкой. Причём у него гречка наверняка с солью и густо полита оливковым маслом, что делает её уже не просто кашей, а настоящим лакомством. Количество съеденного Борисом растёт, а порция каши, что остаётся в тарелке, назло мне неотвратимо уменьшается.

Мне захотелось как-то напомнить о себе. Тихонько постукивая по столу, я принимаюсь напевать что-нибудь из того, что Бориса раздражает. Я прекрасно знаю, что он этого не любит, терпеть не может и потом всегда ругается. Никакого эффекта! Плохо дело. Придётся осуществить прямое вмешательство. Это вообще-то беспроигрышный вариант, но понятно и другое – пользоваться сильными средствами можно только в крайнем случае. Ура! Победа! С удовольствием возвращаюсь на диван и удобно устраиваюсь там, положив голову на большую красную подушку.

Насытившись, мы молча смотрим телевизор. Там, как всегда, ничего интересного – один шум и мелькание картинок. Вот когда «Семнадцать мгновений весны» или футбол, тогда Бориска охает или громко орёт, а я чувствую что-

то неладное, боюсь и переживаю за него. Сегодня наоборот. Полная идиллия, никаких эмоций. Сон постепенно захватывает нас обоих.

Чуть погодя Борис встаёт налить себе большую кружку чая. Я сразу же приподнимаюсь, чтобы проверить, не делает ли он себе бутерброд с сыром. А может, даже и с колбасой! Чая-то многовато будет... Вряд ли он сможет его выпить просто так... Нет, ошибочка вышла: в этот раз я пролетел. Что ж, ему же хуже. С булочкой да ещё с чем-нибудь значительным было бы гораздо вкуснее.

Я просто удивляюсь ему. Знает же, что если чай сладкий, то обязательно нужно бутерброд с сыром. Чай был сладкий, я видел. И на тебе! А представляете, если бы он всё-таки взял бутерброд? Ну, давайте помечтаем. Дал бы мне половину? Дал бы? Фиг! Сразу весь целиком засунул бы себе в рот и потом бы долго жевал, запивая чаем. Уж я-то знаю! Это чтобы не делиться. Он или жадный, или сам очень поест любит. Я все ещё колеблюсь, пока не разобрался. Изучаю, сравниваю с другими. Мне важно это для себя уяснить, чтобы применять более эффективные формы воздействия на моего старшего родственника.

В общем-то, Бориска хороший, и я его люблю. Люблю обниматься с ним и целоваться. Люблю, когда он берёт меня с собой кататься на машине. Я обычно сижу рядом, а когда он зачем-то выходит, сажусь на его место за руль. Прохожие смотрят и удивляются: мол, такой маленький, а уже умеет водить машину. А, бывало, проснёшься, скинешь в сторону одеяло, откроешь глаза и сквозь огромное во всю стену окно видишь ещё зелёную полянку, где я обычно играю, светлые листья берёзы на фоне всегда тёмных елей... А Бориска погладит меня, накроет одеялом с головой и давай снова спать. Я обычно глубоко-глубоко вздыхаю. И в этом вздохе всегда столько печали, что Бориска опять начинает меня гладить. Хорошо, когда все дома! Но ведь когда-нибудь это счастье закончится...

А ещё, когда он уезжает, мне очень хочется, чтобы он поскорее вернулся. Тогда я жду его, боюсь пропустить. Устроюсь прямо на траве и часами смотрю на ворота, не

отводя глаз. Или сразу иду к огромному валуну около дома. Когда мне тяжело, я всегда там. Улягусь и лежу себе. Тепло, спокойно. Это камень так на меня действует. Он вообще давно здесь. Много-много лет! Ещё и меня на свете не было. Случается, долго лежу. Тогда валун не выдерживает, и я слышу его медленный шёпот: «Не мель-к-а-а-й...» Если уже поздно и нужно идти спать, то я, конечно, уйду домой, но всё равно ещё с полчаса буду стоять у дверей, понунив голову, и ждать. А вдруг... Это же большая разница: спать одному на диване в комнате у бабушки или на огромной кровати вместе с Бориской.

Вчера на мой юбилей привезли младшего родственничка. Такой маленький, беленький, с тёмными круглыми глазёнками. Вылитый зайка. И бегаёт так же. Кричу на него, ведь я же главный, а он не убегает, лишь вокруг меня круги наматывает. Якобы умный. Должно быть, сразу смекнул, что мне его не поймать. Умный-то умный, но гадёныш! Уже успел сломать и разорвать все мои игрушки, что валялись повсюду на полянке. Зубы у него острые, чешутся, вот он и хватается всё, что в зоне его досягаемости, да норовит самое ценное ухватить. Борискин телефон сжевал, пулыг от телевизора, любимые тапки, я помню, всегда ему их приносил, а этот!..

Но кто хозяин в доме, я его сразу приучил. Борис принесёт что-нибудь вкусненькое, так этот даже не подходит, нос воротит в сторону, мол, и не видит вовсе, якобы не надо ему этого. Конечно, я же рядом! Вмиг отниму! У меня не забалуешь! Другое дело, если я далеко, лежу, к примеру, на диване рядом с Борисом. Тогда этому хмырю «масленица». Утаскивает вкуснятинку куда-нибудь подальше, выроет ямку в огороде, положит туда хрустик (фу, как можно!), а после носом аккуратненько засыплет и возвращается как ни в чём не бывало. Только нос-то весь в земле. Тоже мне, умный! Я же всё вижу, сразу делаю выводы, потом наблюдаю, отслеживаю дальнейшие действия и поступки. Хотя «действия» и «поступки», как по телевизору говорил какой-то Мюллер, – одно и то же.

Есть у новенького две особенности. Тут уж я не в силах как-то повлиять. Зимой под снегом, по запаху что ли, всег-

да находит все игрушки, ещё осенью разбросанные по поляне. Причём Борис, бывало, крикнет: «А где же наша утка?» Ишь ты: «Наша»! Так он сразу находит. Даже лягушку может отыскать. Игрушка очень маленькая, а он всё равно находит. Вытащит из-под снега и прямо по сугробу бежит вприпрыжку. И не проваливается ведь. Я так не чую – просто помню, где что лежит. А этот! Прямо охотник... за чужим. Выбежит, бывало, вместе с уткой моей на тропинку, прокопанную в снегу, станет во весь рост, и любуйтесь на него. «Вот я какой, весь из себя смышлёный и находчивый». Не хватает только кепки на макушке да штанишек на лямках крест-накрест. А сам и лаять-то не умеет. Только молчит с таким видом, мол, думать шибко любит. Иногда, если Бориска снег убирает или осенью листья, этот совсем с катушек слетает и, кидаясь на лопату или на грабли, пищит, визжит, мяукает будто кошка, всё что угодно, только не лает. То ли нравится ему, как грабли двигаются туда-сюда, то ли железа в организме не хватает, а потом поймает-таки, лижет их, как ошалелый. А так может просидеть у дверей целый час и не проронить ни звука. Даже зимой! Тоже мне герой!

Теперь главное. Кровать, на которой я сплю с Бориской, довольно высокая, и я ещё пока могу туда залезть. Но, знаете ли, с трудом и только с правой стороны. Так этот запрыгнет первым, сидит на моём месте и в ус не дует. Не то чтобы издевается надо мной. Нет. Скорее, пытается продемонстрировать естественный процесс смены власти. Я туда-сюда, хожу, пишу Бориске ультразвуком, мол, перенеси ты этого охламона за шиворот с моего места. Не-а! Один уже спит, другой балдеет от счастья. Я же не могу теперь так просто взять и запрыгнуть. Если бы мог, этот давно скулил бы, вымаливая у меня прощение.

Короче, насладившись своим внезапным величием, он потом сам медленно, нехотя, будто делая большое одолжение, перебирается через Бориса на левый борт кровати, освобождая мне моё место. Ну что же, значит, хоть и гадёныш в частности, но по большому счёту всё-таки соображает, как надо себя вести! Только это и радует, заставляет

терпеть его выходки, привыкаешь помаленьку, ну и так, вообще, вроде как любишь его, что ли.

Наконец-то залезаю на кровать и, устроившись в ногах у Бориски поверх одеяла, от удовольствия привычно громко вздыхаю. Маленький, застеснявшись, опускает голову и лезет ко мне лизаться. Очень нужно! Лучше бы не увязывался с нами, когда мы идём гулять с Борисом. Всё время так и трётся, так и трётся рядом. Ведь этак он ещё и до лебедей доберётся. А ведь я и сам ещё ни разу на них даже не лаял.

Здесь рождаются впечатления

Очерк

Третий день в Андорре. Пока не могу понять странное чувство, которое вызывает эта земля. Со всех сторон мрачноватые горы. А сегодня ещё гроза. У грома здесь совсем другой голос, и он долго раскатывается среди вершин. Горы не увидеть сразу. Мешают и одновременно помогают облака. Открывая одни вершины, они тут же скрывают другие. Сначала видишь только контуры... Лишь потом угадываешь всё остальное. Горы постоянно меняются. Если вначале я видел перед собой гору слева, справа и по-середине, теперь я вижу их много. На фоне одной вершины начинают проявляться очертания других. Не сходя с места, могу их насчитать больше двадцати. Меняется освещение, а вот из середины горы выплывает облако, и я понимаю, что это не единственный горный склон... Здесь между гор летают вертолётчики. Вижу, как маленький, будто самодельный, жёлтый летательный аппарат под острым углом быстро падает вниз. Даже сердце застучало, подумал, наверное, шлёпнется здесь рядом с домом на дороге. Но он спокойно скрылся под моими ногами... Когда ходишь, очертания гор меняются. Поэтому трудно распознать горы по фотографиям – вроде бы это она, Касаманья, а, может, нет. Сколько должно пройти времени, чтобы окрестные вершины стали совсем знакомыми?

Начинается разглядывание. И это немного навязчиво, потому что, вероятно, исходит из потребности в устойчивости окружения. Я в Пиренеях первый раз. С террасы открывается прекрасный вид на горы. Смотрю и начинаю чувствовать разницу с морем.

Рядом с морем как будто растворяются границы души. Ощущение широты, безграничности, покоя особым образом питает душу, сообщая ей устойчивость и какую-то поверхностность. Море притягивает не глубиной, а простором. Какое упоение утопать взором в безбрежности небес и моря! Кругом уединение, тишина, однообразно шумит прибой, всё окружающее занято мною. Или это я мыслю о нём?.. В созерцании быстро теряется своё собственное «я»!

Горный пейзаж совсем другой. Конечно, первое впечатление «равнинного» человека – восхищение с чувствительным привкусом тревоги. Тревоги от необычности, запертости, страха высоты. Я сейчас на высоте примерно 2000 метров и к изменению дыхания уже привык, но оно чувствуется.

Дел у меня здесь нет совсем, и я часами сижу, рассматриваю горы и мечтаю, как буду придумывать рассказ или даже повесть об этих местах, о Каталонии.

С особенностями восприятия всё более или менее понятно. А вот чувства, что рождаются при всматривании в горы, понять пока сложно. Но уверен, здесь, в окружении старых высоких гор, самое прекрасное, самое уютное место для концентрации переживаний и творческого порыва.

Самое-самое – это деревни Ос де Сивис и Пал! Вторая – около города Ля Массана и из неё можно проехать на машине к лыжной базе с пологими горами на высоте два километра. Первая – вообще в Испании, но въезд в неё возможен только из Андорры. От этого забавные появляются возможности... Обе маленькие, миленькие, хотя склоны гор совсем близко и, в общем-то, если присмотреться, немного давят. Дома прямо врезаны в эти горы. Вроде всего один этаж, а спустись, хоть это и не просто, погляди вниз – три, а то и четыре! Порою кажется, что в этих игрушечных домиках никто не живёт. Так и хочется войти в дверь да там и остаться. Сесть за массивный дубовый стол... Компьютер... Прелесть! Это если тебе не нужен город – огромный муравейник с развитой инфраструктурой сервиса, коммуникаций, учреждений культуры и т. п. Мне – не нужен!

Не каждому дано наслаждаться толпой. Этим владеют лишь те, кто способен опьяняться жизнью, обожает маска-

рады и сгорает от страсти к путешествиям. Но кто не умеет наполнять своё одиночество, не способен быть и среди людской толпы. Писатель наслаждается привилегией, оставаясь самим собой, быть в то же время и кем-то другим. Подобно душам, блуждающим в поисках тела, он воплощается, когда захочет, где захочет, в любого из встречных. Он принимает, как свои, все занятия, все радости и горести, какие случай предоставляет ему. Это таинство души, которая дарит себя, свою поэзию и сострадание всему ещё неизведанному.

Кстати о культуре. В городе Ордино есть такой музей. Называется, как ни странно: «Музей миниатюры. Украинское и русское искусство». Игрушки, матрёшки, всякая мелочь... А рядом консульство Украины в Андорре... Видимо, хоть Андорра уже и не оффшорный анклав, но что-то окружающие её горы всё-таки сохраняют. Надо сказать, что памятников архитектуры здесь немного. Церкви – одинаковые, как бы они ни назывались. Все XII–XIII веков. Но почему-то в этих местах представить их иными просто немислимо: прямые углы, узкие помещения, никаких выкрутасов, не размахнуться...

Но хватит о духовном! В Ос де Сивис есть гостиница и прекрасный ресторан. Его хозяева готовят пищу только из своих продуктов. Семья у них большая, и все заняты делом. Разводят овец, кроликов, кур, свиней, выращивают овощи, зелень... Это в декабре-то! Даже рыбу сами ловят. Рядом есть такое место с табличкой «Разрешена ловля рыбы без лицензии». Глубина – сантиметров 15–20. Вот там и ловят. Я съел три тарелки каталонского супа, а потом ещё мясо, шашлыки, всякие салаты... Всё без вина. С вином много не съешь! Конечно, если бы водка...

Дорожка от этой деревни до ближайшего города Андорры – минут десять. Но лучше иметь с собой две таблетки Biodramina. Повороты, обрывы и прочая забава здесь в избытке. Как, впрочем, и по пути из Барселоны в Андорру. Будто специально, вдоль дороги соорудили несколько стоянок на берегу речки, с барбекю, дровами, столом, скамейками и водопроводом. Понравилось? Бери! Рядом, прямо на

горе таблички на деревьях «Продается участок земли»! А внизу, на обочине изображён официальный флаг Евросоюза, мол, за флагом Андорра. Только она ведь туда не входит? В Совет Европы – да. Но это разные вещи! А флаг один... Да наплевать! Красиво и ладно! Ещё задумываться о всякой ерунде, когда вокруг такие горы. Глаз невозможно отвести. Встречаются и пологие склоны с маленькими ёлками, сосенками и берёзками. Ни дать ни взять – Выборг! Но Выборг быстро пролетает за окном автомобиля и вновь горы, горы, горы... Только наверх и смотришь. А дорога-то петляет... Вообще, если Biodramina с тобой – всё прекрасно!

А вдруг захотелось во Францию! Тогда как? Это вам не в Испанию дорожка, это уже нечто! В газетах на первой полосе огромными буквами: «Снегопад. Дорога во Францию закрыта!». Проходит неделя, другая, метровые сугробы наконец-то убрали бульдозером, туман, видимость – ноль, автобус плетётся еле-еле... У границы остановка. Водитель старается никого не впускать. Во Франции после теракта введено чрезвычайное положение. Если останутся – мало не покажется. Так можно и к устрицам с фуагрой опаздать. Но в Тулузу прибыли вовремя. Одноклассница встретила и сразу на день рождения к какой-то её приятельнице. Между прочим, собрались почти одни русские. Кто сорок, кто двадцать лет уже здесь. Интересно! У всех домики. Пусть на окраине города и всё-таки. Всё про Путина спрашивают... и почему-то любят Ле Пэн...

Вывод. Андорра – прелесть! Любоваться – да! Творить – здорово! Жить? Слишком много экзотики! Это не для всех. Франция или та же Испания, хотя в каком-то смысле и хозяйки Андорры, но отличаются от неё даже сильнее, чем Австрия от Германии, когда из Зальцбурга едешь в баварский Бад Райхенхалль, чем-то напоминающий Андорру. Хотя чем, чем? Горами! Только там молодые Альпы, а здесь Пиренеи! Эти тоже давят. Но они в десять раз старше, спокойнее и мудрее...

Приятная неожиданность. Ночью, на большом автобусном вокзале в Тулузе к ожидающим отъезда – а это два человека – подошёл сменщик водителя и вежливо, хоть и на

испанском, объяснил, что отъезд задерживается на тридцать минут из-за чьей-то аварии на трассе. Из-за чьей-то...

Потом сидишь на «блатном» месте прямо за водителем и всю дорогу ждёшь очередной крутой поворот, одновременный со встречной фурой. Она ведь длинная и её легко может занести. Перекроет поворотик собою и ку-ку! В туман, наверное, особенно в туман (читай гололёд), не получится ни дремать, ни читать. И ты, действительно, уже давно отложил планшет в сторону, всё на себя напялил и непроизвольно судорожно сжимаешь в руках сумочку с документами. Почти как в юности, на верхней палубе маленького судёнышка в штормовом Чукотском море. Стоишь, как дурак, и ждёшь. Только там кажется, что вокруг только мягкая вода, но с температурой минус 6 градусов, а здесь – крепкие ели на склоне, но склон крутой – 80 градусов. Вот и тарачишь глаза, всматриваешься в обрывы вдоль дороги и ищешь. Ищешь хоть какие-то крупные деревья то с одного боку, то с другого, и всё норовишь поближе к асфальту сыскать... Может, в случае чего они остановят падающий под откос автобус... А?

Постоянное, не очень-то привычное желание – вместе с автобусом становиться плоским и некувыркающимся. На мгновение переводишь взгляд вперёд. Сбоку туман – это куда не шло! Но впереди – особенно перспективно. Ведь именно там, в разбавленном молоке, льющемся с заснеженных гор на еле заметный кривляющийся асфальт, неотвратимо должна появиться долгожданная фура! Тем больший ужас испытываешь, когда впереди, прямо перед собой, вдруг не обнаруживаешь водителя... Нет его! Исчез! Спрятался! Выскочил на ходу... Предатель! Убийца! Почти как в анекдоте. Автобус едет по такой же дороге, а гид, чтобы успокоить пассажиров, говорит: «Не бойтесь, не смотрите по сторонам, зажмурьте глаза. Вот как наш водитель...»

До чего же доводит субъективный идеализм и неуёмное стремление к тому, чтобы сплющиться! Автобус в действительности оказывается довольно высоким и вполне даже кувыркающимся, а водитель, как и должно, сидит в своей кабине, там, в самом низу салона. Но осознание этого факта придёт не сразу...

Теперь о другом. Что за страна такая, Андорра? Умытая, ухоженная, воздух и вода чистейшие, вдоль речушек тропинки... Ходи – не хочу! В городе пахнет хвоей, лёгкие дышат полной грудью, люди спокойные, обстоятельные. Куда торопиться? Средняя продолжительность жизни самая высокая в мире, почти 83 года! Это – средняя. Значит, кто-то живёт и за 100! Впрочем, нам-то что губу раскатывать. Как говорится: «Поздно, батенька, пить боржомом, когда почки отвалились». Княжество, понимаешь! Вспоминая классика, так и хочется спросить: «Откуда деньги, Зин?» Ведь налоги на прибыль – всего 2%. В Испании – 30%, во Франции так вообще 38% – первое место в рейтинге! Может, потому, что в Испании безработица 23%, а среди молодёжи целых 40%! В Андорре не работают только 5. Человек – не процентов. Все пашут. Все – это 70 тысяч человек... И снова перед глазами Выборг... Тоже средневековый и тоже европейский город. Кстати, единственный в России, не считая Калининградского анклава в бывшем Кёнигсберге. И тоже 70 тысяч человек. Вот что значит глубоко в тылу, в горах, а не на «передовой», на границе с Еэсом! И все эти 70 тысяч жителей Андорры только на туризме обеспечивают 80% ВВП. Принимают 7–8 миллионов человек в год. А если учесть, что это в основном зимние четыре месяца... Получается, тащат на себе в сто раз «большой вес». Просто муравьи какие-то! Наверно, и поэтому тоже в Андорре ВВП составляет 41 тысячу долларов на душу населения, а в РФ – наоборот – 14. Хотя, сегодня ещё пониже будет. Конечно, тут не нужно тратиться на оборону. Всё за них делают Испания и Франция. И всё-таки... Да! Ещё банки. Тут только местные! Попробуй переведи денежки отсюда в другую страну – сразу снимут приличненькую сумму... Откуда деньги? Нужно разбираться... Но частные андоррские банки уже хотят прибрать к рукам все, кому не лень. Это холодное дуновение из-за океана отчётливо ощущают на себе их простые служащие...

Да ладно! Это уже неинтересно. Вездесущий холодный рассудок проснулся и начитает гасить первые яркие впечатления.

Глава первая

Рассказ

Помешивая кофе, Писатель смотрел в окно. Узенький пруд с нависшими зарослями крапивы и осоки постепенно превращался в широкий бесформенный водоём, окружённый лопухом и чертополохом. Посреди зелени пышно цвёл яркий синий ирис. Это напоминало Ван Гога, импрессионистов и радовало взор. Писатель прищуривал глаза, хотя солнечный свет его не слепил, и предавался мыслям. По стенке чашки прямо на стол неотвратно стекала капелька бурой жидкости. Ложечка бренчала что-то своё, и вовсе не в том ритме, который ей задавала рука трапезника. Писатель мечтал.

Мечтал он все время об одном и том же.

После завтрака, так и не приняв душ, он заносил руки – совсем как Ван Клиберн – над печатной машинкой, и после тяжёлой паузы на чистый лист неизменно ложились слова «о чём, о чём, о чём же писать?» Так хотелось испещрить новый текст модными оксюморонами, приятными сердцу Писателя многосоюзием, аллюзиями и реминисценциями...

Женщина, готовившая кофе и делившая с Писателем кров, клала руки ему на плечи, целовала его в затылок и, пытаясь утешить, приговаривала: «Ничего, ничего». Он только поднимал голову, брал её руку, сжимал в ладонях и виновато смотрел. Она повторяла ещё раз своё «ничего» и, одарив Писателя воздушным поцелуем, удалялась. Он оставался один, сидел в кресле и вполоборота наблюдал, как лёгкий ветерок раскачивает занавески на раскрытом окне.

Слоняясь по комнатам, Писатель иногда натыкался на газеты, которые стопкой лежали у входной двери. Туда их складывала Женщина, которая, в свою очередь, находила их ежедневно в почтовом ящике, но сама новостями не интересовалась. Писатель выдёргивал из кипы газету, открывал её, перелистывал, не читая, страницы. Чёрно-белые листы постепенно закрывали весь стол. Потом он сбрасывал их со стола и глубоко вздыхал. Руки были грязными. Писатель когда-то издал повесть, или, скажем так, длинный-длинный рассказ. Он хорошо помнил счастливые мгновения его рождения. Тогда, в порыве творческого прозрения, он судорожно хватал первые, попавшиеся под руку клочки бумаги, конверты, старые газеты и мелким убористым почерком быстро переносил на них обрывки внезапно появляющихся мыслей. Женщина аккуратно вырезала творения Писателя и приклеивала на листы бумаги хозяйственным клеем. Её это забавляло, а Писателю не было до этого никакого дела. Он писал, потому что писалось. Получилось что-то, наполненное событиями. Они переплетались как змеи в норе, создавали интригу, увлекавшую читателя.

Один добротный журнал по частям опубликовал повесть на своих последних страницах. Редакция не была завалена восторженными письмами читателей, но какая-то фирма, специально занимавшаяся для журнала изучением общественного мнения, объявила, что повесть «понравилась». Пожилой и уже лысеющий редактор с воодушевлением пожал Писателю руку:

– На два следующих квартала у нас уже есть кое-что, но потом, потом были б очень рады!

Писатель радовался как ребенок: «Мою прозу читают, любят и хотят ещё!»

Теперь новое произведение. Он уже знал, что это будет страниц триста, и какой будет эпиграф. Даже два! Наклёвывалось название. Нечто похожее на “Les neiges d’antan” («Прошлогодний снег») из Франсуа Вийона.

Итак, утро начиналось с завтрака, продолжалось сидением за письменным столом и ковырянием в машинке. Ленту

иногда заедало на переносах. «О чём писать, о чём писать?» До конца квартала оставалась неделя, и Писатель постепенно приближался к пониманию того жуткого факта, что он уже никогда ничего не напишет, и вовсе он не писатель. Не писатель, а идиот, которому просто повезло: пришло вдохновение, на мгновение проснулся талант, до той поры никем не пестовавшийся и крепко спящий, да случай поставил свою визу. Но на этом всё! В такие минуты Писателю хотелось, чтобы его роман был заказан не плешивым редактором, а каким-нибудь человеком в чёрном плаще и надвинутой на глаза шляпе, как Моцарту – «Реквием». Тогда, разумеется, работа бы пошла. Какие эмоции стояли бы у истоков произведения!

Но иллюзии быстро исчезали, и он говорил себе: «Хватит. Я ничего так не напишу. Нужно выносить, выстрадать! Когда пойдёт, тогда и пойдёт. И нечего расстраиваться. Позвоню редактору, признаюсь, что публиковать нечего, и буду жить по-старому. Ещё лучше сказать, что написал много, но публиковать пока не хочу: читатель ещё не готов!» Женщина, которая наивно думала, что поддерживает этим Писателя, говорила ему: «Ты можешь!» – хотя сама даже не знала, так ли это. Он переспрашивал её: «Ты думаешь?» – и она уверенно кивала головой, издавая что-то вроде положительного мычания. Примерно такими звуками отвечают бабушки, занятые вязанием, внукам, надоевшим своими вопросами.

Урна под столом давно заполнилась грудой бумажных комков, и Женщина поняла, что работа не клеится. Её вообще удивило и даже насторожило, что Писатель притащил из какого-то очень дорогого магазина специальную бумагу с водяными знаками и набор перьевых ручек. Прежде такого не было. Раньше именно она склеивала обрывки текстов, и получалось произведение. Позднее ей пришлось привыкнуть к стуку печатной машинки. Что же, теперь и это в прошлом. Вскоре, правда, ручки исчезли где-то в глубине стола и даже провалились за выдвижные ящики.

К обеду Женщина возвращалась с работы, готовила еду, которую Писатель поглощал в состоянии глубокой депрес-

сии, произносила что-то понятное, житейское и привычное, как гул от железной дороги, проходившей за лесом. Она исчезала незаметно, оставляя Писателя одного, совсем опустошенного, хоть и плотно пообедавшего, осознающего, что это всё, и надо просто себе в этом признаться. Надо вернуться на прежнюю работу, которая когда-то его совершенно устраивала и которой он был рад. Там, в бухгалтерии мэрии, всегда рядом сидели люди, они что-то считали и пересчитывали, каждый своё, иногда поднимали головы и обязательно улыбались как будто не тебе, а так, всему миру... Но зато каждое мгновение рабочего времени было наполнено совершенно понятными действиями. Всё их «творчество» состояло в том, чтобы своевременно, полно и достоверно отразить существующую реальность. Почти как у писателей, только здесь это нужно делать цифрами, плотно уложенными в вертикальные и горизонтальные графы балансового отчета. Писатель чувствовал эту метаморфозу и даже гордился тем, что уже давно занимается отображением действительности. И, тем не менее, любые воспоминания о тех годах угнетали его. Бесконечные ряды цифр вставали перед глазами и давили на психику.

В такие моменты Писателю было особенно тяжело. Он часами расхаживал по дому, сунув ноги в грязно-бежевые тапки с давно смятыми задниками. Проходя мимо книжных полок, он трогал корешки красиво переплетённых томов, вытирал испачкавшийся пылью палец об халат, несколько раз включал телевизор. Сидя на диване со съехавшей со спинки подушкой, он почему-то держал голову боком, косясь на экран. В потоке слов, фраз и диалогов, исторгавшихся из электронно-виртуального мира, Писатель искал зацепку.

«Про что, про что же писать, чёрт возьми! – Писатель тербил себя за кушак халата. – Какая глупость! С чего я вообще взял, что могу писать? Ну, получилось один раз, но это же не значит... Один раз можно много чего... В первый раз всегда и получается-то в основном у неумёх... Недаром говорят, в казино новичкам везёт».

Часы в гостиной били каждые полчаса, и воздух за окном серел, постепенно давая понять, что день проходит, и

проходит впустую. «В году всего триста шестьдесят пять дней, ну, иногда триста шестьдесят шесть. Если жить семьдесят лет, то получается всего каких-то двадцать пять тысяч дней с хвостиком. А сколько я уже просидел вот так!» От этого умозаключения Писателя сразу же бросало в жар. Он заходил в ванную остудить лицо холодной водой и потом долго смотрел в продолжавшее мутнеть зеркало. От этого его переживания постепенно тускнели, и вновь просыпался разум. «Carpe diem, carpe diem! Мудрецы! – сокрушался Писатель. – А как поймашь? Да и что там ловить? Вон их сколько, дней-то, и ловить не надо!»

Во входной двери чирикал ключ. Восемь. Какое-то время уйдет на ужин, и думы будут не такими тяжёлыми. После еды Женщина гремит посудой на кухне. Писатель сидит за столом, выскабливая доньшко баночки из-под йогурта.

– Как наш роман, – оглушала его Женщина, вытиравшая стол, – подвигается? – Писатель вздыхал, пристраивал ладони на край стола, как пианист, только что закрывший рояль, с неживыми, ждущими свои ноты клавишами и что-то бубнил в ответ. Женщина продолжала сосредоточенно вытирать стол. Писатель в глубине души упрекал её за эту бессердечность: «Зачем с такой энергией всё это делать?» Ему хотелось, чтобы женщина погладила его по голове и прошептала что-нибудь вроде: «Ты, наверное, заболел, может, тебе вернуться на прежнюю работу?»

Иногда, особенно после лёгкого ужина, Писатель отправлялся в город погулять, заглянуть куда-нибудь, посидеть за кружечкой пива, наблюдая за праздно веселящимися завсегдатаями питейных заведений. Его завораживали лёгкость их отношений и, как ему казалось, искренность чувств. Он настолько проникался духом беспечности, царившей в баре, что распрощавшись к полуночи с новыми знакомыми, влетал в дом и, пританцовывая, восклицал:

– Когда я выпью пива, особенно на голодный желудок, у меня столько идей кишит в голове!

– Почему же ты их не записываешь? – удивлялась Женщина. Писатель пожимал плечами и ложился на диван. Он

был доволен собой, своим вдохновением; он верил, что завтра оно выльется на бумагу шедевром прозы. Но Морфей овладевал им, и Женщина нежно накрывала его клетчатый пледом.

Потом, на следующий день, всё было по-старому: кофе, бурое бесформенное пятно на столе, бренчащая ложка, шелест газет и собственное ненавистное лицо, нависшее над раковиной. «Я больше не могу, – произнёс как-то Писатель. – Достаточно ли одной картины, чтобы зваться Художником? Одной сонаты, чтобы быть Композитором? Пусть я написал всего одну маленькую повесть, но написал её с любовью и был рад ей, и наслаждался моим трудом. В конце концов, написал же Ален-Фурнье всего один роман! А Грибоедов!» Внезапно пошёл дождь. Окно кабинета сразу же превратилось в «заплаканное» лицо Писателя, исполненное отчаяния. «Но это потому, что одного убили на фронте, а другой погиб, исполняя свой долг... А я? Я ведь жив...» – Писатель задумался, но смог вспомнить лишь счастливые детские годы. Сильный ветер играет верхушками вязов, крутит флюгер, а он в очередной раз поднимает высоко над головой руку с привязанным к ней «змеем» и бежит, бежит что есть духу по берегу, на глазах у всей местной детворы. Запыхавшись, он всё-таки останавливается и смотрит вверх... Но в небе ничего нет. Кроме череды рябых облаков и радуги от капелек пота, застрявших в его ресницах.

«Господи! – подумал Писатель. – Может, я уже сказал всё, что мог и хотел сказать, может, я уже получил отведённую мне порцию счастья? Но если так, то в чём же теперь смысл жизни? Что теперь делать?»

Внезапно к горлу подкатился комок, откуда-то взялись тонны слёз, которые не текли, а просто стояли в глазах, как в шлюзах. Писатель прошёл в ванную, где была аптечка, высыпал на ладонь содержимое маленькой баночки с красными восклицательными знаками на этикетке и с трудом проглотил, запив водой из-под крана. Из зеркала на него глядел кто-то очень заплаканный и лохматый. Ничего не происходило. Но потом стало немного легче – так, как было,

когда он с вечера решался засунуть машинку на шкаф, собрать свой бухгалтерский портфель и начистить ботинки.

Он прошёл обратно в комнату, просветлённый и лёгкий. Постоял у окна с видом на пруд. Синий цветок опал, а на его месте красовался странный плод, словно скоморошья шапка с бубенцами. Дождь только что кончился, и в капельках, облепивших осоку, светились тысячи маленьких солнц.

Женщина пришла поздно вечером и, сняв пальто и сапоги, вошла в кабинет Писателя.

Он сидел в своём рабочем кресле, с опущенной головой и закрытыми глазами. На полу валялись вывороченные из стола ящики. Посреди стола белел лист роскошной бумаги с водяными знаками, а на нём перьевой ручкой было выведено: «Глава первая».

Отзывы писателей Санкт-Петербурга о прозе Б.Ф. Корнева

Всё, что берётся изображать Борис Корнев, имеет не просто реальную основу, но и досконально ему известно. Большая, кстати, редкость в литературе вообще, а в современной – тем более. Сам материал исследован значительно глубже, чем явлено в книге, и это хорошо чувствуется по тексту... На 150 страницах повести **«Реальная четвёрка»** пролетела насыщенная и по-разному захватывающая жизнь четырех одноклассников – партийного функционера, диссидента, бандита и кэжэбэшика. Пролетела так быстро, как и в реальной жизни. Да и вообще, всё произведение реальное. (*Алексей Ахматов*)

Так и пахнуло со страниц дурным ветром той эпохи, наверное, тоже по-своему великой или, во всяком случае, величественной. Это-то погибельное величие очень хорошо передано в романе, – вот что хочется сказать первым делом. Не просто «схвачен дух времени» (хотя он, разумеется, чувствуется на страницах романа **«Тандем»** очень живо), – а целая панорама развёрнута, которая у иного автора расползлась бы на хороший двухтомник, а тут компактно так уложилась на двухстах всего-то страничках, и никто не жалуется на тесноту, на скороговорку, на торопливую конспективность. Действие изящно порхает через годы и пространства, захватывает и закат Советов, и перестройку, и далее, далее; из России перелетает во Францию, в Голландию, даже в Бразилию... В Абхазии мы успеваем побывать – в самые-самые кровавые её дни, – и в весёлых кварталах Амстердама, и в коридорах власти. (*Алексей Бакулин*)

Автор повести **«Дальтоник»**, совместив воедино мироощущение длительно-короткого времени в судьбе главного героя, кадрового офицера Красной армии, глубоко и полнокровно показывает читателю сотканную из противоречий жизнь военного времени, где перемешались поступки глупые, трусливые и геро-

ические. Б.Ф. Корнев стремится постигнуть, понять причины коллаборационизма в оккупированных деревнях, причины возникновения партизанских отрядов. Почему сотни и сотни тысяч военнопленных были объявлены врагами народа и фактически лишены надежды на помощь армии. Художественно-публицистическая повесть «Дальтоник» посвящена поколению отца Бориса Федоровича Корнева. Достоинство повести в интересном сюжете, точности композиции. Книга талантлива. (*Владимир Ершов*)

В центре повести «**Реальная четвёрка**» судьбы четырех друзей-одноклассников. Автор воспринимает их не как сторонний наблюдатель. Он сживает с ними настолько, что со страниц книги с нами беседует как бы их непосредственный участник. Более того, соучастниками события он делает и читателя. Персонажи, встающие из-под писательского пера, красочны и рельефны, судьбы героев порою способны перевернуть душу... Палитра авторского дарования обогащена нестираемыми школьными впечатлениями (первый поступок, первая четвёрка в четверти, первая любовь...) Сказать умное, честное слово немудрено. Их так много сказано и написано; но чтоб истины действовали, убеждали, умудряли, чтоб они проходили прежде через души – это дано не каждому автору. Повесть Корнева Б.Ф. не оставляет читателей равнодушными. (*Маргарита Боженкова*)

В повести «**Дальтоник**» Б.Ф. Корнев ставит своей целью не только описать события тяжких дней отступления и оккупации, но прежде всего старается исследовать, что происходит в душе 27-летнего Фёдора Астахова, когда тот попадает в плен, видит предательство и трусость... Раскрыть «изнутри» характер своего героя, объяснить эволюцию его умонастроений автору удаётся. (*Юрий Туйск*)

Читатель книг Бориса Корнева с первых страниц попадает в напряжённую ситуацию. Его герои не пассивные наблюдатели. Они смелы, умны, заражают читателя энергией, правдолюбием. (*Александр Гостомыслов*)

Надо признать, что Б. Корнев твёрдо и умело следует в русле толстовской (вообще, русской литературной) традиции: убедительно изображает героизм без позы и без фразы, то есть героизм как таковой. (*Алексей Бакулин*)

Корнев, к счастью, из тех писателей, кто пишет «романы с продолжением», – но не сюжетную линию протягивает из одной вещи в другую, а мысль, мировоззрение, образ... Он чётко выстраивает свой собственный мир, его вселенную не спутаешь ни с какой другой, его пространство всегда жёстко организовано, всегда очерчено скупыми, но точными и энергичными штрихами. Его рука – рука не живописца, а графика, гравёра-виртуоза; даже говоря о такой расплывчатой, трудноуловимой материи, как сознание поэта-символиста (я имею в виду его рассказ о Шарле Бодлере), он не пускается в прихотливые фантазии, он остаётся ясным и определённым. Его повести – это звенья одной мысленной цепи... Венок сонетов – это определение очень подходит к его творчеству, ибо сонет не терпит бесформенности, сонет – это чёткая словесная конструкция с ясной мыслью и зримыми образами. Венок сонетов – это переход из мысли в мысль, что так соответствует творческой манере Б.Ф. Корнева. Сегодня этот венок мастерски завершён мадригалом, повестью **«Профессиональный дилетант»**. Но законы прозы более обширны и разносторонни, чем законы поэзии, – там, где поэт ставит точку, прозаик продолжает свой труд. И мы знаем, что новая повесть, словно ключ раскрывающая некоторые тайные двери прежних работ писателя, откроет путь и к будущим его произведениям.

(Антон Лунд)

Колесо сансары на русских просторах

Если кратко пересказывать повесть Бориса Корнева «Одна на всех...», то выйдет вот что.

Идёт война – Великая Отечественная. Русское село занято немцами. Три юных героя, друзья – Петя, Вася и сестра Васи Зина пытаются найти способ выжить. Зину угоняют в Германию. Вскоре и мальчики, потерпев неудачу в поисках партизан, тоже попадают в эшелон оstarбайтеров. Чтобы не умереть от голода и получить возможность перебежать к своим, они записываются в РОА. При переходе линии фронта Петя погибает, а Васю встречают как предателя, власовца. Он попадает в лагерь. После войны брат с сестрой встречаются и, несмотря на всё пережитое, пытаются вписаться в новую жизнь... Вот и всё.

И как всегда краткий пересказ не успевает донести до читателя нечто главное. Из предыдущего абзаца можно понять, что повесть вновь (в который уже раз за последние годы!) предлагает читателю ужаснуться несправедливостям, царившим «при Сталине», пожалеть власовцев – «они сражались против тоталитаризма!» – «нельзя всех их мазать одной краской!» и так далее... Советский лагерь, неустроенность послевоенной жизни, – всё это сейчас видится вчерашним днём литературы. Сейчас, чтобы произвести благоприятное впечатление на «утомлённого демократией» читателя, писатель должен похвалить и советскую эпоху и самого Иосифа Виссарионовича. И, следовательно, повесть «Одна на всех» идёт против читательских чаяний.

Против?.. Или, может быть, Борис Корнев не «против» и не «за», может быть, он говорит вообще о другом, и повесть его лежит несколько в иной плоскости? Давайте разберёмся.

Некогда весь советский народ, как один человек, страстно жаждал освобождения от оков социализма, воцарения общества свободной инициативы, демократии и свободы. При этом каждый из нас, горе-мечтателей, был твёрдо уверен, что в капиталистической России он непременно станет если не Ротшильдом,

то уж во всяком случае, свою виллу, яхту и пару-тройку «Мерседесов» займет наверняка. Все верили, что демократия если и не сделает президентом каждого, то уж каждому позволит влиять хотя бы на местные власти. Жизнь несколько подправила наши мечты. Большим сюрпризом для многих оказалось, что в обществе, где есть богатые, непременно должны быть и бедные, и что бедных несравненно больше, и что, скорее всего, именно вам-то богатство и не светит.

И тогда, не без некоторого предварительного скрипа, наши мечты обернулись к другой эпохе: к развитому социализму и к социализму сталинскому. Теперь все твердят, что это было общество подлинного благоденствия, истиной справедливости, братства и товарищества. Имелся, разумеется, в нём и аппарат подавления, но количество его жертв значительно завышено нынешней пропагандой, а если и были жертвы, то они сами виноваты в своей печальной судьбе: поделом получили! И уж конечно, если придёт новый Сталин, то мы-то, мы-то с какой же стати окажемся по ту сторону колючей проволоки? Этого просто не может быть, потому что... потому что... потому что этого не может быть никогда! И даже если не брать в расчет колючую проволоку, если говорить о более скромных гражданско-правовых неурядицах, – как они могут коснуться нас, честных тружеников, преданных идее и лично товарищу N? Да не может того быть! Уж на этот раз никаких сюрпризов судьба нам не подбросит!

Однако подбрасывание сюрпризов – это основная функция судьбы. И ей, собственно, совершенно всё равно, какой государственный строй стоит на дворе, – развитой социализм, или торжествующий либерализм, или, быть может, кондовый монархизм, – судьба не обращает внимания на подобные мелочи. Колесо её равно катится и по просторам СССР, и по кочкам РФ, и по всяким иным дорогам, – и горе тому, кто встанет у него на пути. А таких, как правило, немало – и героев, и дураков, и просто зазевавшихся растяп (последних, как правило, больше всего).

Что, собственно, и демонстрирует нам повесть Бориса Корнева.

Кто её главный герой? Петька? Васька? Зинка? Нет – всё это лишь расходный материал истории. Главный герой повести – Рок. Да, как в древней трагедии.

Разве советским мальчишкам Пете и Васе мечталось о свержении ненавистного сталинского ига? О том, что они когда-нибудь в рядах славной Освободительной армии, под командованием великого Власова войдут в Москву и утвердят царство свободы?

Ничего подобного. И Петя, и Вася мечтали о том, о чём положено было мечтать советским ребятам военной поры. Они совершенно искренне стремились на фронт к нашим, они прилагали к тому немалые усилия, – и что же? А ничего. Карта не так легла. Полицаи, немцы, страшный, смертный поезд с оstarбайтерами, и впереди если не смерть в грязи и стуже, то беспросветное рабство у расы господ. А мальчишки-то хорошие, – наши мальчишки! – им не просто выжить хочется, им хочется к нашим, чтобы воевать с фашистской гадиной, чтобы в первые ряды... И ради этого-то они вступают в РОА, и не сделав ни единого выстрела по России, пытаются перейти линию фронта. Эта иллюзия многих и многих крепко подвела. Считают, что РОА состояла только из лютых, потомственных антисоветчиков, кулаков и буржуев, идейных борцов... Куда там!.. Таковых было, может быть, процентов десять, – и то вряд ли... Основную массу составляли тупо-равнодушные, кому глубоко безразлично перед чьими погонами стоять навтыяжку, лишь бы каши подкладывали вовремя. И вторая большая категория власовцев: те, кто решил взять у судьбы тайм-аут. Мол: «Чего ж помирать-то? Вот отъежусь после немецкого лагеря, отосплюсь, очухаюсь, – а там и к нашим!» (Кто не верит такому моему раскладу РОА, могу при случае доказать с цифрами в руках.)

Вернуться к нашим удавалось единицам. И те, кто вернулись, – не обрадовались возвращению. В числе таких оказались и Вася с Петей...

Мальчишки эти сошли из-под пера Бориса Корнева очень симпатичными, обаятельными, даже героичными. Да нет, героичными не на шутку! Они и в родной деревне, оказавшейся под немцами, пытаются самостоятельно партизанить, и от полицаев могут уйти, и даже попав в поезд смерти, не унывают, не сдаются – ищут возможности отомстить. И бегут из РОА, и переходят линию фронта...

Это, собственно, и есть русские герои – тут надо признать, что Борис Корнев твёрдо и умело следует в русле толстовской (вообще, русской литературной) традиции: убедительно изображает героизм без позы и без фразы, то есть, героизм как таковой. Точно такие же героини-мальчишки, как и главные персонажи повести, победили в этой войне, сломали хребет фашистскому зверю – точно такие же, но... Чуть более везучие. Те, кто не попал на глаза Вию, то бишь Фатуму. А с роком, как учат великие Эсхил, Софокл и Еврипид, не в силах справиться и титаны!.. Да что там – сами боги... Интересно, что герои повести явственно чувствуют

на себе взгляд Вия, видят, что несмотря на усилия, всё у них идёт как-то не по-людски, и пытаюсь осмыслить происходящее с ними, Петька изрекает такой афоризм: «Хорошее никогда не бывает просто так. Обязательно рядом какая-нибудь пакость присосётся». Эта фраза становится лейтмотивом повести, повторяясь несколько раз в разных обстоятельствах. Любопытно, однако, что всё хорошее в повести Корнева создаётся самими героями, пристраивается, так сказать, из их душ, а «пакость какая-нибудь» присасывается неизменно извне, даётся судьбой, как вводная, как тот кирпич, которым естествоиспытатель загораживает муравью его привычный путь в муравейник.

Герои древних трагедий в этой битве с судьбой неизбежно гибнут. Вот и Петька тоже... Не успел парень дойти до наших...

Но ведь Корнев не стилизуется под древнего грека, он пишет простую (по меркам XX века) историю из жизни простых русских людей. А в жизни сплошь и рядом бывает так, что вот – переехало тебя колесо судьбы, а ты ещё жив. И начинается иная битва, на которую древние как-то не обращали внимания: битва за самого себя, за то, чтобы снова научиться стоять на ногах.

Именно этому и посвящена вторая половина повести, и тут уже не только Васька, оставшийся в живых, но угодивший как власовец в лагерь, учится заново ходить, но и сестра его Зинаида, тоже попавшая под бульдозер эпохи, побывавшая в остарбайтерах, опозоренная, растоптанная, изо всех сил пытается выбраться на свет Божий.

И что характерно: это им удаётся. Пусть только в общем и целом, не без потерь, не без страшных ран и не для всех очевидно – но всё же удаётся. Как говорит брату Зинаида: «Ты что, Василий! Брось! У нас мужики только с алкоголизмом не могут справиться... А всё остальное – ерунда, перемелется».

Перемелют герои все свои беды, но что же за мельницу нужно для этого иметь... Поистине сказочной силы... Вот вам снова героизм – и уж такому героизму не станут завидовать «юноши, обдумывающие житиё», хотя именно его нам больше всего и не хватает сейчас.

Знаете, какие аналогии напрашиваются корневской повести? Не удивляйтесь: «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого. В сущности, это тот же рассказ о человеке, безжалостно и равнодушно раздавленном судьбой, но сумевшем (буквально!) подняться на ноги. Разница, однако, в том, что если у лёгчика Маресьева раздроблены кости ног, то у Василия и Зинаиды раздроблена земля под ногами. Если лётчик находит в себе силы,

чтобы вернуться на передовую, так сказать, в стан героев, то брату с сестрой нужно вернуться в ряды «простых людей», «обычных людей», «нормальных людей»... Это возвращение, как ни странно, намного сложнее.

Собственно, повесть небольшая – вот мы её всю и пересказали, и на всё, на что хотели обратить внимание читателя, обратили. Но есть в повести ещё один герой, которого, боимся, кое-кто сочтёт чрезмерно литературным и придуманным. Это немец Гюнтер, студент-ботаник (как тут не вспомнить о современном, разговорном значении слова «ботаник», которое Гюнтер вполне оправдывает)... Молодой человек – не то чтобы антифашист, но и не прилепившийся душой к нацизму. В доме его родителей в Лейпциге служит остарбайтер Зинаида (студент даже влюбляется в служанку из России), а потом Гюнтер, как военнопленный, попадает в тот же советский лагерь, где сидит власовец Василий. «Совпадение, как в романах!»

Нет, это не совпадение. Просто писатель-реалист в силу законов жанра вынужден описывать только видимый мир, а между тем, мир невидимый – он так же имеет место, и никто из нас не чужд его влиянию. Настоящий реалист – он чувствует полёт ангелов, но не каждый из писателей сочтёт возможным вводить их на страницы своих книг. Вот и получает читатель то Платона Каратаева, то Союю Мармеладову, то Лукерью из тургеневского рассказа «Живые мощи»: все суть герои и не нарушающие как будто реалистическую ткань повествования, и в то же время совершенно не земные создания, а эзоповым языком описанные ангелы. Немец-ботаник Гюнтер – из их числа. Чуткий читатель не поверит в жизнестойкость персонажей, если рядом с ними не будет такого законспирированного ангела: настоящий читатель тоже чувствует необходимость поддержки горних. Помните, как у Вячеслава Ходасевича:

*Тогда с прохладнейших высот
Мне бросьте пёрышко одно,
Пускай снежинкой упадёт
На грудь спалённую оно...*

Гюнтер бросает это пёрышко и Зинаиде, и Василию, и ангельская прохлада даёт им силы жить в пекле XX столетия.

Закончить хочется тем, с чего повесть начинается: памятный 1975 год, 30-летие Победы; во дворе дома мужики отмечают этот «праздник со слезами на глазах». Среди них – Василий. И вот, выпив, закусив и прослушав в сотый раз песню Окуджавы про

десантный батальон, мужики принимаются бить Василия: «Словно жуткий ритуал: бьют привычно, всерьёз, кулаками, да всё по лицу норовят. Бьют, а у самих слёзы на глазах...»

Бьют, как «бывшего власовца» – мы-де как воевали, как нормальные люди, а ты... Так они сами понимают эту свою «ритуальную драку». А на самом деле просто чувствуют: этот стоит за гранью; этот – мало того, что побывал под колесом, но и выжил, и вернулся; и пусть он вернулся, «своим», «нормальным» он никогда уже не станет.

Алексей Бакулин

«Любовь пронизывает всё»

(из отзыва на сборник «Зеркало любви»)

...Школьная, полудетская любовь – самая чистая благодаря своей наивности и невинности. Думается, рассказ «Этот сумрачный белёсый свет» живо напомнит каждому из читателей аналогичную историю из его ранней юности. Автор проявляет себя как тончайший психолог. С какой выразительностью описана сложность зарождения первой любви у старшеклассников – героя и героини! Боязнь признаться героине, которая, кажется, увлечена другим мальчиком, в зарождающемся чувстве – не та ли это «оробость, неразлучная с истинною любовью», о которой говорит Пушкин в «Метели»? А стремление скрыть свое чувство «подчеркнутым безразличием» очень напоминает «Новую жизнь» Данте. Впрочем, о преемственности Б. Корнева по отношению к мировой классике речь впереди.

Столь же сложными оказываются любовные переживания и отношения у взрослых людей в рассказе «Последние капли дождя». Любовь героя и героини – лётчика и певицы – взаимна, их отношения далеко не платонические, и ничто, казалось бы, не препятствует их счастливому союзу и созданию семьи. Но на поверку выходит совсем не так. Слишком разные они были люди: он – на небе, она – на земле. «Его, – сообщает автор, – увлекали спорт, авиаклуб и стремление к риску, ей нравились музыка, пение, гармония семьи и душевное спокойствие». Иными словами: героя и героиню не объединяет и не сближает ничего, кроме любви. Это-то и определяет все особенности их судьбы. Такой вот парадокс. Впрочем, жизнь вообще полна парадоксов, а любовь – тем более. Возникает, однако, мысль: а нет ли здесь скрытой полемики со старым советским фильмом «Небесный тихоход»?

Особо хочется остановиться на эссе Б. Корнева, посвященных переводам знаменитых французских поэтов – Г. Аполлинера, Ш. Бодлера и Ф. Вийона. Как поэт-переводчик и преподаватель художественного перевода могу сказать, что переводоведение или теория перевода – наука сравнительно молодая. К тому же

большинство сочинений по этой дисциплине – либо научные статьи и монографии, либо учебники, т. е. предназначены они для профессионалов, а не для широкого круга читателей. Одно из отрядных исключений – книга К. Чуковского «Высокое искусство», автор которой был не только популярнейшим детским поэтом, но и талантливым переводчиком английской и американской художественной литературы. Сюда же можно отнести упомянутые эссе Б. Корнева.

Характер этих эссе глубоко личностен. Так, в начале эссе «Тайны „пылающего Разума“», посвященного стихотворению Аполлинера «Прощание», писатель вспоминает свое первое знакомство с творчеством этого поэта, состоявшееся незадолго до окончания школы, и описывает трогательную сцену на экзамене по французской литературе. «Не могу спокойно читать переводы Аполлинера», – признаётся автор. Сопоставляя его переводы, выполненные А. Побожевым, М. Яновым и М. Кудиновым, Б. Корнев отдаёт предпочтение последнему.

Удивительно, с какой филологической тонкостью и знанием дела, тонкостью и любовью анализирует Б. Корнев переводы, выполненные разными авторами, подчеркивая их достоинства и недочеты. Критические высказывания отличаются объективностью и добросовестностью – они конструктивны, а не деструктивны. Всесторонность переводческого анализа свидетельствует о высокой читательской культуре. И это при том, что филологического образования у Б. Корнева нет. Но в начале эссе содержится такое замечание: «Можно успеть набраться слов, оборотов, целых кусков, пригодных для описания творчества любого прозаика или поэта. Этакая суррогатная филология». Мне-то, кандидату филологических наук, хорошо знакома эта «суррогатная филология», замешанная на марксистско-ленинском догматизме и превратном толковании реалистического искусства. Эх, да что вспоминать... Тем более отраднo, что в рассказах, очерках и эссе Б. Корнева идеологическая зашоренность начисто отсутствует. А преодолеть её не так-то просто – по себе знаю...

Рассказ о Бодлере «Зеркало любви». Повествование ведётся от первого лица. Прежде всего обращает на себя внимание глубокое знание эпохи – здесь совершенно нет анахронизмов – и творчества этого поэта, а также удивительный дар перевоплощения. Выпускник факультета психологии, Б. Корнев и в художественном творчестве проявляет себя тонким психологом. Не будучи поэтом, автор удивительно точно и достоверно описывает рожде-

ние стиха: «Я, словно беременная женщина, месяцами вынашиваю идею короткого стиха. Эти муки – ад, и, в то же время, необыкновенная услада! Потому что, в конце концов, – я знаю – обязательно мысль оформится в слова, они превращаются в изумительную мелодию, душе становится легко, и ты уже плывешь по течению».

Говоря о любовных переживаниях поэта, Б. Корнев не отделяет их от сладострастия, которым изобилует творчество Бодлера. Такие описания вполне откровенны, но чрезвычайно чисты и целомудренны. А это мало кому удастся, особенно в наши дни...

Андрей Родосский

«..Вверни себя Провидению!»

Начать разговор о сборнике Бориса Корнева «Бухта Провидения» я бы хотел с самого нетипичного для данной подборки рассказа – рассказа под названием «Все дома!»; скажу больше: этот рассказ не типичен не только для «Бухты Провидения», но и вообще для мировой литературы, – много ли вы знаете произведений, написанных от имени собаки, не какой-то условно-басенной, иносказательно-эзоповой, но от лица (морды) обычного домашнего пса? Все мы (мы, собачники!) знаем, что собачий интеллект не уступает разуму человеческого ребёнка трёх, четырёх, а то и пяти лет от роду. Следовательно, если существуют рассказы, написанные от имени малых детей, то почему бы не воспроизвести собачий взгляд на мир? Настоящему прозаику всегда повадно влезть в чужую шкуру, окинуть жизнь чужими глазами, – почему бы этому желанию не принять и такие радикальные формы?

Впрочем, довольно оправданий, обратимся к самому рассказу. Его безымянный герой – благовоспитанная домашняя псина – повествует о неожиданном повороте в своей судьбе: хозяин привёл в дом ещё одну собаку – маленького своенравного кобелька. Всякий знающий животных подтвердит: такое событие – серьёзное испытание для вашего домашнего любимца, нужно немалое время, чтобы новые соседи приняли друг друга, выстроили иерархию отношений и научились жить по-новому. И не факт, что всё кончится благополучно!.. Собственно, рассказ «Все дома!» именно об этом – о вживании в новую ситуацию, о попытке вписаться в нежданный поворот судьбы, о трудном диалоге с Провидением, когда неясно, за кем останется последнее слово.

«Провидение» – слово как будто из церковного лексикона, но почему-то от наших верующих вы его не так-то часто услышите, и страницы православных богословских книг им не пестрят. Скорее уж слово это напоминает о любимых в детстве романах Жюль Верна, Майн-Рида и т. п. Так и всплывает в голове что-

нибудь, вроде: «— *Корабль несёт на скалы!* — вскричал капитан, перекрывая своим зычным голосом рёв урагана. — *Надежды на спасение нет, нам остаётся вручить себя Провидению!*» Да, Жюль Верн очень любил поминать Провидение к месту и не к месту, и потому в памяти оно лежит на одной полочке с муссонами и пассатами, со скалами, рифами, штормами, астролябиями, секстантами и прочим приключенческим инвентарём.

И когда видишь на школьной географической карте бухту Провидения, то не сомневаешься: уж здесь-то герои зачитанных книг чувствуют себя в своей тарелке, здесь для них вдоволь подготовлено смерчей, девятых валов, акул, кашалотов, коварных рифов и необитаемых островов.

Но у взрослых свои приключения, и нужен новый Жюль Верн, чтобы достойно поведать о них. Боюсь, что многим, очень многим из нас приходилось попадать в такие истории, когда невольно вспоминалась знаменательная фраза: «...*нам остаётся вручить себя Провидению!*»

Эта фраза явно или подспудно звучит в каждом из рассказов сборника Бориса Корнева «Бухта Провидения».

У старых авторов Провидение, как правило, благоволило герою, в последний момент выводя его из самых безвыходных положений. Что же видим мы в книге современного писателя?

Вот первая повесть, «Одна на всех...». Великая Отечественная война. Двое подростков угнаны в Германию. По дороге, чтобы избежать рабства у захватчиков, они вступают в РОА. При первой же возможности мальчишки бегут через линию фронта к своим. Один из них гибнет в перестрелке, второй попадает в плен, как изменник Родины...

Вот рассказ «Исправление ошибок». Четверо мальчишек ночью забрались в учительскую, чтобы выкрасть классный журнал. В самый ответственный момент этой операции в коридоре послышались шаги, и в кабинет вошёл учитель труда. Пользуясь темнотой, двое мальчишек успели выскочить в окно на ветки растущего рядом дерева, третий же спрятался в шкафу. Первый из похитителей успешно спустился на землю, но второй, зацепился за ветку и повис, рискуя вот-вот свалиться с большой высоты. Не разбираясь, в чём тут дело, старый учитель кинулся к нему на подмогу...

«Оранжевое море». Начало Абхазской войны. Грузинские солдаты врываются в Сухуми, и начинается изощрённая, садистская расправа с мирным населением. Русская беременная женщина, пытаясь спастись от убийц, забирается в порту на баржу,

груженую мандаринами. Баржа покидает причал, но тут по ней открывает огонь грузинская артиллерия...

«Просто Мария». Девушка ехала за границу, чтобы устроиться на приличную работу, но против своей воли оказалась в грязном, низкопробном амстердамском борделе. После нескольких дней ада она решилась бежать...

«Инструкция по делопроизводству». Афганская война. Советник из СССР и его помощник попадают под обстрел...

Как видите, вверить свою судьбу Провидению будет не лишним каждому герою перечисленных здесь рассказов. В каждом случае повествование замирает на миг в неустойчивом равновесии на тончайшем пике судьбы, – куда его качнёт? в какую сторону?

«Кризис» – кажется, так это называется. Борис Корнев – специалист по кризисам; он, как сказано в аннотации, «автор научных работ в области экономики и кризисного управления». Он не в шутку изучил это странное состояние, когда судьба задаёт человеку вопрос, и он должен (зачастую, немедленно) дать на него вразумительный ответ. Интереснейшее состояние, когда внешний мир и человек встречаются лицом к лицу, когда жизнь, до сих пор делавшая вид, что она совершенно ручная, что она полностью от тебя зависит, что ты же сам её и создал, вдруг показывает, «кто в доме хозяин».

Таким внезапным поворотом может стать не только смертельная опасность, но и нечто совершенно ей противоположное. Допустим – нежданная любовь. Она тоже перепахивает тебя, тоже требует активности, действия, решимости. В противном случае, она тоже может привести за собой гибель. Именно об этом рассказ «Последние капли дождя». Двум его героям Провидение подарило любовь. Они немного поиграли этим чудесным подарком, а потом... Потом решили, что это слишком дорого, слишком накладно, слишком сильно меняет привычную жизнь. Лучше не вписываться в столь крутой поворот и выбрать дорогу поровнее. В результате же столь осторожного отношения к жизни, Он гибнет физически, Она, если можно так выразиться, теряет судьбу, становится одной из многих... Провидение можно одолеть, Провидению можно сдать, но спрятаться, уйти от него – нельзя.

Во многом схожую ситуацию мы видим и в рассказе «Глава первая». Всякий пишущий знает, что начало работы над новой вещью – тоже сродни внезапному повороту в биографии. Книга, если братья за неё всерьёз, способна изменить жизнь – и не только автора. Если, конечно, автор в состоянии принять на себя такой труд. Герой «Главы первой» оказался не способным на такое и ушёл из жизни.

Здесь хорошо было бы рассказать читателю, что название «Глава первая» носит именно последний рассказ сборника, и что такое решение отнюдь не было случайным для Бориса Корнева... Но об этом после. Поговорим пока о другом – о том, как переплетаются друг с другом рассказы «Бухты Провидения».

Первое и наиболее явное переплетение сюжетных линий – это цикл рассказов «Исправление ошибок» – «Бухта Провидения» – «Встреча» – «Чашка чая» – «Инструкция по делопроизводству». В сущности, этот цикл, объединённый общими героями, можно назвать небольшой повестью. Четверо школьников – незадачливых похитителей классного журнала, автор не бросает, завершив первый из рассказов, но прослеживает их судьбу далее, до взрослого возраста. Им уготованы встречи – встречи судьбоносные, «провиденциальные». Но вот что любопытно: двое героев, успевших (удачно или неудачно) выбраться из учительской, в будущем оказываются вне советской системы, выпрыгивают из неё как из школьного окна; один становится бандитом, второй диссидентом. Их ждёт встреча в колонии строгого (воистину!) режима, когда они точно два минуса в математике, соприкоснувшись, образуют плюс, возвращают к жизни друг друга и получают надежду на грядущее. Двое же мальчишек, не успевших покинуть учительскую, в дальнейшем не покидают и систему, плотно встраиваясь в её, казавшиеся незыблемыми, основы; один – учёный-полярник, затем партийный функционер, второй – офицер КГБ. Они тоже встречаются – в Афганистане, вместе заглядывают смерти в глаза, остаются живы, но... Этот счастливый конец почему-то не кажется столь жизнеутверждающим, как в случае с первыми двумя героями. Впечатление таково, что, вопреки математике, плюс на плюс дал здесь если не минус, то ноль, провиденциальная встреча обернулась ничем. Такое противопоставление двух пар не покажется читателю нарочитым или условным: Борис Корнев, как всегда далёк от надуманности, его повествование кажется (а нередко и является) строго документальным, не терпящим никаких концептуальных вольностей. Но концептуальность рождается сама собой именно из строгого следования реализму, – ведь и окружающая нас реальность чрезвычайно богата подспудными смыслами.

Логическим центром данного цикла (да и всего сборника) является рассказ «Бухта Провидения». Если рассматривать его в отрыве от книги, – то это просто лаконичный, холодноватый, со знанием дела написанный очерк о работе советских учёных-полярников. В контексте же сборника он кажется эпицентром

всех собранных здесь повествований, своего рода глазом циклона. Бухта Провидения из географического понятия становится едва ли не мистической сущностью. Как известно, Арктику называют «кухней погоды» для всей планеты, в книге же она – «кухня судьбы» из которой провиденциальные вихри расходятся по всем сюжетным линиям сборника. Это тот хаос, из которого рождается всё сущее. Холод и снег – это доминирующий фон большинства рассказов: в повести «Одна на всех...» вспоминается в первую очередь декабрьский лесок, в котором герои пытаются перебежать от власовцев к своим; действие рассказа «И судья, и палач» происходит зимой 1942–43 гг.; «Чашка чая» – тоже зима; «Исправление ошибок» – холодная мартовская ночь; зима присутствует в рассказе «Все дома!», угадывается в таёжном пейзаже «Встречи», и в холодной вершине Монблана («Последние капли дождя»)... Жар Кандагара («Инструкция по делопроизводству») и Абхазии с огромными белыми гортензиями, похожими на комья снега («Оранжевое море») только подчёркивает полярный холод основного пространства книги. Стужа «Бухты Провидения» – «кухни судьбы» – дышит на каждой её странице. И даже на обложке книги с репродукцией картины Клода Моне. Здесь сверкающая дорожка на воде, идущая по гавани от солнечного диска, пробивается сквозь туман, какой бывает в Гавре при восходе только поздней осенью или зимой.

Некий современный гуру советовал своим адептам: «Холод тоже может согревать, надо только уметь взять из него тепло!» Кажется, у Бориса Корнева этот парадокс воплощается в жизнь.

Как уже говорилось, последний рассказ сборника называется «Глава первая». Даже более того: слова «Глава первая» являются последними словами книги. Герой рассказа, несчастный писатель, не справившийся с капризами вдохновения, умирает за пишущей машинкой, успев отстучать на чистом листе только эти сакраментальные слова. Вышло так, что вся жизнь была лишь прологом, а содержание первой главы нам пока не доступно: мы ещё не умеем читать на этом языке, не знаем даже алфавита посмертной участи. Но и здесь, в земной жизни та же история: не даром же избавление от неминуемой гибели мы называем вторым днём рождения – ещё одной первой главой нашей жизни. Всякий новый поворот судьбы, всякий подарок Провидения – сколько бы их ни было прежде – открывает первую главу в нашей судьбе: всё пишется заново, всё начинается сызнова.

Владимир Алексеев

Содержание

Новые океаны. <i>Эссе</i>	3
«Одна на всех...». <i>Повесть</i>	9
И судья, и палач. <i>Рассказ</i>	44
Последний эшелон. <i>Очерк</i>	53
Победа. <i>Новелла</i>	59
Немчики. <i>Новелла</i>	60
«Этот сумрачный, белёсый свет...». <i>Рассказ</i>	61
Исправление ошибок... <i>Рассказ</i>	65
Последние капли дождя. <i>Рассказ</i>	72
Тайны «пылающего Разума». (Гийом Аполлинер. «Прощание»). <i>Эссе</i>	86
Зеркало любви (Шарль Бодлер. Муки творчества). <i>Рассказ</i>	98
Бухта Провидения. <i>Рассказ</i>	108
Встреча. <i>Рассказ</i>	120
Чашка чая. <i>Рассказ</i>	134
Инструкция по делопроизводству. <i>Рассказ</i>	142
Реликтовое излучение. <i>Рассказ</i>	154
Оранжевое море. <i>Рассказ</i>	171
Просто Мария. <i>Рассказ</i>	181
Все дома! <i>Рассказ</i>	203
Здесь рождаются впечатления. <i>Очерк</i>	209
Глава первая. <i>Рассказ</i>	215
Отзывы писателей Санкт-Петербурга о прозе Б.Ф. Корнева	222
<i>Алексей Бакулин.</i> Колесо сансары на русских просторах	225
<i>Андрей Родосский.</i> Любовь пронизывает всё! (из отзыва на сборник «Зеркало любви»)	231
<i>Владимир Алексеев.</i> «...Вверим себя Провидению!»	234

КОРНЕВ
Борис Фёдорович

Бухта Провидения
Повесть, рассказы, очерки и эссе

Художник А.В. Спиридонов
Технический редактор А.В. Слободин
Редактор Е.Г. Шабалова
Фотограф Г.М. Кургин

Главный редактор Н.В. Кирющенко

Издательство «Историческая иллюстрация»
192019, Санкт-Петербург, ул. Глазурная, 2-89
E-mail: info@ist-il.spb.ru
Тел./факс: (812) 412 0737

Подписано в печать 22.01.2018. Формат 60 × 90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Объем 15 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 255

Отпечатано в типографии «Арт-экспресс»
199155, Санкт-Петербург, В. О., ул. Уральская, 17, к. 3